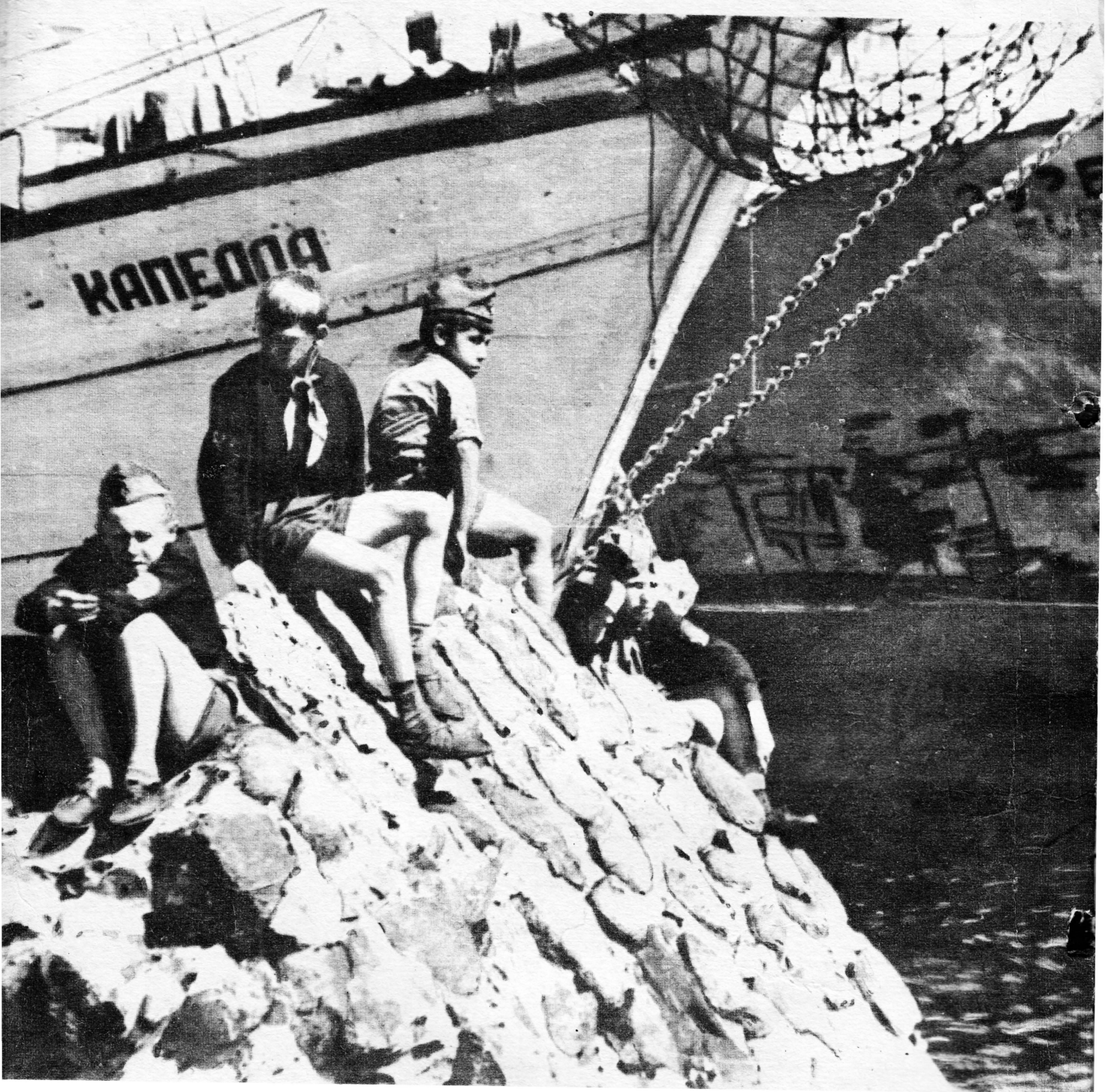

5
1971

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫМ

Ю. Ведерников (г. Свердловск)

ДАЛЕКО-ДАЛЕКО ЗА МОРЕМ...

Литературно-художественный
научно - популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания четырнадцатый

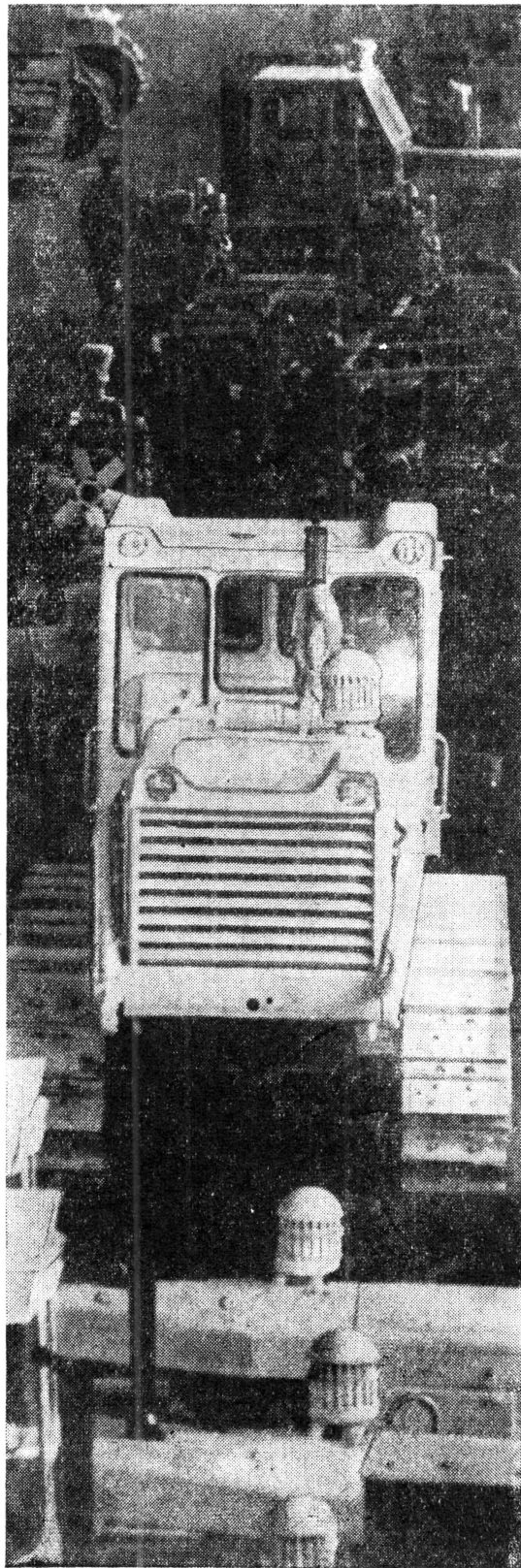
В Н О М Е Р Е

Ю. Яровой ХРОНИКА «Т»	2
Б. Дробиз ШАГНУВШИМ В БЕССМЕРТИЕ	5
О. Павловский НАМ БЫЛО СЕМНАДЦАТЬ. ПОВЕСТЬ	6
Э. Дубровина СТИХИ	24
З. Тоболкин ЗАНУДА. Очерк	26
В. Хохлачев ХОЖДЕНИЕ АФАНАСИЯ МЕТЕНЕВА ЗА ГО- ЛУБЫМ КАМНЕМ	30
П. Бабоченок ЦЕЛЬ — «АДМИРАЛ ТИРПИЦ». Очерк	33
ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО	39
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА	40
В. Утков ПЕРВЫЙ ХЛЕБОПАШЕЦ БЕРЕЗОВА	42
А. Буталов В СОЛОМЕННУЮ ПЕЩЕРУ	46
П. Казанцев ПАМЯТНИК «СОБАКЕВИЧУ»	47
М. Немченко КОНТАКТЫ. Юмористическая фантастика	48
Е. Овсянкин БЛУЖДАЮЩИЕ ДУШИ. Документальное повествование	52
Т. Ефимова ЗАПУТАННАЯ БИОГРАФИЯ	62
В. Житников ОТЧЕГ «ЗАПЛЕТЫК ЯЗЫКАЕТСЯ»	66
Т. Шеромова ПОЭТ КОМИ	67
Штаб операции «Ч» ТЕМ, КТО СОБИРАЕТСЯ В ПУТЬ	70
Н. Гребнев ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ	72
Н. Зайцев ПЕСЕЦ-ШАХТЕР	75
Ю. Сапоженков ИЛАН-ЗМЕЯ	76
Ю. Муравин ЗАБАВА БОГАТЫРСКАЯ	78
СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ	80

Обложка С. Киприна и В. Воловича

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П О Л Ы М 5
1971

ХРОНИКА „Т“

Пачка писем, помеченных индексом «Т».

«Мы, девушки 10-го класса, на Ленинском зачете дали обещание — после школы пойти на стройку. Наш путь на вашу ударную. Но пока у нас нет профессии. Примите нас!

От учеников 10 класса Т. Богданова
КОМИ АССР».

«Можем ли мы, группа юношей и девушек, приехать к вам без комсомольских путевок!

От группы ребят А. Рыбкин.
г. Вологда».

«Учусь в техникуме. Мои специальности — фрезеровщик, слесарь-сборщик, плотник-бетонщик. Огромное желание работать у вас.

А. Кочнев.
г. Суздаль».

И еще одно:

«Я монтажник. Хочу и буду работать у вас. Ответа не пишите — встретимся на стройке!

И. Пухов».

По штемпелю на конверте определили — письмо пришло из города Жданова.

Так что такое «Т»? На этот вопрос ответил стихами Вениамин Цыганков:

Тракторострой!

Тракторострой! —

Вдруг по Союзу

слышно снова.

Откуда вышло

это слово?

Какою

рождено порой?

Оно — из прожитых тридцатых,

Тех довоенных

жарких лет,

Когда телегам

и лопатам

Лишь снился

гусеничный след...

Стихи Цыганкова опубликовала «Малая комсомолка», как называют на «Тракторострое» специальный выпуск — газету, размером в два тетрадных листа. Опубликовали 31 декабря, накануне нового года. И пусть не совсем удачным оказался поэтический образ телег и лопат, которым «лишь снился гусеничный след...» — стихи были признаны и оценены. Признаны, потому что Цыганков — сам один из тех, кто создает хронику «Т».

Да, хроника «Т» начиналась с лопат. В мае 1930 года на восточной окраине Челябинска, на огромном пустыре, появились десятки тысяч землекопов. Это были парни и девчата, главным образом приехавшие из деревень. Вся техника — лопаты да подводы-грабарки, на которых отвозилась земля из котлованов, подвозилась арматура, цемент и лес. Глядя на это людское море, с яростью, с песнями долбившее твердый неподатливый грунт, представители американской

Т-130 готов в путь

фирмы «Леон-Кормик», с которой было заключено соглашение на поставку основного технологического оборудования для будущего тракторного гиганта, сделали категорический вывод: «Завод Советы не построят. У них нет квалифицированных кадров, нет опыта, нет строительной техники».

Да, все это было так. И все же через три с половиной года, в октябре 1933-го, с главного конвейера Челябинского тракторного сошла первая тысяча машин, в которых так нуждалась Страна Советов, вступившая на путь коллективизации. Это был подарок «Тракторостроя-30» к 16-й годовщине Октября. Как память об этом событии хранилось на заводе знамя комсомольцев-тракторостроителей тридцатых годов. И как эстафета это знамя, знамя «Тракторостроя-30», Иваном Ивановичем Кирилловым — одним из тех, кто пришел сюда, на восточную окраину Челябинска с лопатой в руках сорок лет назад, было передано на торжественном митинге 8 октября 1970 года представителям «Тракторостроя-70».

К тебе приходит
через годы —
Вторая молодость
завода.
И чья-то — первая,
друзья.

«Вторая молодость завода» в официальных документах называется реконструкцией. Однако сам директор ЧТЗ Герой Социалистического Труда Г. В. Зайченко признал, что реконструкция по сути дела представляет собой второе рождение завода. И подтвердил свой вывод такими цифрами:

В строящихся и действующих цехах, которые будут полностью перестроены по мере пуска новых, нужно смонтировать 3600 станков, 100 гигантских прессов, 75 автоматических линий!

«Тракторострою-70» предстоит установить всевозможное технологическое оборудование, помимо перечисленных станков и прессов, общим весом свыше 20 тысяч тонн!

В старых цехах, построенных «Тракторостроем-30», предстоит в ходе реконструкции заменить и переоборудовать около 7000 станков, прессов и сборочных машин!

А общая стоимость строительных и монтажных работ за пятилетие оценивается в 140 миллионов рублей!

Вот что такое «Тракторострой-70».

На импровизированной пресс-конференции вскоре после митинга Г. В. Зайченко, подчеркивая неразрывную связь хроники «Т», сказал: «Я желаю «Тракторострою-70» быть достойным преемником славы и доблести строителей

тридцатых годов. На повестке дня лозунг — «Даешь Т-130!».

«Даешь Т-130!» Этот лозунг на Челябинском тракторном сейчас самый популярный. Т-130 должен прийти на смену нынешнему трактору — Т-100М. Именно для этой ярко-желтой мощной машины со строгими современными формами, с герметизированной кабиной, внутри которой созданы все удобства для работы тракториста, и строится комплекс гигантских цехов.

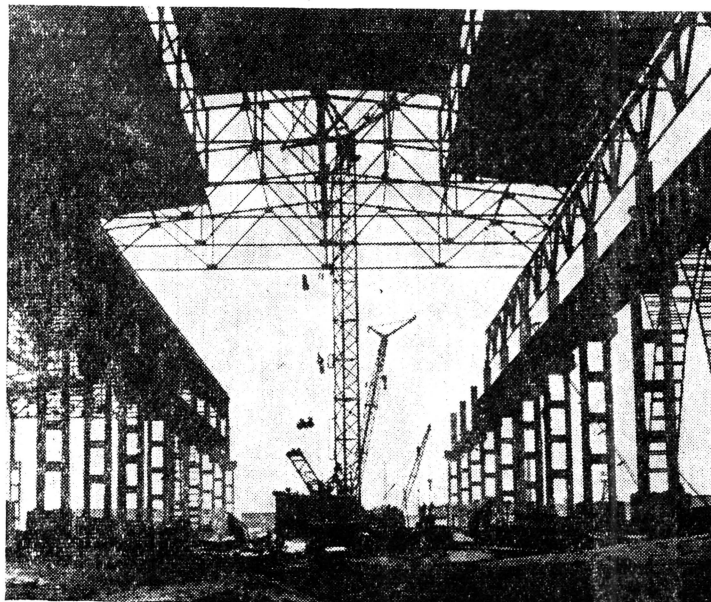
Немногие тракторостроевцы видели новую машину — пока Т-130 выпускается опытными партиями и проходит испытания в разных районах страны и за рубежом. Но о характеристиках нового трактора знает каждый. Вот что такое Т-130:

Испытания показали, что производительность нового трактора выше, чем у его предшественника на 40—60 процентов. Это значит, что два Т-130 заменят три Т-100М!

Новый трактор не только мощнее, но и гораздо больше по размерам, чем Т-100М. По весу два Т-130 равны трем Т-100М.

А если заставить новый трактор работать с бульдозером, то за час он перебросит 140 кубометров земли — в полтора раза больше своего предшественника!

Самое сложное заключается в том, что переход на новый трактор должен произойти постепенно, в работе завода не должно быть ни одного дня перебоя. Сборочный конвейер Т-130 будет пущен в 1972 году, но еще некоторое время, пока новый трактор будет осваиваться, с конвейера будут сходиться машины старой моде-

Цех строят «руками» машин

Бригадир

ли. И только в 1975 году обновленный, получивший вторую молодость завод наберет полную мощность и будет выдавать Т-130.

Но это будет. А пока на пустыре, и опять, как сорок лет назад, на восточной окраине города, поднимаются корпуса второго ЧТЗ — пресово-сварочных конструкций, опытно-производственного, литейного, брикетирования. Только не увидишь теперь здесь строителя с лопатой — все работы механизированы. Не увидишь теперь здесь легендарных, запечатленных кинохроникой и фотографиями первых пятилеток тачек и грабарок — на смену им пришли гиганты-самосвалы, мощные бульдозеры, гусеничные краны и скреперы. И такое впечатление, что строят не люди, а машины.

Но людей и в самом деле мало. Стройка

испытывает недостаток в бетонщиках, монтажниках, сварщиках. Челябинский горком комсомола постановил: каждый комсомолец города должен отработать на Всесоюзной ударной не меньше пяти-шести часов в год. И каждый месяц из области прибывают на стройку комсомольские строительные отряды — по 100—150 юношей и девушек. Но и этого мало. Вот почему в комсомольском штабе стройки с таким волнением разбирают пачки писем, приходящих сюда со всех концов страны.

«Мне бы очень хотелось после службы в армии приехать к вам. Я закончил индустриальный техникум. Имею рабочую специальность — электросварщик 4-го разряда.

Старший сержант П. Иванов
г. Чита».

«Я счастлив, что строил автозавод-гигант — ВАЗ. Теперь мечтаю работать на строительстве одного из крупнейших в мире тракторных заводов. Согласен работать на любом участке стройки. Можно приехать!

Ф. Закиров.
г. Тольятти».

Можно! Всесоюзная ударная ждет вас. И пусть вашим гимном станут стихи одного из ваших будущих товарищей по труду — Бориса Калентьева:

Мне новый город
Ясно виден
И новый
Тракторный завод.
Великая
Профессия —
Строитель!
Высокое
Призвание
Мое.

Ю. ЯРОВОЙ
Фото С. Сиротина

Монтажники

ШАГНУВШИМ В БЕССМЕРТИЕ

Георгий Кузнецов, Вольдемар Берг, Саид Гильязов, Володя Пеньковский, Галя Сушкова... Их было шестьдесят восемь воспитанников челябинской школы № 1 имени Энгельса, отдавших свою жизнь за честь, свободу и независимость нашей Родины в борьбе с немецким фашизмом.

В прошлом году на школьном родительском собрании возникла идея увековечить имена этих учащихся. Но где взять средства на памятник?

Целое лето ученические бригады проводили корчагинские трудовые вахты, собирали металлический лом. Отряд,

состоявший из двухсот мальчишек и девчонок, их родителей, шефов школы, расчищал строительную площадку, выкорчевывал старые деревья. А молодой скульптор Виктор Бокорев в это время увлеченно работал над памятником, названным им «Подвиг». Добровольные помощники, бывшие выпускники школы, подготовили для памятника место у входа в школу, уложили десятки тонн глины и бетона.

Открыть монумент предоставили право участнику Великой Отечественной войны, заслуженному врачу республики А. А. Кузнецову и его сы-

ну, выпускнику школы, А. Кузнецову; бывшему ученику школы — участнику Итальянского сопротивления А. А. Гулину и его дочери, выпускнице этой же школы М. Гулиной; выпускнику школы 1944 года В. А. Печенкину и его дочери, ученице девятого класса — Л. Печенкиной.

На постаменте со знаменем и автоматом в руках — юноша-солдат. Чуть правее скульптуры — на длинной стене — высечены имена павших, шагнувших в бессмертие.

Их было шестьдесят восемь.

Б. ДРОБИЗ

Фото Л. Чернышева

Повесть

Олег ПАВЛОВСКИЙ

Рисунки Н. Мооса

Мальчишки

— С-смир-р-р-но!

Мы задираем головы, напряженно тянем руки по швам, и каждый из нас, ручаюсь, думает об одном: ну кому, зачем нужна вся эта муштра, когда фронт ждет солдат, умеющих стрелять, а не стоять, деревенея, навтыяжку?

Нам бы винтовки да по сотне патронов к ним — можно и с колена, и лежа, и стоя — только скомандуй, не подведем. Но винтовки, говорят, мы получим недели через две, а пока...

— Морозов, куда смотришь? Ворон считаешь?

Это ко мне. Я действительно смотрю не на взводного, как положено по уставу, а в сторону, туда, где за плотным, ограждающим военный городок забором стоят штабеля тщательно уложенных досок.

6 Предмайское солнце пригрело шапки снега на штабелях. Снег враз осел, посерел, и шапки стали похожи на подгоревшие и оплывшие

олады. По краям доски облеплены толстыми сосульками. Даже отсюда видны порхающие в сосульках солнечные блески. И, конечно, во всю звенит капель. Но мы ее не слышим. Слух наш настроен на зычный голос взводного. И кроме этого голоса уши никаких посторонних звуков не воспринимают.

Я знаю — по всей Северной Двине так же звенит капель и точно так же стоят штабеля досок, никому сейчас не нужных и потому посмуревших, ссутуленных, словно от старости.

Уже скоро два года как идет война. Уже скоро два года как пустуют причалы, и порталные краны стоят безмолвными, сникшими сторожами. А было время — стояли на рейде заморские корабли в очереди за прославленным русским лесом. По их разноцветным, рисунчатым флагам мы определяли, из какой страны прибыл лесовоз.

Словно не капель, а слезы роняют сидящие штабеля.

Я перевожу взгляд со штабелей на взводного и смотрю на него, не моргая. Взводный удовлетворен,

НАМ БЫЛО СЕМНАДЦАТЬ

— На-апра-а-во! Шшшагом а-арш!

Щепа и опилки утрамбованы так, что идешь по сплошной насыпи, словно по гранитной мостовой, и только звуки шагов не отдаются, а глухо скрадываются насыпью, на которой плохо растет даже неприхотливая сорная трава.

Когда-то, еще при Петре Первом, здесь было кочковатое болото, называемое по-местному мхами. На мхах в изобилии росла клюква и морошка. Потом на берегу реки поставили лесопильный заводик. Он стал разделять сплавляемый по Двине лес на доски. Опилки, кора, обрезки — все сваливалось во мхи. Так с годами образовалась твердая почва, на которой можно было ставить дома и прокладывать мостки-тропуары. По привычке люди называли эту насыпь землей, и кое-кто ухитрялся даже завести на ней крохотные, но все же зеленые огородики. Земля эта хороша была тем, что по весне и осени моментально впитывала в себя влагу, и грязи в поселке не знали. Зато, пригретая летним солнцем, она источала тяжелый запах гниющей древесины. Босиком по ней тоже не больно побегаешь — как шаг, так заноза, а то и две. Сколько повыковыривал я в детстве таких вот заноз, больших и маленьких, не счесть.

Сейчас нам не то что щепа, а и железные колючки не страшны — ноги обуты в новенькие, с толстой подошвой, ботинки. С непривычки они тяжелы. Но это не беда; больше всего каждого из нас беспокоят обмотки. Они вот-вот сползут с отощавших икр и располосуются следом. И тогда придется выходить из строя и под пристальным, насмешливым взглядом взводного торопливо обматывать голени широкой серо-зеленой лентой, то и дело грозящей выскользнуть из непослушных рук.

Эх, обмотки, обмотки! — нехитрый заместитель голениц солдатских сапог, о которых нам пока остается мечтать, потому что сапоги выдают только перед отправкой на фронт.

— Бе-е-гом!

Пока все нормально. Мы кружим по плацу и довольно сноровисто для новичков выполняем команды взводного, хотя и подступает усталость.

В петлицах у взводного по кубуку. Погоня ввели месяца три назад. На всех погон пока не хватило. Потертая шинель ладно сидит на его коренастой фигуре. Под шинелью, на гимнастерке желтая полоска — знак тяжелого ранения — и медаль «За отвагу». Не будь этой полоски и медали, мы вряд ли так старательно выполняли бы его команды.

Сначала, когда мы только прибыли в запас-

ной учебный полк и взводный в наглухо застегнутой шинели, прохаживаясь перед неровным, скученным строем, втолковывал нам, что мы, дескать, теперь не просто граждане Советской страны, а бойцы славной Советской Армии, развернувшей наступление на всех фронтах, и что нам надлежит свято чтить воинский устав и выполнять свой долг перед Родиной, мы думали: «Развел антимономию! Будто мы и без тебя этого не знаем. Прячешься за штабелями от фашистских пуль, речи красивые произносишь, о долге говоришь, а сам, небось, и немца в глаза не видел!»

Ему было не больше тридцати пяти, но нам он казался уже стариком и, по нашему понятию, должен был быть заслуженным воякой, а не тыловой крысой.

Что поделать, мы в то время не задумывались как-то над той огромной ролью тыловиков, в частности, интендантов и тех, кто готовил молодых, ничего по сути не смыслящих в воинском деле солдат к предстоящим боям. И притом каждый из нас уже в какой-то мере познал войну. Длиннющие очереди за хлебом, постаревшие за два года на все десять лет лица матерей, постоянные воздушные тревоги, забитые до отказа бомбоубежища с перепуганными детишками — все это было в порядке вещей. Война есть война. Но здоровый с виду человек в военной форме, без наград и отличий вызывал у нас чуть ли не отвращение.

Каково же было наше замешательство, когда взводный зашел перед отбоем в казарму без шинели и мы увидели медаль и жедтую полоску. Он сразу стал своим человеком. А потом взводный нас покорила своей памятью. Уже на третий-четвертый день он знал по фамилии каждого из сорока четырех подчиненных ему новобранцев.

— Взво-од... стой!

Взводный тоже, видать, приморился. Да и время — пора бы объявить десятиминутный перекур.

— С-смир-р-но!

Мы вытягиваемся в струнку, лишь бы взводный остался доволен. Ведь ему ничего не стоит начать все сызнова.

— Вольно!

Ну, давай же, давай, не мотай душу...

— Пе-е-рекур!

Эта команда словно звонок на перемену. И мы, по не успевшей забыться еще привычке, с шумом и гогом срываемся с места и — куда только девались усталость и скованность! — разлетаемся по плацу, схватываемся в дружеской

потасовке, вырываем друг у друга кисты с махоркой, а запыхавшись, рассказываемся где попало и начинаем неумело скручивать сигарки.

Нам по семнадцать с махоньким, и курить по-настоящему почти никто не умеет, хотя, наверное, многие дымили в школьных уборных. Но теперь мы не школьники и к тому же вчера получили по первой пачке махорки — как тут ударишь лицом в грязь!

Взводный сидит чуть в сторонке, со вкусом затягивается командирским «беломором», искоса поглядывает на нас, и взгляд его, теплый сейчас и не по возрасту отеческий, будто бы говорит: «Эх, мальчишки, мальчишки! Ну, что мне с вами делать!»

Тревога

Проходят дни и недели, однообразные, как гороховый суп в обед. Все расписано, учтено, размерено. Не знаешь только — заработаешь ты сегодня внеочередной наряд или нет. Тут уж как сам постареешься.

А в двадцать три ноль-ноль — отбой.

Эта команда выполняется особенно четко. Мигом скручиваются обмотки, складываются на полочку в изголовье гимнастерка с брюками, и через минуту в казарме воцаряется тишина. О крепости молодого солдатского сна говорить не приходится, но сон этот схож со сном кормящей матери. Как та просыпается, услышав хотя бы слабый плач ребенка, так и солдат тотчас вскакивает даже при негромком оклике своего командира...

Я плыву по Двине на огромной барже-поскодонке. Баржу тянет коренастый буксир. На его широкой дымной трубе красуется белый и большой, как у океанского парохода, гудок. Из гудка временами вырывается пар, но он остается нем, словно разевающая зубастую пасть щука. И вдруг — зычное:

— Подъем!

Вместе со мной тотчас поднимаются все.

— Одеть противогазы!

Кидаемся к стойке, разбираем сумки с противогАЗами, вытягиваем маски.

— Ложись!

Быстренько ныряем под одеяла. И только Пушкин, слишком прямолинейно поняв смысл команды, бухается прямо на пол, чуть не сбив с ног взводного.

Тот намеревается выругаться, но узнает в распростертом перед ним солдате Пушкина и, махнув рукой, выходит.

Никаких, даже косвенных отношений к родословной великого поэта наш Пушкин не имеет. Более того, он не знает наизусть ни одного пушкинского стихотворения и путает Дантеса с Арзамасом.

Нашего Пушкина зовут Васей. Он белобрыс, худ и сутул. Все старания недавно пришедшего к нам сержанта Климова хоть как-то выпрямить его спину ни к чему пока не привели. Команды до Пушкина доходят туго, наряды вне очереди сыплются бесконечно, и когда все преспокойно похрапывают, Пушкин «со товарищи» драит шваброй коридор или туалет.

Как-то Пушкину повезло — день закончился для него благополучно. После отбоя он лег и тут же сладко захрапел. Сашка Латунцев, вечно

чем-то недовольный и язвительный парень, предложил устроить Пушкину «велосипед» — зажать между пальцами ног клочок бумаги, но на Сашку обрушился весь взвод: незадачливого Пушкина в общем-то все любили и зло шутить над ним не позволяли никому.

И все же спать Пушкину пришлось недолго. После отбоя старшина обычно ходил по казарме, смотрел — в порядке ли одежда, не вздумал ли кто покурить перед сном, не подался ли в самоволку... Так было и на этот раз. Старшина, стараясь не скрипеть до блеска начищенными сапогами, прошелся меж коек, приостановился возле похрапывающего Пушкина, улыбнулся, повернул было назад, но почему-то вдруг задержался и потряс Пушкина за плечо.

Пушкин недовольно сморщился, поджал ноги, потом приоткрыл один глаз и, узнав старшину, икнул с перепугу. Не понимая, в чем же он во сне провинился, Пушкин вскочил на ноги, захлопал подпухшими веками.

— Что это? — просипел старшина, показав на торчавший из-под матраца темный предмет. Пушкин сонно моргал и молчал.

— Что это, я спрашиваю? — у старшины начали раздуваться ноздри.

Пушкин пожевал губами и, опять-таки ничего не сказав, вытащил предмет, оказавшийся обыкновенной шваброй.

Дело в том, что швабр не хватало и Пушкину приходилось ждать, пока товарищ по несчастью выдраит свою часть и передаст швабру ему. На этот раз Пушкин решил схитрить и, видимо, еще с утра припрятал швабру. Но не рассчитал.

По горящим глазам старшины Пушкин все понял, быстренько оделся и пошел за ведром.

Не знаю, наедался ли когда Вася в своей Шалакуше — деревеньке между Архангельском и Няндомой, — но здесь он ходил вечно голодным, хотя кормили нас по тем временам вполне сносно. На гражданке о таком пайке только мечталось, и мы все тут поздоровели. Пушкин тоже не походил на дистрофика, но, видимо, навязчивая идея налопаться до отаала преследовала его с самого дня рождения.

Пытаясь выгадать что-то, Пушкин простодушно менял первое, скажем, на второе, порцию сахара на утреннюю горбушку хлеба, а горбушку в свою очередь на две тарелки борща. Узнай об этом старшина, Пушкину досталось бы на всю катушку, но обмена свои он совершал втихаря, а доносить друг на друга у нас не было принято. Хитрые и предприимчивые ребята пользовались Васиной слабостью, и случалось так, что, совершив за день несколько вариантов обмена, Пушкин за ужином оставался с одним стаканом чая, а потом долго и туго соображал, как же так могло получиться.

Однажды Пушкину выпало дежурить на кухне. Насколько помнится, так крупно ему повезло только раз. Дежурство на кухне считалось особо почетным. Ну, Пушкин и расстарался. Работал он, правда, за двоих, все распоряжения повара выполнял точно и беспрекословно, а когда очередь дошла до еды — тут уж равных ему вообще не нашлось. А ночью Пушкину стало плохо. И надо же было командиру роты выйти в коридор как раз в тот момент, когда Пушкин, держась одной рукой за живот, а другой зажимая рот, с вытаращенными, полными боли и ужаса глазами летел в уборную.

Старший лейтенант терпеливо дождался, пока Пушкин вернулся, остановил его, бледного и облегченного, спросил строго:

— Фамилия?

— Рядовой Пушкин, товарищ старший лейтенант.

— На кухне дежурил?

— Дежурил, товарищ старший лейтенант.

— Ободрался?

Пушкин потупил глаза.

— Та-ак... Три наряда вне очереди.

— Есть три наряда вне очереди! — привычной скороговоркой выпалил Пушкин. — Разрешите идти?

— Идите, рядовой Пушкин, — с таким презрением произнес комроты, что, наверное, легче было бы выполнить еще три внеочередных наряда, чем это услышать...

И вот сейчас рядовой Пушкин, уверенный в своей правоте, смешной и немного жалкий, лежит, уткнувшись противогазной маской в добела вымытую половицу.

Сашка Латунцев щекочет ему пяtku. Пушкин дрыгает ногой, поводит головой и под глухой стонущий смех товарищей неловко поднимается с пола. И кажется, что даже стекла его противогазных очков выражают недоумение по поводу случившегося.

Спать в противогазе тяжело: дышишь словно через прижатые ко рту пальцы. Может, накрыться с головой да снять маску? А вдруг проверка?.. Достāju носовой платок, свертываю жгутиком и жгутик этот затискаваю под маску чуть пониже левого уха. Дышать легче. Поворачиваюсь на правый бок и тут же засыпаю.

И снится мне — лежу я будто во мхах и окружает меня отряд фашистов. В руках у них не автоматы, а блестящие круглые шары, какие мы в новогодний праздник вешаем на елки. Несут они эти шары перед собой и смеются. Ага, думаю, газовые бомбы. Ну, да этим меня не возьмешь. С фашистов глаз не свожу, шарю рукой по левому боку, ищу противогазную сумку. А ее будто ветром сдуло. Ни на мне, ни около, нет сумки. Фашисты, видимо, заметили это, заржали, как застоялые жеребцы, и стали кидать в меня бомбами. Все мхи, каждую кочку обволок непроницаемый туман, разъедающий легкие. Еще мгновение — и мне конец...

Просыпаюсь в холодном поту и не могу понять — то ли это во сне было, то ли на самом деле. Дышать не вмоготу, спальня в густом тумане, сквозь который тускло высвечивается лампочка под потолком да размытые контуры коек. Догадываюсь вытянуть жгутик. Противогазная маска плотно прилипает к коже. Снова начинает одолевать сон.

— Подъем! Боевая тревога!

Ну, тут раздумывать некогда. Через три минуты надо стоять в строю. Надеть гимнастерку, не снимая противогаза, не очень сложно. Труднее с обмотками. Сумка сползает, гофрированный шланг выпячивается, мельтешит перед глазами, мешаешь перехватывать скрученную рулетом обмотку. Но все обходится. Остается выхватить из пирамиды винтовку, пробежать метров двадцать по коридору, скатиться с высокого крыльца и занять свое место в строю.

Слева от крыльца, лицом к роте, стоят, опустив головы, шесть человек. Босые, в одном нижнем белье и противогазах, они похожи на уморительные карикатуры. Пушкин, разумеется,

возглавляет шестерку. Мы трясемся от смеха и знобкого ночного холодка.

Оказалось, у этих шестерых хватило сообразительности лишь на то, чтобы вытащить предохранительные клапаны или отвинтить патрубки противогазов. А когда комроты зажег дымовую шашку, они, одурев, повыскочили в коридор, и вся их «хитрость» стала очевидной.

— Смир-рно!.. Направо равняйся!.. У кого там винтовка прыгает? Вольно!.. Противогазы снять!..

— Н-ну, субчики-голубчики?

Это обращение уже не к нам, это к тем, шестерым. Командир роты, невысокий, худенький и быстрый, окидывает каждого из них язвительным взглядом.

— Хо-ороши! Ну прямо-таки красавцы, хоть фотографа зови, да девочкам на память... А если враг? Так, в подштанниках, и встретите? Думаете, он от одного вашего вида драпать начнет? Позор! Для всего полка позор! Пять нарядов каждому! Привести себя в порядок. Даю две с половиной минуты. Марш! — и ротный вытягивает из брючного кармашка большие мозеровские часы с крышкой.

Не знаю, как это им удается, но через две с половиной минуты вся шестерка стоит в общем строю.

— Ш-шагом арш!.. Пр-правое плечо вперед...

И пошагали.

Куда, зачем — никто из нас не знает. Вперед — ротный с планшеткой на боку.

Гулко топая по улицам поселка, разбродно переходим длинный деревянный мост, а дальше — вольным шагом по лесной наезженной просеке. Одному тут было бы жутковато. Серая ночь с недавно народившейся луной только подчеркивает непроглядную темень леса. Эхом отдаются наши шаги, и потому все время кажется, что нас кто-то догоняет. Тянет сыростью, пахнет смолой и болотом.

Сначала идем бодро, разгонисто, с шуточками и подковырочками, потом ноги начинают тяжелеть, винтовка непомерно давит на плечо, скатанная шинель стягивает грудь и спину, и все меньше разговоров, все неровнее шаг.

— Ро-ота, стой!.. Перекур десять минут.

— С дремотой?

— Отставить шуточки.

Мы ложимся на обочину, стараясь повыше задрать ноги. Трава сухая еще, не росная. Ротный расхаживает себе, будто и не оставил позади десяток километров, будто только что встал

с постели и разминается. А ведь он не спал сегодня ни минуты.

— Во жила! — восхищается Латунцев. — Форс давит или взаправду не умаялся?

— Боевой дух поднимает, — отвечаю.

Незадачливая шестерка во главе с Пушкиным отходит подальше от всех, разуевается поохивая. Торопясь, они по чьему-то неразумному наущению надели ботинки на босу ногу, а портянки сунули в карманы. Теперь у них вздулись волдыри, и портянки вряд ли уже помогут.

— Сжевать бы сейчас горбушечку граммчиков на восемьсот, — мечтательно произносит кто-то за моей спиной. Мне лень повернуть голову.

— С салцем или маслицем?

— С парным молочком.

— А может, с вареньем земляничным?

— С семгой.

Ну, завелись — не остановишь. А вообще-то о жратве говорить у нас не принято, особенно на полном серьезе.

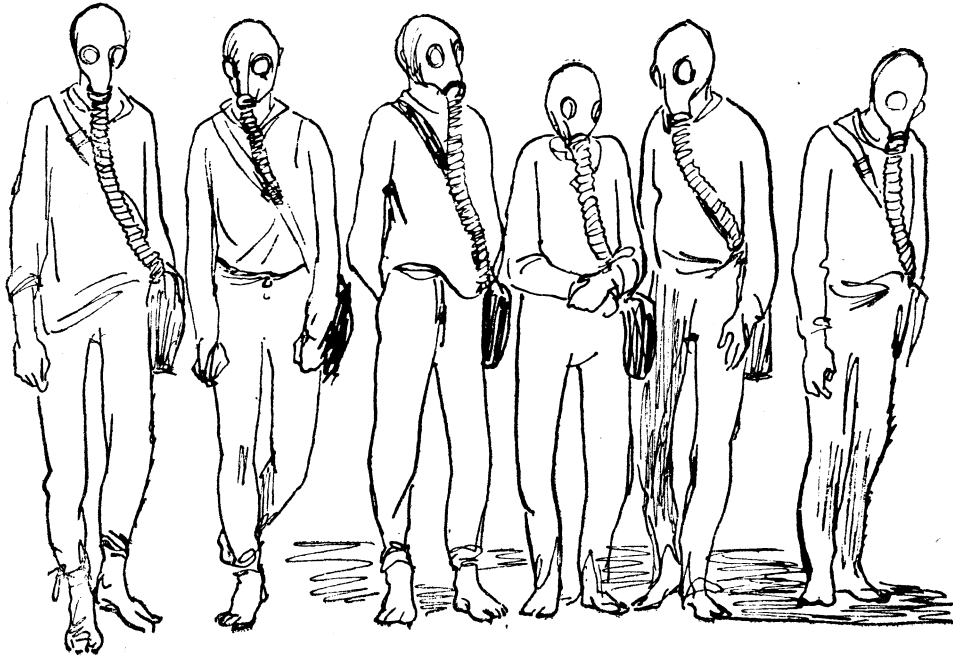
— Встать! Стройся!

Неужели десять минут прошло? Ох, как не хочется подниматься с потеплевшей под спиной земли.

— Ш-шагом арш!

Мы отлично знаем, что на фронте нам придется делать и не такие переходы и, возможно, без всяких перекуров, да еще рискуя нарваться на вражескую засаду или попасть под бомбежку, но такие вот тренажи, вроде сегодняшнего, кажутся нам зряшными, потому что фронт далеко и немец далеко, и куда полезнее, на наш взгляд, было бы дать нам хорошенько выспаться.

Нас гложет зависть к Феде Котову, полному добродушному парню из Холмогор. Он великолепно спит на ходу. Ни с ноги не собьется, ни в сторону не свернет. А глаза закрыты и на

лице разлито сонное блаженство. Котов говорит, что даже сны видит, но этому мы почему-то никак не можем поверить.

После третьего привала — поворот на сто восемьдесят градусов. Силы на исходе. Злополучная шестерка, стена и охая, плетется где-то в хвосте. Даже ротный заметно приустал. Он по-прежнему ровным зауценным шагом идет впереди колонны, но в поступи его уже нет прежней лихости.

Начинает светать. Солнце встает из-за спины. Мы догоняем собственные тени, смешные и необыкновенно длинные. Тянет ветерком-свежаком, настоенным на запахах проснувшегося хвойного леса.

— Запевай!

Сосед справа толкает меня локтем: давай, дескать, чего там! Но я молчу. Если бы не ротой — взводом шли, дело другое, тут уж не отвертись: хоть бог меня музыкальным слухом не наградил, но горлом не обидел, и потому выпало мне во взводе быть запеваляй. А сейчас я скромненько ожидаю, когда затянет песню кто-нибудь из другого взвода.

Рота по-прежнему идет молча.

— Морозов, запевай!

Что поделаешь, дисциплина есть дисциплина. Я подбираюсь, захватываю полную грудь воздуха и, подравняв шаг, во всю силу легких гаркаю:

До свиданья, города и хаты,

Нас дорога дальняя зовет...

Колонна сначала несмело, а потом все бойчее и громче подхватывает:

Молодые смелые ребята,

На заре уходим мы в поход.

И словно не было позади нелегкого похода, словно вышли мы на парад и четко и слаженно проходим мимо трибун, с которых приветствуют нас большие военачальники.

Дорога круто поворачивает к поселку. Солнце оказывается сбоку. Оно уже начинает припекать, обещая знойный день. За мостом нас встречает духовой оркестр. Ну, это уж вовсе здорово! Строем, под восторженными взглядами бегущих рядом поселковых ребятишек, мы проходим в военный городок и, только когда ротный командует: «Разойдись!», чувствуем, как на плечи ложится валящая с ног усталость.

На фронте без перемен

Мы никак не можем примириться с ежедневно внушаемой нам мыслью, что практика неразрывно связана с теорией и одно без другого — ничто. Разве от того, что я не буду знать, сколько весит опорная плита восьмидесятидвухмиллиметрового миномета, который мы изучаем, я буду хуже стрелять?

Взводный утверждает: «Да, хуже».

Спорить со взводным не позволяет устав.

Пушкин, не успевший очухаться после «противогазных» нарядов, готовится схлопотать новый. Прикрыв ладонью глаза, — метод старый и хорошо знакомый всем преподавателям, — он спит самым настоящим образом. Челюсть отвалилась, губа отвисла.

— Механизм грубого горизонтирования, — втягивает в наши головы взводный, — предназначен для быстрой установки вертлюга на глаз примерно в горизонтальное положение...

Окна в учебной аудитории распахнуты настежь. Иначе — задохнешься от резкого запаха ваксы, которой мы ежеутренне начищаем, а точнее, смазываем ботинки. С плаца доносятся глухие команды. Там занимается строевой подготовкой третий взвод. Вот им сейчас действительно жарко. У нас строевая была с утра, по холодку.

Под окнами возятся в пыли воробьи. Говорят, пыль дает им такую же прохладу, как человеку вода. Правда или нет? Эх, искупаться бы! — ...передвинуть зажимную втулку вверх или вниз по двуноге. Понятно?

Ни черта не понятно. Почему вверх или вниз? Уж что-нибудь одно — или вверх или вниз...

Я, кажется, балдею.

Взводный, закончив очередную тираду, пылливо оглядывает аудиторию. Я смотрю ему прямо в глаза. Помогает. Взводный отводит взгляд и останавливает его на Пушкине.

— Рядовой Пушкин!.. Для чего предназначен механизм грубого горизонтирования?

Пушкину сейчас можно задать вопрос из любой отрасли военной или иной науки и на любом языке — результат будет одинаков. Он сглатывает слюну и пытается что-то промычать.

— Для установки вертлюга... — слишком громко шепчет кто-то.

— Отставить подсказки! Садитесь, рядовой Пушкин... Ночью спать надо.

Даст наряд или нет?

Нет, проскочило. Пожалел взводный на этот раз Пушкина.

У взводного под глазами синие круги. Наверное, от бессонницы. Ребята слышали, что он несколько раз подавал заявление с просьбой снова отправить на фронт, но получал отказ за отказом.

А на фронте без перемен. После январско-мартовского наступления Совинформбюро каждое новое свое сообщение начинало со слов: «В течение такого-то дня на фронте существенных изменений не произошло».

Красные флажочки на большой карте страны в Ленинской комнате словно повяли, к ним давно уже не прикасается рука замполита, человека с желтым, измененным какой-то внутренней болезнью, лицом. Изредка сообщается о серьезных боях в районе северо-восточнее Новороссийска, но заметных успехов достигнуть, видимо, не удается.

Замполит на наши вопросы терпеливо объясняет, что войска не могут наступать непрерывно, нужно подтянуть тылы, сосредоточить технику, боеприпасы, пополнить измотанные в боях дивизии живой силой.

— А немцы? — прищурившись спрашивает Латунцев.

— Что — немцы?

— Как же они наступали непрерывно?

С замполитом мы разговариваем почти на равных.

— Во-первых, не непрерывно: их постоянно били и останавливали то здесь, то там, а, во-вторых, вы знаете, они скрытно и тщательно готовились к войне с нами и вероломно напали на нас, нарушив договор о ненападении.

— А мы не готовились? — ехидно усмехается Сашка.

Вопрос настолько сложен и необъясним, что замполит дергает щекой и резко бросает:

— Не заговаривайтесь, рядовой Латунцев!

После политзанятий, когда замполит, прихватив папку с вырезками из газет и журналов, выходит из Ленинской комнаты, Латунцев сплевывает:

— Готовились!.. Так же как мы сейчас готовимся: на строевой до пота, на матчасти — до опупения, а чтоб по цели бить научить — на-кося выкуси. Патронов жалко? А если я потом на фронте мимо фрицев лупить буду, дешевле обойдется?.. Не знает об этом товарищ Сталин, он бы им задал перцу.

Сашка прав. Второй месяц учебы подходит к концу, а мы ни разу не только из миномета, из винтовки не выстрелили.

И нетрудно понять нашу радость, когда взводный объявляет, наконец, что идем на стрельбище.

Стреляем лежа, с упора, по бумажным мишеням. Два патрона на пристрелку, три — в зачет. Пушкин все пять посылает «в молоко» и к тому же набивает плечо. Он наверняка проспал занятия, на которых говорилось о сильной отдаче винтовки при выстреле, а чтобы смягчить отдачу, нужно плотнее прижимать лодку к плечу.

Мой результат лучший. Впрочем, для меня это не сюрприз. Еще в школе я сдал нормы на значок «Ворошиловский стрелок». Настоящий сюрприз ожидает меня по возвращении со стрельбища.

У ворот проходной я вижу своего одноклассника Гришу Терешина. Он обрадованно взмахивает руками, показывает жестом, что ждет меня здесь. А я-то подумал спервоначалу, что Гриша к кому другому пришел. Ведь мы с ним не только не дружили, но и не ходили даже в товарищах.

Терешин небольшого, мне по грудь, роста, стеснительный и замкнутый. Он никогда не принимал участия в ребячьих свалках, не баловался табакком, не писал девчонкам записок и, несмотря на свой рост, сидел всегда на последней парте. На комсомольских и классных собраниях не выступал, учился на троечки, и его как-то не замечали, будто его и не было вовсе. И, казалось, он даже радовался этому.

Лицо его круглое, как колобок, даже зимой было покрыто веснушками. Стригся он под ежика и оттого еще больше напоминал неизвестно каким образом попавшего в наш класс малыша.

— Здравствуй, Терешин, — я первым протягиваю ему руку.

Он смотрит на меня восхищенным и в то же время виноватым взглядом, словно извиняется за то, что стоит передо мной не в военной форме, а в изрядно потертом сером костюмчике из хлопчатка, постиранном и выглаженном, видимо, специально для этого случая.

— А меня в армию не взяли, — грустно вздыхает он. — По росту не подошел. Доказывал, что маленькому легче и подкрасться, и спрятаться, — ни в какую.

— Ничего, в тылу тоже рабочие руки нужны. Без хорошо обеспеченного тыла и армии делать нечего, — внушительно, почти как замполит, говорю я, чтобы подбодрить Терешина.

— Это я понимаю. А все равно обидно, — он завистливо смотрит на почти опустевшую сейчас учебную площадку, на которой один из прощтрафившихся бойцов усердно, по всем правилам военного искусства колет штыком фашинуштит, сплетенный из березовых веток. — А туда мне можно пройти?

— Надо разрешение спросить.

— Спроси, пожалуйста, — умоляюще произносит Терешин.

Взводный внимательно и подозрительно глядит на меня, пока я вру ему, что Гриша — мой двоюродный брат, что живет он за полтора километра отсюда и приехал специально навещать меня. Всем своим видом показав, что он ни на грош не верит столь убедительным доводам, взводный все же говорит:

— Ладно, пусть пройдет. Тридцать минут, не больше.

Терешин останавливается возле дощатых, трехметровой высоты барьеров, у широких водяных рвов, смеется над моим рассказом, как во время тренировок два-три человека обязательно срываются и барахтаются в воде, пока им не бросят спасательную веревку.

— Я бы тоже не перепрыгнул, — говорит Терешин.

Он облюбовывает окопчик, садится на край и протягивает мне сверток, который все время держал под мышкой.

— Это тебе.

Я разворачиваю газету. В ней — целенькая, килограмма на полтора, булка ржаного хлеба и высокая банка американских консервов. В придачу ко всему, а уж этого никак ожидать нельзя было, тем более от Терешина, он, предвзвительно оглянувшись по сторонам, вытягивает из пазушного кармана четвертинку с белой головкой.

Я ошалело смотрю на все и вместо благодарности почему-то брякаю:

— Поминки решил устроить?

Гриша поднимает глаза. В них боль и упрек. — Извини, — говорю я, — пошутил по привычке. Просто... Просто я давно не видел такого богатства. Откуда?

— Понимаешь, — торопился он, боясь, видимо, что я отвергну этот поистине царский подарок, — мне здорово повезло. Я устроился грузчиком на продуктовый склад. Ну, что ты на меня так смотришь? Не веришь? Или, думаешь, украл?.. Нет, Морозов, это я честно заработал, кланусь. Мы двое суток не спали, надо было срочно разгрузить американский пароход, такие ящики таскали — спина трещала. Зато кормили — вот так! — Гриша шаркает ладонью по горлу. — Я три дня по карточке хлеб не выкупал. Сегодня вот только выкупил. И вообще у меня жратвы хватает. Я и домой принес, не думай, что все тебе. Это так только, вроде добавки к твоему пайку.

«Добавка» эта стоит на рынке рублей девятьсот, если не больше. Только за хлеб и консервы Терешин мог выменять новенький костюм или часы. Я чувствую, что он чего-то недоговаривает, что своей скороговоркой он пытается скрыть что-то более существенное. Но что?..

— Ешь, — говорит он.

— А ты?

— Я не хочу. Честное слово. Я во как наелся!

Я могу запросто слупить и консервы, и хлеб, — ну не весь, а уж половину точно, — но отламываю и сжевываю только хрустящую запашистую корочку. Остальное завертываю в газету.

— Потом, с ребятами. Не возражаешь?

— Ну, что ты!

Я попытался уговорить Терешина забрать

обратно хоть четвертинку, не положено нам выпивать, за это так вздрючат, что греха не оберешься и простым нарядом не отделаешься. Но Терешин неумолим.

Терешин рассказывает о выпускных экзаменах, о ребятах, но почему-то ни слова не говорит о Вале. А мне о ней-то больше всего и хотелось услышать. И у кого другого я спросил бы о ней, но у Терешина спросить мне почему-то неудобно.

Распровавшись, Терешин не идет сразу домой. Он стоит за воротами до вечерней нашей поверки. Потом в сумерках машет рукой и плетется к трамвайной остановке.

Валя

Я думаю о ней всегда, когда выпадает редкая минута поразмышлять о своем, личном, не касающемся службы.

Случилось так, что после седьмого класса мне пришлось пойти учиться в другую школу. Признаться, это не очень приятно — новые учителя, новые товарищи. Как-то встретят, как-то ты им придешься по сердцу?.. Естественно, я очень волновался, пришел в школу рано, отыскал восьмой «А», отворил дверь и увидел... ее.

Она задумчиво сидела на подоконнике. Окно было распахнуто, и ветер потрепывал ее длинные, падавшие на плечи волосы.

Заслышав мои шаги, она встрепенулась, спрыгнула на пол, удивленно глянула на меня, будто спрашивала, что, мол, тебе здесь нужно.

— Это восьмой «А»? — пролепетал я, почувствовав, как начинают полыхать жаром уши.

— Да. А вы — новенький? — сказала она и тоже почему-то покраснела.

Теперь я знаю почему. Пусть говорят что хотят, доказывают, приводят какие-нибудь примеры, я утверждаю: любовь с первого взгляда существует. И не только существует, а может быть, она и есть та единственная, неповторимая, настоящая, память о которой не покидает человека всю жизнь.

Мы ходили с Валей в театр, в кино, на каток и на танцы. Она приходила ко мне домой, и мы вместе решали задачи по тригонометрии. Потом я провожал ее. По дороге спорили, острили, болтали о чем угодно, и только одна тема была для нас как бы под запретом. Мы ни разу не обмолвились о своей любви. Да это, пожалуй, было и ни к чему. Мы без слов понимали друг друга. И, видно, настолько отношения наши были чисты и светлы, что даже одноклассники не подсмеивались над нами.

Впервые я поцеловал Валу уже в десятом классе. Мы ехали в переполненном трамвае с танцевального вечера. Кончался сорок второй год, голодный, безрадостный, и чтоб как-то забыть о пустом и тоскующем желудке, скрасить сумеречное существование, мы почти каждый вечер проводили в кино или на танцах.

Света в трамвае не было. Но за полтора года войны мы так свыклись со светомаскировкой и неосвещенными улицами, что стали, кажется, видеть не хуже кошек. К тому же северные ночи никогда не бывают густо черными.

Стоя на задней площадке холодного и гремящего трамвая, я довольно хорошо различал лица людей. Что же касается Вали, то матово-

бледное, притомленное лицо ее я мог видеть и с закрытыми глазами.

На повороте трамвай сильно качнуло. Валя со смехом, как бывало не раз, прижалась ко мне, а я, не думая о последствиях, повинуюсь только внезапно нахлынувшему желанию, легко чмокнул ее в холодную кожу щеки. И — будь что будет! — чмокнул тут же еще раз.

— Не надо меня провожать. Я сама, — тихо, не допускающим возражения тоном и потупив глаза, сказала она, когда мы сошли на остановку.

Я не спал ночь, пытаюсь представить, как загляну завтра в класс, какими глазами посмотрю на Валу, как заговорю с ней. И тут же пытался уверить себя, что ничего особенного не произошло, что когда-то должно было это свершиться и не может быть, чтобы она не ждала от меня поцелуя. Ведь девушки в этом отношении ничем не отличаются от мальчишек, только они стеснительнее. Но как бы там ни было, отношения наши не могут быть прежними, ведь мы перешагнули запретную грань...

Говорят, для влюбленных зимой расцветают розы, по-летнему греет солнце, прохожие кажутся добрыми и приветливыми, а самому хочется петь и смеяться. Не знаю, может, для кого бывало и так, мне же в тот утренний час, когда я спешил, опаздывая, в школу, все виделось в кривом зеркале. Роз не было, солнца тоже. Свириный мороз обжигал лицо. При взгляде на чужих, незнакомых людей, думалось, что они все знают. Я стыдливо опускал голову. На душе было мутно.

С Валей мы столкнулись в вестибюле, около раздевалки. Она посмотрела на меня, и в глазах ее я прочел — нет, не прощение за вчерашнее, нечто большее, от чего сладко замирает сердце и хочется сделать что-то такое, чего никто до тебя не делал. И, может, именно в то мгновение окончательно созрела мысль, что глупо и, пожалуй, преступно такому здоровяку, как я, дожидаться выпускных экзаменов, когда фашисты во всю лупят под Сталинградом. Там настоящий экзамен на зрелость, а не здесь, в теплых классах.

На неделе я сказал о своем решении Вале.

— А как же я? — спросила она.

— Ты будешь меня ждать.

— Буду, милый, — прошептала она, помолчав. Валя впервые назвала меня так.

Она провожала меня от военкомата и обещала навещать. Где же твое обещание, Валуша? Ну, не можешь приехать, хоть бы весточку подала. А ты словно растворилась, исчезла в сутлоке дней. Или забыла меня, выкинула из девочки своей памяти?

И вдруг:

— Морозов! На выход!

В казарме свободный час. Впрочем, это самый загруженный час. За это время нужно успеть пришить оторванную пуговицу, остричь ногти, сменить воротничок, написать письмо, да мало ли еще всяких неотложных дел.

Я никого не жду, но голос дневального почему-то заставляет встрепенуться и подумать о Вале. Я как бы ощущаю ее присутствие, улавливаю тонкий запах ее волос, вытеснивший резкие и грубые запахи ваксы и мужского пота, которыми пропитана казарма. И, потуже затягивая ремень, поправляя пилотку, я уже ни на секунду не сомневаюсь, что это она.

Под завистливыми взглядами солдат мы проходим с ней через плац и выходим к мхам. Валя осунулась, побледнела.

— Я некрасивая стала, да?

— Что ты! Да красивей тебя во всем мире нет. Видела, как ребята на тебя смотрели?

— Они на всех девушек так смотрят.

— Нет, не на всех.

— Не лъсти. Были трудные экзамены — ты же знаешь, как я плаваю в тригонометрии. А потом тяжело заболела мама. Я почти не отходила от нее. Поэтому и не могла приехать к тебе раньше. Извини.

— Ну, что ты!

— А тебя навещал кто-нибудь? — в ее вопросе сквозит явная заинтересованность.

— Ага. И ни за что не догадаешься кто. Ну? Валя пожимает плечами.

— Терешин! — восклицаю я. — Гришка Терешин! Он принес хлеб, консервы и водку.

— Водку? — удивленно поднимает брови Валя.

— Ну да, четвертиночку. Не понимаю, чего ему вздумалось. Ты же знаешь, мы с ним...

— Всех мальчишек взяли в армию, — перебивает Валя. — Только он и Журавлев остались. У Журавлева с глазами совсем плохо стало после экзаменов. Говорят, новые очки надо. А попробуй достань их сейчас...

— Ты их встречаешь?

— Кого?

— Журавлева и Терешина.

— Н-нет, давно не встречала. Девочки рассказывали.

Вечер светел и тих. От неоглядной дали зеленеющих мхов с редким и невысоким кустарничком тянет прохладой. Под ногами рассыпалась крупными горошинами зеленая еще клюква.

Я приношу доску, кладу ее на высокие и сухие кочки. Мы садимся рядышком, как сидели раньше на скамейке возле домика, где жила Валя.

— Тебе идет военная форма, — говорит она.

— Как козлу ряса.

— Нет, правда. У тебя и лицо изменилось, стало мужественнее. А может, ты просто повзрослел.

— За два месяца!

— Бывает и за два месяца, — вздыхает Валя.

Я беру ее руку. Всегда чистые, белые, разве чуть испачканные чернилами, тонкие пальцы усеяны малюсенькими черными точечками.

— Что это?

— Веснушки, — улыбается она.

— Да ну тебя, я же серьезно спрашиваю.

— А серьезно — металл. Я ведь на заводе работаю, вторая неделя пошла.

— И что делаешь?

— Мины к твоим минометам. Учусь на токаря.

Не знаю, что отразилось на моем лице, но Валя рассмеялась. А я никак не могу представить себе, как она, тоненькая и хрупкая, стоит у станка и вытачивает корпусы мин.

— Это же очень тяжело.

— Сейчас всем тяжело, — просто говорит она.

Мы долго молчим. И не потому, что нечего сказать — каждый из нас думает о том, о чем не хочется говорить вслух.

— Когда ты уходишь на фронт? — первой нарушает молчание Валя.

— Не знаю.

— Я приду тебя провожать. Только ты извести меня.

— Обязательно.

Тягучий металлический звук раздается за спиной и плывет над мхами.

— Мне пора, — говорю я, вставая.

Валя безмолвно поднимается следом.

— Я боюсь за тебя, — она берет меня за руку.

— Ерунда. За меня нечего бояться. Меня не убьют. Потому не убьют, что я очень люблю тебя.

— И потому, что я тебя очень люблю. Очень, — она подносит мою руку к своим губам...

После отбоя я засыпаю не сразу. Смутная вначале догадка постепенно зреет, обращаясь в уверенность. Я вижу Валину руку с белой, не тронутой загаром полоской кожи чуть выше запястья. Я не спросил, почему она пришла без часов, просто неловко было об этом спрашивать. Теперь я знаю — почему. У нее уже нет их, маленьких, с трехкопеечную монету, часиков, единственных на весь класс. Она знала, что я не приму от нее столь дорогого подарка и потому уговорила Гришу отнести мне хлеб и консервы. А версию о разгрузке американского парохода они разработали вместе. Четвертинку Терешин добавил уже от себя, потому Валя и удивилась, когда я сказал ей об этом. Был бы я на гражданке, я бы сейчас вскочил, побежал к ней и стал бы выговаривать за этот неблагоразумный поступок. А почему неблагоразумный? Ведь это уже не просто. Ведь это уже как муж и жена...

«Большие» маневры

Пятого июля Совинформбюро сообщило о начале боев на Орловско-Курском и Белгородском направлениях. Пятого августа Орел и Белгород были освобождены от врага. Одновременно развертывались бои в Донбассе, в районе юго-западнее Ворошиловграда, где наши войска успешно отбивали атаки крупных сил пехоты и танков противника с большими для него потерями.

Замполит повеселел. У нас тоже поднялось настроение. А тут еще объявили маневры — учения всего полка, «максимально приближенные к боевой обстановке».

Мы обладаем достаточным воображением, чтобы представить, как где-то там, за густой полосой леса, притаился «враг» и мы должны его выбить и уничтожить.

Мы роем окопы, спим на голой земле, едим кашу из походной кухни и в вещмешках у нас настоящее «НЗ» — четыре больших сухаря, банка консервов, две пачки горохового концентрата, сахар. Съесть это можно только при самых чрезвычайных обстоятельствах. Пушкина эти обстоятельства волнуют больше всего.

Нашим расчетом командует сержант Климов. Я — заряжающий. При переходах или смене огневых позиций я таскаю двуногу — лафет и банник для чистки ствола миномета. Двунога кажется мне беспредельно тяжелой, а я никак не могу вспомнить, каков ее вес. Впрочем, это действительно не так уж важно.

На второй день маневров наш взвод оказы-

аается «отрезанным» от основных частей и, в частности, от батальонной кухни. Взводному ничего лучшего не приходит в голову, как назначить меня поваром, придав мне в помощники Федю Котова. Нам вручают топор, ведра, пачек двадцать пшеничного концентрата, несколько банок тушенки, соль и говорят, чтоб ровно через три с половиной часа обед был готов.

Взвод уходит «бить врага», а мы с Федей остаемся на опушке леса, горестно размышляя, как поступить со всем этим добром.

— Могли бы и сухим пайком один день обойтись, — ворчит Котов.

— Конечно, могли бы, — соглашаюсь я, а потом добавляю: — Скажи спасибо, что концентрат, а не картошку выдали. Сидел бы сейчас да чистил. А тут все просто: размять, залить водой, довести до кипения и варить при помешивании пятнадцать-двадцать минут. Сообразил?

— Сообразил, — все тем же недовольным тоном отозвался Котов. — А тушенка?

— Тушенку потом туда же.

— И пожиге сделать.

— Зачем?

— А чтоб больше вышло.

— Ладно, там посмотрим. Давай костер сооружать.

Вечно сонный и неповоротливый Котов оказывается тут куда проворнее и сноровистей меня. Я бы, наверное, не сообразил так вырубить и пристроить рогатины для подвески ведер и вряд ли сумел в момент добыть огонь от кресала с помощью трута и сухой берестинки. Да и особо удивляться нечему, в нечастых пионерских походах пионервожатые и близко нас к огню не подпускали, спичек не разрешали брать — как бы одежду не спалили, да как бы не запачкались или, не дай бог, искра в глаз не попала. А Федя жил в деревне, ходил в ночное пасти коней и с такой же ребятней, как сам, палил костры без всякого надзора, пек картошку и делал еще много разных интересных вещей, которые нам, городским, были противопоказаны.

— Здорово это у тебя получается. Молодец! — хвалю я Котова.

Федя расплывается в улыбке.

— Теперь бери ведро, носи воды, а я буду концентраты разминать.

Я могу и сам сходить за водой, дело не трудное, метрах в ста протекает неширокая речка или ручей с прозрачной холодной водой, но Федю нужно держать в постоянном движении, иначе он обязательно уснет, хотя, как я уже говорил, он преспокойно мог спать и на ходу.

Федя уходит. Я разминаю концентрат, при таскиваю еще валежника, выбрав какой посуше, — Котов не появляется. Неужели заснул или выкупаться решил? Ну, погоди ж... Ведь не ему — мне дадут нахлбучку, если обед к возвращению ребят не будет готов. А часов у меня нет, так, по солнышку, время определять приходится. Пока всегда закипит, да еще сварить... И только я собираюсь идти к ручью — раздвигаются кусты, и я чуть не валюсь со смеху. Обливаясь потом, держа перед собой почти пустое ведро на вытянутой руке, выползает мой Федя. Лицо испачкано, гимнастерка в грязи, а правая нога стянута двумя нетолстыми кольями и туго перебинтована.

Я сразу догадываюсь, что произошло, и прежде всего виною в том себя, но от смеха удержаться не могу. Конечно, следовало бы

лишний раз предупредить Котова, что мы не на пикнике, а в «окружении противника», да, признаться, я и сам почти позабыл об этом. И вполне могло случиться, что Федя застал бы меня у размятого концентрата с «пробитой» головой.

— Только нагнулс воды черпануть, — возмущенно рассказывал Федя, потирая колено, — они, эти два идиота, санитары из третьего взвода, выскочили откуда-то сзади и говорят: вы ранены, бедро пробито и голень тоже. Эта голень-то, что ли? А я — идите, говорю... и послал. А они мне кулак под нос: скажи спасибо, что ранен, а то и убить могут, и будут тогда твои ребята до завтра воды дожидаться. Ложись, говорят, бинтовать будем, и колья вот эти тащат, заранее, гады, вырубил, — Федя со всей силой ударил кулаком по перебинтованной ноге. — Хотел я им по мордасам, а они — доложим, говорят, ротному, десять суток губы отхватишь. Ну, на губу меня не тянет — лег. Устроили перевязку и снимать не велели до особого распоряжения. Воды-то, говорю, дайте набрать, взвод без обеда останется. А они — неси, что успел зачерпнуть, а не то в медсанбат отправим. Им что — и отправят, чтоб их... Ну, пополз, куда денешься...

Я выпрашиваю, где сидят санитары, пробираюсь к ручью, нахожу омуток и, не высовываясь из ивняка, набираю воды.

Первым делом, как это делала мать, я сыплю в воду соль, затем засыпаю концентрат, совсем позабыв, что в концентрате соли достаточно. Есть такую кашу даже с тушенкой невозможно. Что делать? Федя ликует: разбавляй, больше будет. Приходится разбавлять. И ничего, суп получается что надо, и главное — вдоволь. Ребята и взводный довольны.

А когда стемнело, взвод, обманув утратившего бдительность «противника», выходит из «окружения». Взводный разрешает Котову снять «шины».

На следующий день мы с Федей возвращаемся в расчет, которому дано задание пройти незамеченным в западном направлении около километра, свернуть от стоящей где-то там березы с обглоданной зайцами корой вправо, выйти на опушку, окруженную молодым ельником, и открыть огонь «по «врагу», что занял оборону за избой-развалюхой.

Взводный засекает время, и мы, навьючив за спины части миномета, двигаемся по заданному направлению. Ни тропы, ни дороги — идем напрямик. Не проходим и двухсот метров, к сержанту Климову подбегает связной, что-то на ходу говорит. Климов останавливается, оборачивается к нам:

— Я убит, — и отходит в сторону.

— Чем? — наивно спрашивает Котов.

Сержант со значением крутит пальцем около виска.

Заменить Климова на правах наводчика должен был Саша Латунцев, но он почему-то растерянно смотрит на меня, словно умоляет выручить. И я выхожу вперед:

— Обязанности командира беру на себя.

Сказанного не вернешь. Климов и связной уходят. Я стою, сомневаясь, не много ли взял на себя, не засмеют ли ребята, послушают ли мою команду. Ведь как хорошо было идти след в след за Латунцевым. И случись такое на фронте — я теперь отвечаю за жизнь каждого человека из расчета и в первую очередь отвечаю за

выполнение задания. Да, хорошо трепаться, что сержантам не жизнь, а малина, — командуй себе! — а вот как в их шкуре окажешься, все видится в другом свете.

— За мной! — резко, подражая Климову, командую я.

Ребята послушно шагают следом. Теперь главное не растеряться, не показать, что я боюсь ошибиться, завести их не туда, куда следует, и я уверенно, словно сто раз ходил здесь, веду расчет к неизвестной березе.

Впереди просвет. Что там — опушка? Болото? Оказывается, хуже: высокая железнодорожная насыпь. Хоть бы намекнул о ней взводный. И насыпь наверняка «простреливается». Преодолеть ее нужно только рывком.

За насыпью, чего уж никак нельзя было ожидать, канава метра два с половиной шириной, залитая болотной жижицей. Мелка, глубока ли, раздумывать некогда. Знать бы, разбег взял, а так... отталкиваюсь что есть силы от сыплющегося под ногами гравия, двунога прижимает к земле, каких-то полметра не допрыгиваю и увязаю чуть не по пояс, разодрав к тому же ладонь об острый сук попавшейся под руку коряжины. Латунцев и снарядный просто перебредают канаву, а этот болван Котов мечется по насыпи с лотком мин за спиной.

— Ложись! — кричу.

Котов падает ничком. Уходят дорогие секунды. Хорошо, никто нас не видит. А может, и видят, да не хотят оставлять расчет еще и без подносчика.

Котов неловко, выпучив глаза, переползает рельс, съезжает вниз и поджимает ноги, как бы не замочить.

— Прыгай! Быстро!

Котов растопыривает руки и прыгает по-лягушечьи, шлепнувшись животом о мягкую мшистую кочку, обдав нас густыми брызгами. Наверстывая упущенное, мы почти бежим. Котов постанывает, просит обождать, у него, кажется, размоталась сбмотка, но ждать некогда. Вперед! Только вперед!

Где же эта злосчастная береза с обглоданной зайцами корой? Уж не сбились ли из-за насыпи с заданного направления? Сверяюсь по солицу. Нет, вроде бы идем правильно. Просто, наверное, от волнения слишком длинными кажутся оставляемые позади метры.

Приглядываюсь к каждой березе. Все они кажутся обглоданными у комя. Может эта, большая и одинокая, видная отовсюду? Подхожу — точно! Обрыв коры еще свеж, не успел потемнеть. Так, теперь вправо. Ага, вот и опушка. Полный порядок. Пока ребята устанавливают миномет, я по-пластунски ползу к кромке леса, нахожу глазами стоящую на взгорье разваленную наполовину избу, определяю расстояние, угол, прицел, вспоминаю порядок отдачи команды:

— По избе, осколочной, заряд основной, углом четыре-ноль, наводить на высокую ель, прицел семь-двадцать, одной миной... Огонь!

Слежу за полетом мины. Кажется, ничего. Жалко, что мина холостая, без взрывателя, точнее можно было бы определить попадание. Поправляю прицел. Огонь! Вторая, а затем третья мины летят к избе. Все!

— Миномет на выюки!

И тут только я замечаю взводного и Климова. Они сидят, притаившись в ельничке, тихо

о чем-то переговариваются. Взводный смотрит на часы, выходит из ельника, объявляет «перекур» и поздравляет с успешным выполнением задания. Мы цветем. Я даже забываю о саднящей боли в ладони.

Закурив, Котов толкает меня в бок.

— Слышь, Морозов...

— Чего тебе?

— Так зайцы ж березу не глодают. Они осиную кору любят.

— Ну и что?

— А взводный — тюлень, не знает.

Выходит, я тоже тюлень, раз не знаю, что зайцы предпочитают сладкому и пьянящему березовому соку непомерную горечь осиновой коры.

— Прикажут, будешь и тюленя на дереве искать, — говорю я. — И нечего командирские приказы обсуждать. Ясно?

Котов не отвечает, прикрыл глаза и притворился, что не слышит.

Памятное воскресенье

Скоро на фронт.

Никто нам об этом не говорит, но по всему чувствуется, что день этот близок. Уже не очень-то гоняют на строевой, увеличились часы политзанятий, подлиннее стали перекуры, меньше раздаются внеочередные наряды, и Вася Пушкин повеселел, подтянулся и выглядит вполне бравым солдатом.

Мне давно хотелось побывать дома, ну хотя бы денек, хотя бы несколько часов, ведь езды до города каких-то сорок минут трамваем. И вот после учений, когда сам командир полка вынес мне перед строем благодарность, я по всем правилам обращаюсь к сержанту Климову с просьбой об увольнительной. Климов посылает меня к взводному, взводный — к ротному, а ротный — ко всем чертям. Дескать, не успел пороху понюхать, а уже по маменьке-папеньке соскучился. Мне обидно слышать это. Вовсе не соскучился, просто, если говорить честно, хочется пройтись в военной форме по городу, заглянуть в школу, в соседние дворы, где меня знают от первоклассника Мишатки Агапова до злой бабки Артемьихи, у которой мы не раз вышибали мячом стекла. Ведь неизвестно, каким я вернусь сюда с фронта, да и вернусь ли...

«Чтоб тебе ни дня самому не бывать дома», — говорю я про себя ротному, откозыриваю и выхожу на плац. Смотрю, быстрой походкой идет к штабу командир батальона. Догоняю, прошу разрешения обратиться. Так и так, говорю, бабушка при смерти, сестренка хворает, еще что-то наплел, вот бы хоть на денек домой. Капитан пронзительно так посмотрел на меня и сказал, чтобы в восемнадцать ноль-ноль я пришел к нему в штаб.

Заявляюсь. Стою, вытянувшись в струнку. А комбат уж, видимо, забыл о нашей встрече, снова спрашивает, в чем дело. Ну, я снова ему про бабушку и сестренку, хотя бабушка умерла еще пять лет назад, а сестренка на свет не родилась.

— Та-ак... — тынет комбат. — К командиру роты обращались?

— Обращался, товарищ капитан.

— И что — не разрешил?

— Не разрешил, товарищ капитан.

— Не поверил в байки про бабушку?

— Не знаю, товарищ капитан.

— Та-ак... хорошо...

Берет лист бумаги, пишет на нем что-то, запечатывает в конверт:

— Передайте командиру роты.

— Есть передать командиру роты. Разрешите идти?

Бегу в казарму, не чуя под собой ног от радости. Вручаю ротному пакет, так и так, из штаба батальона, велено передать вам лично. Хорошо, говорит, идите. Выхожу, но держусь поблизости, я-то знаю, о чем в том пакете речь.

Не проходит и минуты, выскакивает ротный писарь Славка Суконцев:

— Морозов! К командиру роты!

Влетаю, как за увольнительной.

Ротный стоит лицом к двери: руки за спину, глаза прищурены, верхняя губа вздрагивает:

— Воинского устава, рядовой Морозов, не знаете? Кто вам дал право обращаться в штаб? Я вам разрешил? Мальчишка! Вы не в школе, а в рядах самой дисциплинированной в мире Советской Армии...

Стою, хлопаю ушами, пытаюсь сообразить, за что же такой разгон. Наконец, доходит. По уставу не положено подавать рапорт старшему военачальнику без разрешения нижестоящего. Я это, разумеется, знал, но не придавал особого значения строгой воинской формуле. Так вот, значит, о чем написал комбат ротному. Не могла, выходит, бабушка с внучкой.

— Доложите старшине, что я даю вам сегодня наряд вне очереди.

И это после полковничьей благодарности!

— Есть доложить старшине — наряд вне очереди!

Лучше так, не оправдываясь, а то и еще один заработаешь.

Как только заканчивается вечерняя поверка, я ухитряюсь обогнать длинноногого Пушкина и из-под самого его носа выхватить ведро и последнюю швабру.

«Привет, Вася Пушкин!»

Но теперь я уже не надеюсь прогуляться по летним улицам...

А накануне второго августовского воскресенья вызывает меня к себе старшина, выдает сапоги и говорит, что мне предстоит завтра отвезти обед командиру полка, который находится сейчас в городе, в штабе округа. Получаю подписанную, кстати, ротным, увольнительную с семи утра до шести вечера, до блеска начищаю сапоги и утром, наскоро проглотив завтрак и взяв у повара горячие трехэтажные судки для полковника, мчусь к трамваю.

Слегка притуманенное утро тепло и мягко очерчивает все вокруг. Трамвай весело погромыхивает и дребезжит стеклами. Кажется, сто лет я не ездил в трамвае. Кондукторша, симпатичная старушенция, позвякивает медяками, объявляет остановки тоненьким голоском. И все было бы совсем великолепно, если б не эти судки в левой руке. Я стою на задней площадке вагона и всяк входящий глядит на судки, словно я украл их. От судков, забывая все остальные трамвайные запахи, исходил сытный мясной аромат.

Ровно в девять, отыскав квартиру полковника, вручаю судки не то жене, не то домработнице, пообещав вернуться за ними в пятнадцать тридцать.

А теперь — домой. У меня впереди целых шесть с половиной часов полной свободы. Вышагиваю по тротуару легко и четко. Иногда только, забыв, что на ногах сапоги, а не ботинки с привычными обмотками, бросаю вниз быстрый взгляд — не сползли ли, не размотались.

— Товарищ боец! Документы!

Патруль выныривает неизвестно откуда. Достаю увольнительную, красноармейскую книжку, комсомольский билет. Читают внимательно, сверяют личность на фотокарточке с подлинной.

— Можете идти.

Иду.

У сворота в родную улицу — навстречу молоденький офицер. На нем новенькая форма с блестящими погонами. С ним — девчонка. Лицо как будто знакомое. Козыряю, оглядываюсь, улыбнувшись. Офицерик подзывает небрежным жестом к себе.

— Как приветствуете! Кру-угом!..

Прохожу строевым, равнение налево, лицо строгое, глаза «едят», локоть уставно согнут, ладонь вытянута — не придерешься.

— Кру-угом!..

Три раза прогнал службист, не дав даже как следует взглянуть на девчонку. А она, кажется, смеялась.

Небо стало с овчинку.

Нагулялся, напоказывался...

Ну нет, с меня довольно и этого. Дома по моей просьбе мама достает школьный костюм. От него пахнет нафталином. Переодеваюсь. И всего-то ничего, кажется, времени прошло, как я надевал его последний раз, а рукава пиджака стали уже коротки и в плечах поджимает. Но это пустяк, модничать давно отвыкли. Зато не будут тебя останавливать на каждом шагу патрули и не придется козырять каждому старшему по званию военному. А старшие все, кто в форме. И их очень много.

Родители обижаются, что я отказался от завтрака. Обещаю наверстать в обед. В квартире нет многих вещей, Граммфон, сервиз, статуэтки, книжный шкаф вместе с книгами — все ушло в деревню, в обмен на молоко и картошку или продано с рук на волнующуюся с утра до ночи толкучке. В цене только съестное, вещи же почти никого сейчас не интересуют.

Еду к Вале. На меня, в штатском, никто не обращает внимания. Кепку напялил до ушей, чтобы не видно было остриженной под машинку головы.

Валя живет на окраине. Прежде в палисаднике перед домом росли цветы. Сейчас, кроме узенькой тропочки от калитки к крыльцу, вся земля занята картошкой и репой. Я зову Валю, не заходя в дом. Но на мой зов выходит не она, а ее младшая сестренка Нина. С трудом узнав меня, говорит, что Валя на заводе. Почему, удивляюсь, на заводе, если сегодня воскресенье? Нина неодобрительно смотрит на меня: неужели, дескать, не понимаешь, что идет война и ни о каких выходных днях не может быть и речи. Да-да, это вылетело у меня из головы.

На завод, где работает Валя, меня не пускают и вызвать ее тоже отказываются. Если, мол, хочешь, жди до восьми вечера. Но мне в шесть нужно уже быть в городке. Доказывать, что я солдат, приехавший на несколько часов, опасно — отведут еще в комендатуру за то, что сменил военную форму на гражданскую. Топ-

чуюсь с полчасца вокруг высокого кирпичного забора, да так и ухожу ни с чем.

Город еще хранит следы прошлых годов бомбежек. Чернеют обугленные стены лесотехнического института, зияет огромная воронка во дворе краеведческого музея, где стоит английский танк времен антантовской интервенции. Много разрушенных зданий в районе порта.

В полк я возвращаюсь с нерадостным чувством. Всегда почему-то получается, что ожидая многого, не получаешь в общей сложности ничего. И наоборот.

Только я вступаю на территорию военного городка, ко мне кидается сержант из второго взвода:

— Морозов?.. Где тебя черти носят? За тобой в город уже человека посылать собираются. В Ленинскую комнату — бегом!.. Стой! Дай судки, сам отнесу.

Я отдаю сержанту судки и, подозревая что-то неладное, бегу в Ленинскую комнату.

В коридоре сталкиваюсь со Славкой Суконцевым.

— Ну, вовремя! — выдыхает Славка. — Ротный за тебя старшине уже нахлобучку дал.

— Да что случилось?

— Пляши, в полковую школу переводят. По одному из каждого взвода.

Час от часу не легче! Полковая школа рядом, готовят в ней младший командный состав. Значит, еще несколько месяцев муштровки? Ну, дудки!

— А если откажусь?

— Дураком на весь век останешься. Иди, тебя только и ждут, — Славка толкает меня ладонью в спину, подмигивает, и мне кажется, что он знает куда больше, но не хочет или не имеет права сказать.

Нас ведут строем через дорогу, «сдают» вместе с толстым, под сургучными печатами, пакетом дежурному офицеру полковой школы, тот велит нам ждать в коридоре, а сам с пакетом куда-то уходит.

Длинный коридор кишит незнакомыми курсантами. Мы стоим кучкой в дальнем углу. Курсанты почти одногодки, но что-то неуловимое делает их в моих глазах много старше. Как-никак — будущие командиры. Сейчас они явно чем-то взволнованы.

Я чувствую, что и в моей жизни сейчас произойдет или уже происходит что-то важное, и повернется эта жизнь в иную сторону. Хуже от того будет или лучше, это меня меньше всего волнует. Я не пойму еще — наказанием считать мой перевод сюда или наградой.

— На-а плац... Повзводно... Стройся!

Курсанты в мгновение покидают казарму. Мы остаемся на месте.

— Вы что — особого приглашения ждете?.. В строй — бе-е-гом!

Я все еще ничего не понимаю.

Начальник школы поздравляет строй с успешным окончанием и зачитывает приказ о присвоении званий. Список длинный.

«Присвоить... старшего сержанта... сержанта... сержанта... старшего сержанта...»

Ну, а я-то тут при чем?!

— Морозову Алексею Петровичу — звание младшего сержанта...

Неужели не слышался?

Курсанты совсем молоденькие, мальчишки

совсем. Глаза, лица — светятся. Как после сданного на пятерку экзамена.

Я тоже, выходит, сдал. И даже на пятерку с плюсом. Вот, значит, в чем дело. Никакой дальнейшей учебы не предвидится — просто командование решило присвоить звания младших командиров лучшим бойцам полка.

Отец говорил: кому много дается, с того больше спросится. Верно. Согласен. Попытаюсь не подкачать.

А после приказа — речь заместителя начальника школы по политической части и в ней слова, которых мы с таким нетерпением ждали:

— Завтра вы уходите на фронт... И пусть ваши минометы бьют по врагу так, чтобы...

Вот оно! Наконец-то! А как же ребята из запасного? Или только мне так здорово повезло?..

Не надо плакать, мама!

От северного неба даже в бархатном августе можно ожидать чего угодно. Бывает заволочет, засеет мелким-мелким дождиком, ляжет на душу безысходной тоской. Дома, улицы, деревья — все нахмурено, пасмурно. Горожанам-то еще туда-сюда, перемогутся, а колхозникам совсем плохо: загнивает так и не успевшее просохнуть сено, начинает тянуть от него не росными запахами, а болотной прелью, кто знает, как придется убирать набравшую колос рожь. Плохо, когда погода не ко времени разбалуется.

Но утро, когда за нами приходят несколько приземистых подслеповатых пароходиков, чтобы переправить на левый берег Северной Двины, где железнодорожный вокзал, не то чтобы хорошее — замечательное утро.

Солнце висит над далекой кромкой леса приветливым, не спящим еще шаром. В неповторимо мягкие тона, какие бывают только на Севере, окрашены высокие обрывистые берега, и трудяги-стрижи, устроившие в них свои гнезда-норы, беспрестанно снуют вдоль берега, готовя к дальним перелетам подросших птенцов.

Широкая величавая Двина течет спокойно, неторопливо. Толстые доски пристани мокры от выпавшей ночью росы и слегка парят. Несколько худых босоногих паренюков в подвернутых до колен брючишках сидят на торчащих из воды сваях и ловят самодельными удочками малюсенькую рыбку колюшку.

Кажется, ничто не говорит о войне. Ничто, кроме того, что мы в это утро уходим на фронт.

Ребятишки, завидя нас, поднимают удочки, и, пока пароход не отчалил, ни один из них не забросил крючка, хотя время для клева самое подходящее. Они провожают нас молчаливыми взглядами.

На том берегу, где играет духовый оркестр и на железнодорожных путях стоит длинный состав из теплушек, я не надеюсь встретить ни родных, ни знакомых. Но ошибаюсь. Знакомых хоть отбавляй — наш запасной полк уходит на фронт вместе с выпускниками полковой школы. А чуть вдали от площадки, на которой нас строили-перестраивали, разбивали на команды, среди толпы гражданских я неожиданно вижу

мать и отца. Каким-то образом они прознали об нашей отправке. Слуховая почта работает куда лучше почты официальной.

А вот Валю, сколько я ни шарю глазами, не вижу.

Через час-полтора, когда каждый из нас узнал свою теплушку, свою команду, нам разрешают попрощаться с родными.

Я единственный сын у родителей и знаю, что отец многое дал бы, чтобы уйти сейчас на фронт вместо меня или хотя бы вместе со мной. Но ему за пятьдесят и к тому же он страдает глухотой — в раннем возрасте сельский фельдшер-коновал, копаясь в больном ухе, порвал ему барабанную перепонку. Разговаривающего с ним человека отец понимал больше по движению губ. К тому же и со зрением у него было неважно.

У мамы подрагивает подбородок. Она собирает всю свою волю, чтоб не заплакать, знает, что мне это будет неприятно. И, как всегда случается в тяжелые минуты расставания, говорить нам не о чем. Отец гладит мое плечо, а мама беспрестанно повторяет: «Береги себя... Береги себя...» и просит почаще писать. Я же прошу передать приветы тетям и дядям, — друзья в армии или в училищах, — и умоляю мать не сдавать больше кровь, потому что здоровье ее стало совсем слабое и выглядит она плохо.

Отец сует в мой вещмешок несколько пачек американских сигарет, впервые признав, таким образом, мое право открыто курить. Сам он никогда не курил, но я не столько удивился этому признанию, сколько возможности достать сигареты. На рынке каждая пачка стоит пятьдесят — семьдесят рублей, а по талонам сигареты не выдают. Значит, еще какая-то дорогая сердцу вещьца уплыла из дома.

Прощание становится тягостным. У меня самого сдавливает горло противный комок. И в тот момент, когда я подумал, что скорей бы уж что ли прозвучала команда, раздается протяжное:

— По-о ваго-о онам!..

У мамы глаза заволакиваются пеленой. Глаз отца я не вижу — в толстых стеклах очков играет солнце.

В детстве мы смотрели на людей, воевавших в гражданскую, как на богов. Завидев человека с боевым орденом на груди, мы бежали за ним, обгоняли, останавливались и, когда он проходил мимо, не скрывая доброй улыбки, снова устремлялись за ним. Нам думалось, что на нашу долю никогда не выпадет ничего подобного и жизнь проплывет, как бумажный кораблик в тихой заводи, накормит досыта большими конфетами в обертках с изображением красных командиров в длинных, до пят, шинелях — и все. А вышло по-иному.

Мы, семнадцатилетние, уходим на фронт бить фашистов. И это здорово! Это очень здорово!

Не надо плакать, мама!

Мы обнимаемся, целуемся, и я сначала иду, а потом бегу к своей теплушке не оглядываясь. Двери теплушки раздвинуты настежь. Поперек, на высоте пояса, толстая перекладина. Без этой перекладки кто-нибудь обязательно вывалился бы, потому что каждому хочется, может быть, в последний раз взглянуть на родных, на вокзал, на все, что окружает нас в тот момент. Ведь никто не может твердо сказать, вернется ли живым, увидит ли это небо снова после войны.

Первый фриц

Состав мчит с севера на юг, хищно проглатывая разезды и полустанки.

«Давай, жми! Жми давай на все лопатки!»

Мы не знаем, где, в каком городе или на какой станции завершит он свой бег, но нам хочется, чтоб это произошло поскорее.

Погода великолепная, настроение тоже. Двери теплушки закрываем только на ночь. Юрка Кононов, приземистый паренек с круглым, в рябую крапинку, лицом с рассвета до темноты просиживает у двери, дивясь нескончаемому простору. Дальше своей Няндоны он не бывал и теперь с нескрываемым восхищением смотрит на все, что пробегает перед его глазами.

— Сена-то, сена-то гибнет! — вздыхает Юрка.

— Так то ж трава, Юрка, а не сено.

— А сено из чего — из бодылья?

— Все равно грамотно выражаться надо, называть вещи своими именами.

— Иди ты, грамотей!..

Ребята хохочут. Нет, не хохочут — ржут, как лошади. От Юрки только и добивались, чтоб он выругался. Ругается он необычно, как-то стеснительно и, если можно так сказать, по отношению к ругательному слову, — ласково. Ни у кого другого так не получалось.

— Верно, Кононов! Так его!..

— А ну-ка, еще!..

* Юрка краснеет и отворачивается.

В теплушке — ребята из разных взводов и рот. До позавчерашнего дня почти никто не знал друг друга. А сейчас словно век не расставались. Из бывшего нашего взвода здесь только Вася Пушкин и Сашка Латунцев. Вася не слезает с верхних нар. То ли отсыпается, то ли размышляет о чем-то своем.

Работающие на полях женщины при виде нашего состава разгибают усталые спины, машут платками. Особенно стараются девушки и мальчуганы, что нередко бегут вслед за нами по тропинке вдоль железнодорожного полотна.

Чем дальше, тем цветистее становятся поля. Нам, северянам, это особенно заметно.

— Во, гля, травища! — всплескивает руками Юрка. — И желтеет уже.

— Это не трава, а кукуруза, — внушительно произносит сержант Гульков, которого успели прозвать за глаза «интеллигентом» — прозвищем в то время довольно обидным. — Из кукурузных зерен делают муку. Молдаване и румыны из этой муки варят кашу. Называется мамалыгой.

Сержант много читал, у него даже сейчас в вещевом мешке лежат две или три толстых книги. Но на этот раз ему никто не верит. В-первых, у этой широколистной травы не видать колоса, а, во-вторых, какая же каша из муки... В спор с ним, однако, никто не вступает, и это раздосадовало Гулькова. Он напяливает Юрке на глаза пилотку, отходит от дверей, садится на нары, достает ярко расшитый кисет и скручивает сигарку. У него есть папиросы, и ночью, втихоря, он с наслаждением дымит «Беломором» фабрики Урицкого. А днем при всех курит только махорку и прикуривает не от спички, которые тоже у него есть, а высекает искру кресалом. То ли жадничает, то ли строит из себя бывало, выдавшего виды солдата.

Но на Гилькова, кстати, старшего нашей команды, мало кто обращает внимание. Все глядят в широкий проем двери.

Как и вчера и позавчера, в полную силу светит солнце. Только здесь оно ярче и суше. И небо голубее и бездоннее. И поля широкие, улывающиеся за горизонт, не то что наши северные клочки отвоетанной у леса и болот земли. От полей исходит хлебный одуряющий запах, и даже горький паровозный дым не может отогнать его.

Нас поражают высоченные пирамидальные тополя, белые хаты, похожие на развешанные среди садов простыни с прорезами-окнами, журавли колодцев, плетеные изгороди и мелко-росялые — куда там до прославленных холмогорок! — коровы. Но больше всего поражают нас пристанционные базары на редких остановках. Мы и думать-то позабыли о такой вкуснятине, что горками лежит на прилавках. Да, пожалуй, не то что думать — многие из нас и вообще не подозревали, что на свете существуют столь огромные, с хорошим кулак, краснющие помидоры, бархатистые солнечные абрикосы, пупыристые огурчики, полосатые арбузы и всякая иная всячина.

На первом же таком базаре мы истратили все деньги, не подумав, что впереди могут оказаться базары еще более обильные, совсем, можно сказать, довоенные, с той лишь разницей, что цены на все эти прелести чудовищны. И мы ходим, прицениваясь, глотая слюны, потому что карманы наши окончательно пусты, а розовощекие торговки неизменно жадны.

Не унывает только бывший детдомовец Генка Лешаков. Впрочем, все зовут его просто Леший. Даже командиры не раз оговаривались. А Генка не обижается. Кто виноват, если родичам фамилия такая выпала.

Денег у Лешего нет ни копейки, но без курицы или пышной поджаристой буханки белого пшеничного хлеба он в вагон не возвращается. Вскрикивает Генка уже на ходу и, ухмыльнувшись, начинает угощать товарищей.

— Украл? — резко спрашивает его Гильков, когда Леший в первый раз приволакивает полную четверть молока.

— Что я — дурак? Бабка одна подарила. Гляди, не верит. Стыдно, товарищ сержант, рядовому солдату не верить. Посмотрела на меня бабка, глаза жалостливыми стали, поманила к себе и говорит: «На, солдатик, выпей с ребятами свеженького, не в дом отдыха — с врагом биться идете». Я, конечно, отказываюсь, а она свое: «Бери, солдатик, бери, не последнее отдаю, у меня вон еще две таких четверти». Не захотел обижать бабку — взял. Думаешь, свищу, да?

— Смотри! — грозит Гильков, не веря Генке. — Хоть и не на прогулку едем, а в случае чего трибунала не миновать. Если честь советского солдата опозоришь — прямоком в штрафную загремишь.

— Что я, не знаю, что ли! — Леший пожимает плечами, взглядывает на сержанта невинно. — Ну, давай, братцы, кружки, тямнем по одной за бабкино здоровье, второпях-то забыл имя-отчество спросить...

На самом деле все обстояло иначе. Генка сначала просто бродил по базару, выцеливая жертву. В своем роде он был гуманен и останавливал взгляд на торговке дородной, самодо-

вольной, у которой не одна, скажем, курица на подносе, а не меньше пяти. Тогда Генка подошел к ней, начинал выбирать, торговаться, дав с ходу полцены. От него отмахивались. Генка стыдил торговку: откуда ж, дескать, солдату столько денег взять, да, может, ему последний раз в жизни предстоит кусок жареной курицы съесть, и так далее, в том же духе. Но торговку это мало трогало. «Вон вас сколько, всех не накормишь». Генка уходил, потом возвращался, лез в карман, делал вид, что пересчитывает деньги, набавлял несколько рублей. Торговка не сдавалась. Услышав команду «По вагонам!», Генка чуток выжидал, потом махал рукой: ладно, мол, черт с тобой, последние отдаю, чтоб тебе пусто было, выбирал курицу пожирнее и, обозвав торговку жадюгой, а то и похлеще, мчался что есть духу к составу, который в тот момент уже набирал ход. Бежать торговке за Генкой было бесполезно — не догонишь, да и последнее на бегу растеряешь.

Гильков подозревает неладное и все допытывается:

— Почему это, интересно знать, мне, например, никто ни курицы, ни хлеба за так не предлагал, а тебе на каждом базаре подарочки преподносят?

— Скажешь тоже — почему? Неужели не понимаешь?.. На тебя глянут, сразу видно — боевой командир. Неудобно командиру что-нибудь за так предложить, еще обидится. Ну, а рядовому солдату сам бог помогать велел.

— Не ты один рядовой.

— Так у них ряхи не подходящие. Погляди, у каждого вот-вот лопнет. А я тощенький, неприглядный... — и как бы в доказательство Генка втягивает щеки, глаза у него тускнеют, безвольно опускаются руки, и он становится в самом деле каким-то несчастным, забитым.

Мы едва удерживаемся от смеха. Гильков раздувает ноздри, играет желваками и уходит на излюбленное свое место крутить сигарку.

Я как и Гильков отношусь к младшему составу, но с Лешим мы служили в запасном полку, хотя и в разных звюдах, знали друг друга, и потому Генка ведет себя со мной как с равным, не обращая внимания на две новеньких лычки на погонах. И все же на правах старшего по званию я серьезно говорю Лешему, чтобы он бросил заниматься неподобающими солдатскими делами. Как самый веский довод привожу не трибунал и штрафбат, а солдатскую совесть.

— Со-овесть? — тянет Генка. — Да у меня, может быть, этой совести больше, чем во всей нашей теплушке. Приедем на фронт, узнаешь, есть у меня совесть или нет. А у торговки этих где совесть? Семь шкур с едущего на фронт солдата дерут. И не последнее продает, наживает на войне. А другие бабы в это время спину на полях гнут. Не видел, что ли? Да, по совести, отобрать бы у них всех этих курей да пышки и на фронт отправить или в госпитали. Вот это было бы по совести.

Я больше не спорю с Генкой. В чем-то он прав...

Утром меня поднимает с нар Юркин вскрик:

— Ребята! Танк!.. Со свастикой!..

Танк стоит посреди взрыхленного поля с покосившейся башней и распластанной гусеницей. Как смертельно раненый, припавший на крыло стервятник, он безобиден и безопасен теперь,

но все равно заключено в нем что-то непотухающе зловещее, мрачное, и потому, наверное, мы провожаем его лишь молчаливыми взглядами.

С того утра земля меняется. Больная, истерзанная, излохмаченная, с открытыми ранами недавних боев, она пробегает перед нами, усеянная могильными крестами, подбитыми танками и орудиями.

Как-то само собой прекращаются шутки, и никто не подтрунивает над Юркой Кононовым, все чаще сворачиваем сигарки, дымим последними папиросами и сигаретами. То, что казалось далеким, по-своему романтичным и влекущим, сейчас становится суровой и грозной реальностью. Настоящая война уже не где-то за горами, она здесь, вот тут, стоит лишь протянуть руку, чтобы почувствовать ее горячее, обжигающее дыхание.

Кажется, приехали.

На станции, забитой составами, солдатами, ранеными, какими-то людьми в бог весть какой одежде, куда-то спешащими, беспокойными, мы видим первого фрица. В грязно-синего цвета шинелишке, небритый и нескладный, он стоит с котелком возле кипяtilьника и дожидается, видимо, своей очереди. Стоит он так, по всему, давно, потому что каждый норовит наполнить свою флягу, ведро или такой же, как у немца, котелок побыстрее, и фрица отталкивают, а он

не смеет ни шуметь, ни спорить и лишь виновато улыбается.

— Пошли, допросим, — предлагает Леший. — Кто по-немецки шпрехает?

В наших школах большинство учило французский. Такая была мода. А, может, просто учителей французского языка больше было.

— У нас немецкий преподавали, — говорит Леший, — да только он мне что-то на душу не ложился, едва-едва на удочку тянул. Ну, ничего, может, он по-русски знает...

Леший поправляет ремень, пилотку, одергивает гимнастерку, насупливает брови, подходит к фрицу шагов на десять, останавливается и манит того пальцем к себе. Фриц беспрекословно подчиняется.

— Какой части? — строго спрашивает Леший.

— Никс ферштеен.

— А-а... Не понимаешь?.. А это понимаешь? — И Леший подносит к его лицу не ахти какой кулак.

Фриц, не переставая улыбаться, кивает и говорит:

— Гитлер капут.

— Ишь ты! Сейчас говоришь: Гитлер капут, а вчера, небось, говорил: русский капут, да? — Генка делает свирепое лицо.

— Артист!

— Нихт, нихт, — испуганно машет раками фриц. — Русиш карош, руссиш зольдатен карош... — и снова виновато улыбается.

— Ух, подлиза несчастная, садануть бы тебя по роже или к стенке... Паф-паф... Хочешь?

— Паф-паф дорт, — показывает фриц на Запад. — Гитлер капут, война капут.

— Ну и мудрец, — смеется Леший, не в силах больше сдержать напускную свою суровость. — Как зовут?

— Зо-о-вуть? — фриц непонимающе смотрит на Генку.

— Э, тупица... Черт, как это «звать» по-немецки?.. Знал бы — выучил... Ну, понимаешь... Я — Геннадий, Гена...

— Хена... — немец, кажется, догадывается, о чем его спрашивают. — Ду — Хена, их — Ханс... Ханс... Ханс Хофман... Ферштеен?

Мы хохочем. Генка тезку нашел!
— Ду — Хена, их — Ханс... Ферштейн? — повторяет радостно немец.

Леший уже не рад затее и, не зная, видимо, как теперь выйти из положения, спрашивает, показывая на котелок:

— Васер хочеш?

— Я, я, васер...

— Чего ж стоишь, раз-зьява? Дай сюда... —

Генка вырывает котелок, пробивается к крану, набирает кипятку: — На, лакай, чтоб тебе подавиться...

Немец благодарно кивает:

— О, руссиз зольдате карош! Данке шен, данке... Гитлер капут!

— Иди ты со своим Гитлером... — и Генка мастерски сплевывает.

Весь оставшийся путь, — нас повезли еще дальше, — мы, как можем, издеваемся над Лешим.

Допросил, называется... Тезке обрадовался... За кипятком сбегал... Чего ж в гости не пригласил? Посидели бы, побалакали, по сигарочке выкурили... За войну там, за детишек...

Леший моргает, морщится, вздыхает тяжело. Всегда скорый и находчивый на ответы, тут он словно подавился, и только острый, обтянутый пупырчатой гусиной кожей кадык его бегаёт верх-вниз.

Первым жалеет Лешего Юрка:

— Ладно, ребята, хватит... Чего там... Я бы тоже... Душа наша такая... добрая...

И с ним приходится согласиться.

За что тебя, Юрка?

Над городком плывут дымные облака. Они чем-то напоминают разрывы зенитных снарядов — кучные и кудрявые. От руин кирпичных домов тянет гарью. В ноздрях щекочет. Прямо перед нами гряда исторезанных рельс. Рядом — штабель свеженьких, пахнущих смолой шпал.

Незнакомый майор, представитель части, в которую вливается наша команда, обходит ряды, оценивая нас оглядывает. По усталому бесстрастному лицу его не понять — доволен он пополнением или нет.

Потом он коротко рассказывает о боевом пути мотомеханизированной бригады и добавляет:

— Бригада наша гвардейская. Это высокое звание она заслужила в тяжелых боях. Теперь вы тоже гвардейцы. И я надеюсь, вы также с честью оправдаете это звание.

Гвардейцы! Незаслуженные пока, но все-таки... Мне кажется, я прибавил в росте и грудь стала пошире.

Потом мы садимся на «студебеккеры», и эти мощные и вместительные машины мчат нас по пыльной степной дороге.

Часа через три скорой езды колонна останавливается около небольшого, наполовину сожженного села. Утонувшее в полуобгорелых, но все-таки сохранивших кой-какую зелень деревьях, оно сбегало по склону холма к ложине, где вздыбились журавли двух колодцев с тяжелыми, окованными железом деревянными бадьями.

За селом тянется противотанковый ров, выкопанный по всем правилам военного искусства. Боком ко рву стоит подбитый фашистский танк. Он не успел развернуться и удрать. И холм, и

село, и танк этот кажутся неживыми, нарисованной на огромном полотне панорамой.

Лицо и руки наши покрыты толстым слоем пыли. Майор дает нам полчаса, чтобы мы привели себя в порядок. Раздеваемся до пояса, окружаем колодцы и начинаем поливать друг друга. Нам не привыкать к студеной воде. На Двине мы купались, лишь только сойдет лед.

Под конец мы скидываем последнее и по очереди, не торопясь, как бы смакуя леденящий холод колодезной воды, выливаем на себя по полной бадье. Стоящий в стороне майор подобрел, улыбнулся краем губ: «А ничего, дескать, парни, такие не подведут. Таким ни жар, ни холод не страшны».

Потом мы располагаемся на краю рва и едим подвезенную походной кухней крутую перловую кашу, прозванную «шрапнелью». Каша без сахара и почти без масла, но вкусна необыкновенно, и Пушкин первым отправляется за добавкой. После каши хочется пить. Юрка Конов берет два котелка и бежит за водой.

— На-азад! Ложись!.. Все ложись!..

Это майор.

Мы падаем ничком. Кое-кто скатывается в ров. Из-за облака с надрывным протяжным гулом выныривают три «Юнкерса». Им удалось проскочить фронтную полосу, и сейчас идут они неспешно, высматривая добычу, уверенные в своей безнаказанности. Идут невысоко, соблюдая строй. По ним можно бы стрелять, но нам не успели выдать даже винтовок.

Юрка приостанавливается, глядит вверх, грозит «Юнкерсам» кулаком и спокойно идет к колодцу. Несколько метров остается ему до колодца, когда от одного из стервятников отделяется черная запятая. Она растёт, приближаясь, и страшно воеет.

Бесшумно, так мне по крайней мере кажется, взметывается около колодца земля. Юрка как-то странно взмахивает руками, оборачивается к нам лицом и падает. Я будто бы слышу звенящий звук ударившегося о землю котелка.

«Юнкерсов» уже не видно.

Первым подбегает к Юрке майор. Повертывает к себе, прижимается ухом к груди, щупает пульс. Мы стоим вокруг в недоумении, думая, что Юрка дурачится и не было никакой бомбы, а просто он кувыркнулся ради шутки и сейчас вскочит и засмеется, как полчаса назад на этом же самом месте.

Мне почему-то вспомнились маневры, испачканная рожа Феди Котова, выползающего из кустов.

Там была игра, здесь игра кончилась.

Майор поднимается и молча стягивает с головы пилотку. Мы тоже стягиваем пилотки и стоим несколько минут...

Война входила в нас как бы постепенно, словно приучая и приучая к себе. Сначала нас поразило слово «война». Оно хорошо было знакомо нам по книгам и песням. «Если завтра война, если завтра в поход, если темная сила нагрянет...» И оно — это слово — не было страшным, потому что было далеким, неощутимым, как жизнь наших предков.

В наш город война пришла хлебными карточками, постами гражданской обороны, враз опустевшими магазинами, короткими и неутихшими сводками Совинформбюро. И все равно она была еще где-то слишком далеко. Потом начались бомбежки. И нам, ребятам, ка-

залось, что они вносили разнообразие в унылое наше существование.

Заслышав сигнал воздушной тревоги, мы не убегали в бомбоубежища, мы взлетали на чердаки, на крыши в надежде вовремя расправиться с зажигательной бомбой, шипящей и выписывающей вензеля. Такие бомбы немец пачками сбрасывал на наш деревянный город. Бомбы скидывали с крыш на землю и тушили песком.

Мы плясали от восторга, когда в перекрестные лучи прожекторов попадал силуэт фашистского бомбардировщика, и туда, в слепящий перекрест, стремительно мчались красные и зеленые ленты трассирующих пуль и зенитных снарядов. В мирное время нас не баловали фейерверками, и смертельный этот фейерверк был как праздник.

Наш двор горе обходило стороной. И только слухи, что там-то бомба попала в самое бомбоубежище, где-то на Новгородской сгорело столько-то домов,— доходили до нас, не осо-

бенно поражая неокрепшее сознание. Пожары в городе частенько случались и до войны.

А тут лежит Юрка. Мертвый. Он только что смеялся. Ему, как и всем нам, нет еще восемнадцати.

Война!..

Тишина. Глаза у Юрки открыты. Они смотрят в небо. Оттуда пришла смерть. Она может прийти сейчас откуда угодно.

Кто-то коротко всхлипывает. Наверное, Юркин дружок Ваня Мезенцев.

Нет-нет, не надо плакать. Мы не девочки. И не мальчишки уже. Мы — солдаты. Надо сжать кулаки и стиснуть зубы.

Война!..

В груди моей нарастает глухой протест, готовый вырваться криком. За что тебя, Юрка? За что?..

Моя бабушка любила выпить. Подвыпив, любила говорить: «Рюмка, Лешка, не грех, Попы тоже по рюмочке пропускают. Вот сподличать — грех, подножку грех подставить... А самый большой грех, Лешка, — человека предать и Родину, землю своей изменить. Бог за

такой грех смертью карает».

Юрка ни в чем не успел согрешить. Даже в самой малости.

В кармане не успевшей выцвести гимнастерки — фотография девушки, которую он, может быть, так и не успел поцеловать. Майор достает эту фотографию, красноармейскую книжку, комсомольский билет, смятый конверт с письмом, кладет в планшетку и велит нам рыть могилу.

В извещении родным напишут, наверное, стандартное: рядовой Юрий Кононов в боях за Советскую Родину пал смертью храбрых. Что ж, это, пожалуй, будет правильно. Юрка не подвел бы в бою.

Без гроба, в тягостном молчании, мы хороним его в полусотне метров от колодца, под деревом, названия которого никто из нас не знает. Такие деревья на Севере не растут.

Майор смотрит на солнце, потом на часы и приказывает строиться. Предстоит пеший переход.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Элида ДУБРОВИНА

Уходят мальчишки

Уходят мальчишки, мальчишки-сорванцы,
Еще душой некрепкие, ранимые.
Так уходили на войну любимые,
Так покидали дом родной отцы.

В сторонке робко девушки стоят...
Ах, матери суровые, опомнитесь,
Как на перронах плакали, припомните,
И не глядите строго на девчат.

Уходят мальчишки, а мы глядим им вслед,
Ласкаем взглядом плечи угловатые,
И словно в чем-то главном виноватые,
Казним себя, и слезы застыт свет.

А листья кружатся и мчатся поезда,
А даль туманится,
А сердце — словно вынуто...
Тепло ли было вам в доме покинутом,
Не рано ль улетели из гнезда?

Но, строгая, уже зовет страна.
Уходят мальчишки, порывистые, дерзкие...
Мы грустно шепчем имена их детские,
И колыбелью пахнут имена...

Кораблик

Мхи, багряные, словно кораллы,
Звон стрекоз и дождинок чудо —
Это все мы откроем снова,
Лишь на палубу надо шагнуть.
Белоснежный бумажный кораблик
С грузом щепок и незабудок
По теченью ручья лесного
Отправляется в дальний путь.

Он помедлит еще у причала,
Где коряга в воде зеленой,
Где в кусочках коры сосновой
И в черничинах водоворот...
В добрый путь! Все начнется сначала,
Усмеются рябины и клены,

И осины листок лиловый,
Трепеща, на корму упадет.

Он помедлит, как бы в сомненье,
В ослепительном раздвоенье,
На косые линейки исчерчен,
От диктантов строгих удрав...
Он помедлит, потом окружится,
Легкой пены комкая кружевце,
И уйдет океану навстречу
Средь высоких цветов и трав.

— Поплывем! — Поплывем!.. Пусть волны
Белоснежный кораблик качают,
Пусть в коронах царевны-лягушки
Изумрудные плят глаза...
Но гремят на планете войны,
Блещут взрывы, норд-ост крепчает,
И нацелены жерла пушек
На бумажные паруса.

О, зеленый ручей под кленом,
Золоченые ливни мая,
Школьный дворик в тенистых березах
Отшумевшая детвора!
Океан ревет, разъяренный,
И кораблик бой принимает,
Ждут сигнала «Огонь!» матросы,
И — крест-накрест прожектора...

Прощайте, гитары!..

Умят тополя, и такси пролетают,
Как грот освещенный, дворцовая арка,
А где-то в тумане гитары плутают,
И осень крадется дорожками парка.
О дождь семиструнный, прощание лета!
Как перед отлетом, притихшие пары...
До белых ночей, соловьиных рассветов,
Прощайте, гитары,
Прощайте, гитары!

Звените! Пусть шепотом полнятся скверы,
Горят голубым электричеством луны.
Я верю, так нежно и трепетно верю
В твою чистоту, родниковая юность!
В твою прямоту, на которой так трудно,
В твою высоту, где предгрозье и свежесть,
А голос невзгоды послышится, трубный,
И мужеством станут ранимость и нежность.

А в черной воде, расплескавшись огнями,
Плывет Атлантида, мальчишеский город,

И светятся свая, и пахнет дождями,
Дожди уже близко, дожди уже скоро...
И, словно в Севилье, на каждом причале,
На каждом канале — заблудшие пары.
Весь город звенит семиструнной печалью...
Прощайте, гитары,
Прощайте, гитары!..

Млада

о степям Задонщины
ливни звездопада,
Холодок тревоги
плещется в груди...
Я лечу, как буря —
россиянка Млада,
Куликово поле впереди.

И зовут знамена
Дмитрия Донского,
Красные знамена —
одолеть судьбу.
Я лечу, как буря,
а у вороного
Звездочка на лбу...
Над Непрядвой — вороном
кружит черный вечер.
Что сулишь ты, вечер,
радость иль беду!
На моей буденовке
раздувает ветер
Красную звезду...

Русь

ысветил красную рощу закат,
Вызолотил
Бусами...
Капли на листьях, что свечи, горят,
Русь моя
Русая!
А вдалеке — теплоход на реке,
Шлюзы,
Огни прибрежные...

Как сквозь фату, вся краса вдалеке —
Милая,
Нежная...
Не потому ли под шорох осин,
Мягкой тропой
Осеннею
Я ухожу, чтоб из древней Руси
Глянуть на Русь
Ленина!
Золото отдал, ушел закат
Сквозь облака
Млечные...
Звезды летят,
А воды стоят...
Русь моя
Вечная!..

Печка

очь за окном мерцала снегами,
Дробилась в сосульке синим лучом,
А печка пахла сухими грибами,
Тулупом дедовым и кирпичом.
Я любила милую русскую печку
С завываньем в трубе, с песней сверчка...
Спускались чумазые человечки
По паутине седой с потолка.
Я куталась в душный тулуп... Скрипели
Шаги мороза, мелькала метель.
Никакой не знаю другой колыбели —
Я помню печку, свою колыбель.

Занималось утро — серое, раннее,
Заря огоньками текла сквозь стекло,
А печка, как старая, добрая няня,
Последнее мне отдавала тепло.
Бормотала: «Поспи...» с простодушной
лаской

И похожее что-то на баюшки-бай,
Досказать торопилась неуклюжие сказки,
Удивлялась: «Растешь!..»
Вздыхала: «Ступай...»

Мы уезжали.
Изба опустела.
Сстулилась печка — ни дров, ни огня.
А мне все казалось — это я ее грела,
И думалось — как ей теперь без меня!

Зот ТОБОЛКИН

Рисунки Е. Стерлиговой

Зануда

Мы познакомились лет пять назад в самолете, который шел по санзаданию. Отвернувшись, Василий хмуро смотрел в иллюминатор и покусывал омертвевшие от холода синие губы. Это был первый его вылет, и он нервничал.

Под крылом виднелась одуряющая снежная равнина, которую прорезал единственный след оленьей упряжки. Но вот внизу, слева, будто разорвался снежный снаряд и разбросал в стороны крохотные белые султанчики.

— Куропатки, — сказала Наташа Горохова, наша попутчица.

Дрокин не откликнулся, только передернул плечами и плотнее укутал пестрым шарфом тощую шею. В самолете было минус тридцать, мы с ним оба заоченели, а Наташа сняла пуховые варежки и достала леденцы, от которых мы с Дрокиным дружно отказались. Успевая грызть леденцы, смеяться и пулеметно строчить словами, Наташа с непонятной робостью косилась на Дрокина. Эта ее робость забавляла меня: Дрокин мог внушить уважение, нагнать скуку или вызвать насмешку, но никак не робость. Мы были знакомы каких-то два часа, а я, казалось, уже раскусил это в общем-то неинтересного человека.

Наташа без умолку говорила о наших общих знакомых по сейсмоотряду, в котором мы когда-то оказались вместе, рассказала даже о том, как однажды я заблудился в тундре.

...Совершенно обессиленного, в полукилометре от балка меня отыскал Саня Львов. И бородастые викинги из сейсмоотряда были нежны со мной, как няни в детском садике. Они бранили себя за недосмотр, за легкомыслие, хотя легко-

мысленно поступил именно я, без спроса уйдя к бурильщикам, которых так и не нашел в этом чертовом снежном месиве.

— Ну и нюх у тебя, Сан! — подбрасывая уголь в печку, бормотал косматый Юра Сохин, который вышел на поиски прежде других. — Иголку в стогу и то легче найти.

— Он же рядышком был, понял?.. Уж к самому вагончику подполз, — объяснял Саня. Эта его скромность вызывала во мне чувство неловкости.

— Пинкертон! — поморщился Олег Ковальчук. — А может, и Карацупа.

Олег досадовал, что не он отыскал заблудившегося. В любом деле он хотел быть первым. «Другие как знают, — говорил он мне днем раньше, — а я приехал сюда за орденом. Осуждаешь?»

— Нет. У всякого человека свои побуждения. Мое дело разобраться в них, если, конечно, хватит ума. — Я действительно не осуждал этого напористого честолюбца, хотя бы потому, что он был честен в своих намерениях. Другие окутывают их таким покрывальцем благих деяний.

Наташа числилась по штатному расписанию сейсморабочей. В ее обязанности входило разбрасывать косу с зондами, которую тянул за собой трактор. Нудное занятие. Однажды я пробовал ненадолго заменить Наташу, но, провозившись с косой каких-нибудь полчаса, с непривычки устал. А она после этой работы еще готовила для всех ужин, еще помогала Олегу разбирать сейсмограммы, еще мыла посуду и стирала белье, а поздно ночью терзала настройку «спидолы», слушая Большую землю. Олег ревновал ее к Сане.

Саня внешне напоминал Дон-Кихота. Такой же длинный и нескладный, такой же незлобивый и доверчивый, с глубоким, тихим голосом. Он в юности строил дорогу, потом крючковал лес в Лабитнагах, добывал в Воркуте уголь и, наконец, оказался в новопортовском сейсмоотряде. Годы изрубцевали его лоб, огрубели руки, ссутулили плечи, но ничего не могли сделать с глазами. Глаза остались по-детски наивными.

Это был кроткий, безответный человек. Он мог часами ремонтировать на обжигающем ветру трактор, мог, не прекослова, выслушивать брань быстрословного шустрого Олега, который всегда находил к чему придираться. Он жил какой-то своей особенной, нам непонятной жизнью.

— Где он теперь? — спросил я у Наташи.

— Не знаю. Вскоре после твоего отъезда я получила вызов в летную школу.

— Олег не возвращал?

Дрокин придвинулся ближе. Ему наскучило бирочиться и, видимо, хотелось вступить в разговор.

Оглянувшись на него, Наташа сдержанно ответила:

— Очень даже возражал.

Я вежливо молчал, ожидая дальнейших пояснений. У них все складывалось расчудесно. Намечалась еще одна малая ячейка общества. Неужели распалась? Как это цепкий, увертливый Олег упустил такую девушку?

— Да, нескладно у вас вышло...

— Не так уж и нескладно. Я буду летать. Это разве плохо? А, Вася? — она проговорила это неестественным игривым тоном. Дрокин брюзгливо поморщился, дернул нависшей верхней губой и опять отодвинулся. Его не занимали наши интимные разговоры.

— Вася нервничает, — рассмеялась Наташа. Теперь ее смех был, как всегда, легок и звончат. — Полно тебе, Василек! Вот приедешь, сделаешь трудную операцию, а корреспондент напишет о тебе: «Подвиг врача Дрокина».

— Врачи не совершают подвигов. Врачи лечат.

— А ты соверши.

Он открыл тяжелый губастый рот, чтобы разрезать, но туда влетело несколько леденцов.

— Это несерьезно, Наталья, — поучающе строго сказал он.

— Прости, Вася. Больше не буду.

В Новом Порту Наташу ожидал вертолет, на котором она должна была лететь вторым пилотом. Она простилась с нами, прокричав: «Встретимся еще. Я теперь на крыльях».

Наш самолет взял курс на буровую. Там обморозились трое парней, и один из них будто бы схватил воспаление легких.

Вскоре показалась буровая. К самолету вышли все, кто был свободен от вахты.

— Где больные? — сухо спросил Дрокин.

— Больные? — спохватился буровой мастер, низкорослый, упругий, как берестяной туес. — Тут где-то болтались... Геннадий! — увидав в толпе громадного бородатого детину, закричал он. — Айда к доктору! Где Львов? Где Бурмистров?

— Львов у трактора. Бурмистров на вахте.

— Что же вы со мной делаете, варначь!

«Львов? Неужели Саня? Может, однофамилец...»

Мы подошли к трактору, из-под которого торчали чьи-то ноги в старых унтах и слышался непрерывный трескучий кашель.

— Как тебе не стыдно, Львов! — обиженно сказал мастер. — Я же запрещал выходить из балка!

— А чо там делать? Делать-то нечего, — сипло донеслось из-под трактора. Ноги поджались, вытянулись, опять поджались, и из-под трактора медленно, унтами вперед, выполз Саня.

Увидав меня, он распахнул длинные, неумело перебинтованные руки, которых хватило бы еще на двоих.

— Какими судьбами?

— Жизнь — транзит, понял?..

— А мы о тебе только что вспоминали.

— Не забыл?

Он растроганно встряхнул меня, отпустил, снова встряхнул и, подгоняемый мастером, неохотно пошел в балок.

— Как же это все получилось? — сердито допрашивал Дрокин. Он был сух, строг, деловит.

— Бандаж на лебедке лопнул. Ну, ребята поехали на соседнюю скважину. А трактор заглох. Они пешком отправились... — говорил мастер, с опаской поглядывая на Дрокина. Кто знает, что может выкинуть этот докторишко! А спрос будет с него, с мастера. Такая уж должность собачья. Хочешь не хочешь — докладывай. — Ну, и заблудились...

— Это мы уж на обратном пути заблудились, — поправил Бурмистров, — когда пурга началась. А до того и бандаж сняли, и у Саниного костерка погрелись.

— Ага, — пробасил бородатый детина. — Саня из-за этого костерка чуть без рук не остался.

— Додумался тоже: рукавицами костер разжигал... Ладно, у Геннадия поверх носков портянки были — запеленали руки, а то бы схлопотал наш Саня пенсию во цвете лет.

— Это уж точно. На последних километрах он вовсе выдохся. Хана, говорит, ребята. Бросьте меня.

— Ну?

— Что — ну? Донесли.

— Оставьте градусник! — приказал Дрокин.

Львов неохотно сунул термометр под рубаху и отошел в дальний угол балка, чтобы не быть на виду у людей, которые столько судачат о нем сегодня. Его душил кашель. Лицо горело.

— Слушайте, вы... У вас тридцать девять и две! А вы под трактор лезете! На тот свет охота? — возмутился Дрокин. — Все трое полетите со мной.

— Не полечу, — замотал головой Саня. — Не люблю вонь больничную.

— Прикажете мне здесь остаться и по вашей милости самолет задержать?

— Борис Николаевич! — Саня умоляюще посмотрел на мастера, тот развел руками.

А в Салехарде вся троица сбежала. Дрокин был взбешен. Он грозил беглецам всяческими карами.

— Очень уж ты трезвый человек, Вася. Пусть погуляют. Вырвались парни раз в полгода...

— У Львова воспаление легких. Если что — отвечать мне придется.

— Станет хуже — сами объявятся. Идем обедать.

— Да ведь он, этот дурак, болен!

— Он не дурак, Вася.

— Извини.

Мы пошли в столовку, приткнувшуюся на берегу Полуя. Дрокин, сутулясь, шаркал сзади и бубнил все о том же. «Ну и зануда!»

— Эй, белая кость! Аристократы туземные! Обращались, видимо, к нам, так как поблизости больше никого не было. Слышать такое неприятно даже в шутку. Я сердито оглянулся. Нас догонял сияющий Олег Ковальчук.

— Своих не узнаешь?

Он до христа стиснул мою руку. Дрокин руки не подал.

— Вы почему так разговариваете с нами? — заикаясь от волнения, спросил он.

— А потому, что мне так нравится, — поддразнивая его, дружелюбно улыбнулся Олег. — Вас это объяснение устраивает?

— Нет.

— Тогда остается дуэль. Вот мое оружие, — он вытащил из кармана бутылку коньяка и подмигнул. — Имейте в виду, стреляю без промаха.

В столовой было пусто. Мы заказали супы и оленину. Дрокин — еще и молоко.

— Это разумно, — насмешливо одобрил Олег. — Молочко напоминает нам о детстве. А детство — увы! — невосвратимо.

— Все-таки добился своего? — я тронул паль-

цем орден Трудового Красного Знамени на обороте его пиджака.

— Заяц трепаться не любит. А у вас, доктор, хоть какая-нибудь медалька есть? Нет? Ну, не огорчайтесь. Все еще впереди. Давайте выпьем... за ваши подвиги.

Навстречу нам, широко распахнув дверь, вломились Бурмистров и Геннадий.

— Где Львов?

— Мы отвезли его в больницу.

— Тем лучше, — равнодушно сказал Дрокин и вышел на улицу.

Я видел его еще раз, кажется, в августе того же года. В Тарко-Сале был выброшен газ. Там работала аварийная бригада. Я приехал писать о ней и столкнулся с Дрокиным, прилетевшим по вызову.

Оглушительно шумел газовый фонтан. Было трудно разговаривать. Мы углубились в лес. Лес кланялся, кивал ветвями, но без привычных скрипов, без птичьих посвистов, без шелеста трав он казался царством теней, где все беззвучно и неправдоподобно.

— Как бы я хотел сейчас послушать лес! — прокричал мне Дрокин.

Я не ожидал от него таких сентиментальных порывов. Это было что-то новое.

— Задают фонтан — прилетай, слушаешь...

Дрокин покачал головой, пожевал толстые губы.

— Дело сделано. Надо возвращаться.

— Подожди, — сказал я, но он уже колыхал к самолету, косолапый и скучный, как медведь-шутун. Я побранил себя за легкость, с которой когда-то отмахнулся от этого человека, всю жизнь его, все радости и боли, все желания, все надежды вмести в одно жестокое куцее определение «зануда». Каждый человек — мир, который предстоит познать. Но никто не может сделать этого до конца.

Часа через два, увидав Наташу, у которой вырвалось несколько свободных минут, я рассказал ей о нашей встрече с Олегом.

— Я видела его, — спокойно кивнула она. — Он предложил... Он сказал, что по-прежнему привязан ко мне.

— И что же?

— Ничего, — она беспечно пожала плечами, стараясь внушить мне, что теперь-то уж действительно ничего. — А Вася-то, а? Тихоня-то наш... Вот не подумала бы...

— Он еще не раз тебя удивит.

— Ты так считаешь? — она как-то странно и долго посмотрела на меня, но ничего не сказала.

Ее позвали, и скоро вертолет ушел.

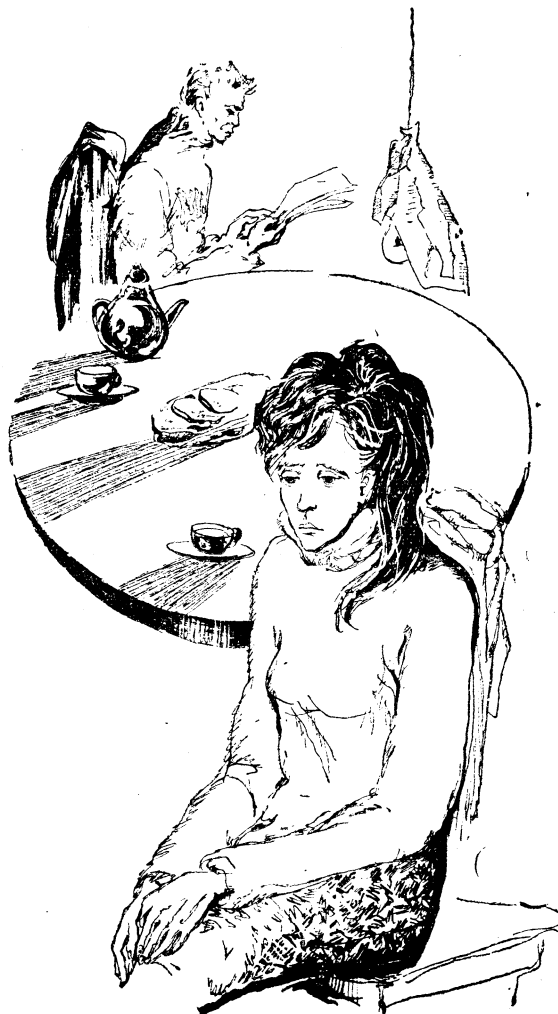
Все эти годы мы с Наташей не виделись. Я получил от нее одну только телеграмму. Но лучше бы и не получал. Весть была печальна.

Столкнулись мы с ней месяц назад в Нумгах, в конторе геологической экспедиции. Я только что вернулся с буровой. А их вертолет не выпускали, потому что все развезло: шел проливной дождь.

Внешне Наташа не изменилась. Разве что щеки потеряли девическую округлость и волосы... да, в пышных ее, в темных волосах просвечивали легкие серебринки.

— Ну что? Постарела? Постарела, не утешай. И седина вот...

Наташа, по-моему, из той категории людей, которые стыдятся показывать на людях свою беду. Седина эта, видно, чего-то стоила,

— Ты занят? Нет? Ну, идем к нам в гостиницу.

Гостиница эта была обыкновенным балком. Одну ее половину занимала Наташа, в другой поселились пилоты из ее экипажа. Налив мне кофе, она подала потертую клеенчатую тетрадь.

— Вот... ты все поймешь. Читай.

Я раскрыл тетрадь.

«11.2.65.

Впервые в жизни берусь за дневник, сознавая, что скоро брошу его. Ученическая блажь! Главное сейчас: втянуться в дело. Я трушу пока. Трушу ужасно...

9.8.65.

Начинаю привыкать к новой обстановке. Совершил несколько «боевых» вылетов. Трофеи — два вырезанных аппендикса да разбитый кувалдой палец.

4.3.66.

Я был прав: дневник — блажь. Особенно, когда писать не о чем. Все то же: вылеты по санзаданию. Вспомнив старину, веду в средней школе секцию бокса. Но занятия по моей вине часто срываются.

Написал Наталье письмо и порвал. Она и на первое не ответила. Да и не нужно ответа.

31.12.66.

С Новым годом, Наталья!

23.11.67.

Я привык к этой тетрадке и всюду таскаю ее за собой, хотя почти не пишу. Если писать такими же темпами, мне хватит ее на 768 лет. Неужели я переживу Мафусаила?

6.12.67.

Срочный вызов. Тем лучше.

7.12.67.

Прелестное местечко — Надым! Здесь обитает служба линейно-технической связи. Старик, к которому я прилетел, один как перст. А если точнее: как я. Три года назад он схоронил старуху, тоскует, но живет и делает свое дело... делал. Кажется, отработал свое Степан Иванович. Руки-то вон какие... Пульс едва прощупывается. Старик, видимо, не очень-то надеялся на лекарства и сни-

сходительно позволил лишь осмотреть и послушать себя.

8.12.67.

Утром старик позвал меня. Я кинулся к баулу с лекарствами, но он остановил меня и попросил осмотреть линию. Я вышел и только на улице сообразил: участок-то тридцать километров длиной! Уйду, а он умрет... Вернулся. Ох, и поругал же меня Степан Иванович! Уж сил нет, уж голос пропал, а он кроет на чем свет стоит.

А через два часа позвал: «Слышь, лекарь? Я помирать собрался...»

«Да что вы, Степан Иванович!»

Но врать я не умею. Да и умирающие всегда чувствуют приход смерти. Старик оглядел меня, отодвинул лекарства и сказал: «Не сепети. Чую — конец пришел. Гроб на чердаке. Из сутунка выдолблен. Деньги за божницей. А пока выйди. Прости, если что не так».

И умер.

Вот так, доктор Дрокин. Ты щенок всего-навсего. Такого человека не мог спасти от смерти! Долго нет вертолета. Пойду в поселок. Степана Ивановича надо хоронить.

Метет. Ну, вдоль линии не заблужусь.

Интересно, где теперь Наталья?»

На этом записи обрывались...

— Его нашли через три дня в пятнадцати километрах от поселка,— сказала Наташа.— Сбил-ся с дороги...

— Здесь это просто, Наташа.

Но было совсем непросто. Хотя бы потому, что Наташа впервые на моей памяти плакала. А еще потому, что эти двое не сразу и не скоро поняли, что нужны друг другу.

— Мужайся, Наташа. У тебя есть крылья.

Что я еще мог сказать ей, кроме этой банальной фразы? Смерть необратима.

— Да, это очень кстати, что у меня есть крылья,— она улыбнулась сквозь слезы.

Только в такие минуты познаешь великое могущество улыбки.

Дождь распоясался совершенно.

ХОЖДЕНИЕ АФАНАСИЯ МЕТЕНЕВА ЗА ГОЛУБЫМ КАМНЕМ

Несколько лет назад, просматривая книгу В. В. Данилевского «Русское золото» (изд. 1959 г.), старший геолог Аллах-Юньской комплексной экспедиции В. С. Потана обратил внимание на опубликованный в ней рисунок некоей горы у реки Тыры. Василий Семенович хорошо знал эту реку, сам не раз бродил по ее берегам, таящим богатые месторождения полезных ископаемых. Кладовые цветных металлов в этих местах лишь недавно были открыты геологами. И потому дата, которая была поставлена под рисунком, вначале показалась В. С. Потане каким-то недоразумением, типографской опечаткой. Но текст, сопровождавший рисунок неизвестного автора, еще раз подтверждал невероятное: здесь, на Тыре, более двухсот лет назад велись поиски се-

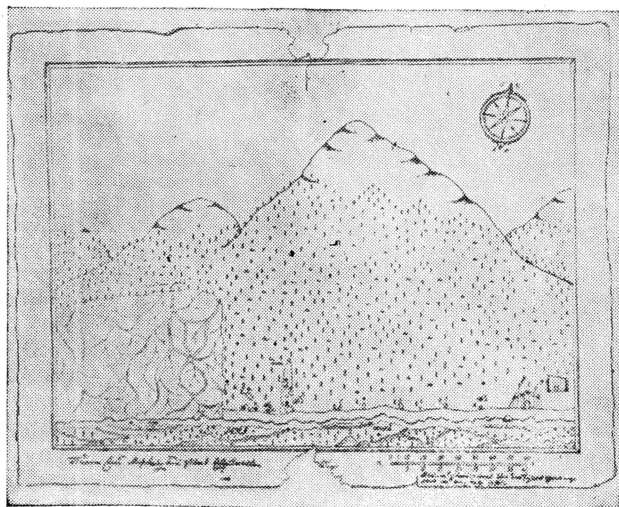
ребряной руды. Василий Семенович тотчас же послал запрос в Государственный архив Свердловской области, где, судя по редакционной ссылке, хранится этот старинный рисунок, и вскоре получил оттуда копию еще более удивительной рукописи. Вот полное название этого документа: *«Записка рекам, лесам, горам и рудным признакам, находящимся в уезде г. Якуцка, по примечанию берггешворена Афанасья Метенева, учиненная будучи в проезде с Ангинского Якуцкого железного завода для осмотра серебряной руды, сысканной на реке Тыре Охотского порта сержантом Шарыповым».*

***

«1747-го года декабря 28-го числа, — рассказывает автор «Записки», — получен указ из канцелярии Главного правле-

ния Сибирских и Казанских заводов, берггешворену Афанасью Метеневу, о сысканной сержантом Шарыповым руде. Буде он в Якуцке, то взяв его съездить, и по горному обыкновению довольнее то место разведать. И что по свидетельствованию и разведыванию работою явится, рапортовать в канцелярию Главного заводов правления с ясным описанием расстояния рек и урочищ, и есть ли удобные места и материалы к строению тут завода. И тому прислать чертеж, и руд по части, а хотя и Шарыпова в Якуцке нет, то об оном месте через кого можно наведаясь съездить и учинить против вышеписанного».

Судя по рукописи, Якутская воеводская канцелярия ответила, что сержант Шарыпов, будучи в пути из Иркутска на Витим, умер, а его спутники — служивые люди — отбыли в Охотск, в свои команды. Поэтому Афанасий Метенев решил действовать самостоятельно. 21 апреля будущего года он подобрал себе из горных служителей надежных людей (в документе дан список всех членов его экспедиции), получил из Якутской заводской конторы необходимое снаряжение и через неделю, 28 апреля, экспедиция отправилась на санных лошадях по снежному тракту в Тацкую волость. Здесь, узнав, что проводником у Шарыпова был якут Истер, разыскали его и взяли с собой «для провожания» к рудному признаку. 13 мая они уже были в устье реки Тыры, «коя впала в Алдан реку». Преодолев большую наледь, добрались до речки

Арбатылу, «где стоял судном рудоприемщик сержант Шарыпов, когда он был послан от Якуцкой воеводской канцелярии для привозу руд на пробу».

Через четыре дня, сделав две лодки, они поплыли вверх по Тыре и спустя два дня свернули в правый приток. Здесь ехали через хребет и ключевыми падунами, на третий день вышли к озеру, из которого текла река Халуя. По ней ехали льдом и островами целый день, пока не добрались до устья реки Юнкур. Отсюда до цели их путешествия уже было сравнительно недалеко.

Пока лошади отдыхали два дня, Истер выезжал вперед «для признания мест и сыскания горы». Вернувшись на другой день, проводник сказал, что хотя на пути будет много снега, но проехать туда сейчас можно. «31-го числа ехали вверх по речке Юнкур горами и хребтами и к вечеру переехав речку Юнкур вброд, коя при переезде глубиною явилась в аршин. А та гора расстоянием от речки Юнкура в 10-ти верстах, и приехав при той горе, ночевали».

1 июня 1747 года Метенев осмотрел гору, из подножия которой бил небольшой ключик. Гора оказалась безлесной и довольно крутой, с осыпью по всей полуденной стороне. Осыпь — из красно-желтоватого мелкого камня. Посередине горы они заметили малую копь — яму, вырытую когда-то Шарыповым, глубиной и шириной аршина на полтора и рядом с ней — полтора пуда свинцовой руды. Для дальнейшей разработки ее тут же поставили четырех горных учеников.

Рудные камни с признаками свинцового глянца видны были и в самой осыпи. Верх и подошва горы оказались покрыты каким-то красным камнем, а в копиях лежал голубой камень, от которого и тянулись рудные жилы. Но дальнейшие поиски сдерживались отсутствием необходимых для этого запасов провианта. И к концу четвертого дня, взяв на пробу пять пудов руды пяти разных сортов, Метенев и его спутники отправились к реке Юнкере.

Отъехав по безлесным горам верст тринадцать, они вдруг нашли в красной осыпи одной из сопки признаки золотой ру-

ды и взяли на пробу полтора пуда. 5 июня они поехали через горы вниз по Юнкере. Берггешворен Метенев сделал здесь для себя новое открытие: «Когда бывают пасмурные дни, то из оных гор идет пар, из которого разсуждаются дожди и снега». На другой день он осматривал место для постройки завода, но земли, удобной для сооружения плотины, не нашел: все берега были каменными. И поэтому на завтра же перед полуднем отправил горных учеников Егора Колмогорцева и Петра Гарнышева с якутом Истером, толмачом служивым Зыковым вниз по реке Халуе, чтобы они разузнали хорошенько, «можно ли проводить водою в судах из реки Тыры провиант, причем приказано присматривать в лежащих горах по реке Халуе серебряных, золотых и прочих руд».

Оставшаяся команда вышла на тракт, по которому она ехала на Шарыповскую гору — вверх по Халуе и ее островам. Метенев отметил в своих записках, что на этих островах имеются леса «лиственничный, айновый и топольник, жаровые и к строению заводскому и хоромному быть удобные». Здесь же, на правом берегу реки, как раз напротив Халуйского озера, были «в отлогой горе в охре усмотрены камня признак с золотым плентом... и на пробу взято с пуд».

К этому времени все запасы продовольствия кончились, и по просьбе членов команды Метенев разрешил заколоть одну лошадь. Победив голод, они, к сожалению, не смогли предотвратить главной беды, которая подстерегала экспедицию на порогах быстрой Тыры.

20 июня на «шифере» одну из лодок, в которой находились Метенев, Прижимов, семь служителей и шесть сум с рудой, остановило и залило водой. Лодка быстро пошла ко дну, и люди едва успели выскочить в пучину. Вскоре вверх дном перевернуло и вторую лодку, где сидели Готовцев с семьей служителями и где лежали 14 сум с рудой, весь инструмент и припасы.

Поиски специально изготовленными деревянными кошками ни к чему не привели. Горная река словно нарочно спрятала от них весь их ценный багаж. 23 июня они отправи-

лись вниз по реке, «а где оно несчастие учинилось впредь до знания, когда вешняя вода стечет, против того места по берегу поставлен крест, и за немением провианта горные служители принуждены питаться травой и лиственничным соком несколько дней».

Метенев и его люди уже совсем было пали духом, когда неподалеку от устья Тыры, верст за 60 до ее впадения в Алдан, вдруг увидели на правом берегу гору «и по ней лазурь». С радостью набрали они здесь полтора пуда лазуревого камня с золотыми блестками. Вскоре они достигли острова, против устья, где жили якуты.

Потом, уже двигаясь вверх по Амге, Метенев приметил по обоим берегам места, пригодные для пашен и сенокосов. «И при тех местах имеются места дубровные до хребтов, лесу и к рыбной ловле способные места. И по осмотру тех удобных мест к населению русским жилищем, имеющиеся лодки отправил с 1-го числа июля с горными служителями вниз рекою Амгою в Алдан, а из Алдану в реку Лену, коим велено прибыть рекою Леною в завод Якуцк».

«А я, — пишет Афанасий Метенев, — с оставшими июля с 1-го шел к Якуцкому заводу сухим путем на наемных за указанную поверстную плату на якуцких лошадях и прибыл в Якуцкой завод одного месяца 7-го числа. А отправленные июня 7-го числа горные ученики Егор Колмогорцов, Петр Гарнышев, якут Истер, толмач Зыков в Якуцкой заводской конторе явились после приезда моего июля 12-го числа и репортом объяснили, что по реке Халуе... судами проходу быть невозможно, затем что весьма перебориста и переборы в длину имеются на полверсты и более, чрез которые не токмо судами, но и простыми лодками пройти невозможно. К тому ж и берега утесные, что и удержаться (или ухватиться) ни по которой мере невозможно, а рудных признаков по той реке Халуе они нигде, хотя и горы есть, не опрметили».

Конечный итог экспедиции — семь проб серебряных и золотых руд, собранных на берегах Тыры и впадающих в нее рек, были вскоре посланы Метеневым в канцелярию Главного правления заводов в Ека-

теринбург. Нам не известна их дальнейшая судьба. «Записка» сообщает только лишь о том, что эти пробы предварительно разбирались в Якутске пробирным учеником Корниловым. В результате проведенного здесь анализа шарыповской руды из 63 фунтов содержащегося в них свинца оказалось пять лотов чистого серебра. Из дела известно также, что район возле реки Тыры обследовался в те годы трижды — в 1748, 1750 и 1752 годах.

Надо также сказать, что все это объемистое дело (более 400 листов) связано с открытием руд в Якутском воеводстве.

***

Когда я знакомился с этим документом, составленным отечественным русским землепроходцем, разные мысли овладевали мною. Летом 1968 года пятнадцать пионеров Томпонского района запросто ходили за реку Тыру в свой учебно-геологический поход. Но я по-прежнему восхищался мужеством наших далеких предков, первыми осмелившихся на столь рискованное в то время путешествие к Лазорной горе. И в то же время удивлялся тому, что подвиг этих людей более двух веков был не известен здесь, в Якутии. Двести с лишним лет рукопись смелого берггешворена Афанасия Метенева пролежала в архиве. Не зная об этом хождении за голубым камнем, геологи Аллах-Юньской комплексной экспедиции по сути заново открыли подземные богатства, определив границы Верхне-Тыринского полиметаллического узла. А ведь «второго открытия Америки» можно было избежать, будь мы чуточку внимательнее к делам и памяти наших предков.

В. ХОХЛАЧЕВ

Не было в истории человечества более страшного, более чудовищного государства, чем фашистская Германия, «третий рейх».

В Биркенау, одном из нескольких концентрационных лагерей, входивших в «трест смерти», есть памятник, перед которым немеет сознание. На этом памятнике начертано: **ЗДЕСЬ ТЕ, КОТОРЫХ БЫЛО ЧЕТЫРЕ МИЛЛИОНА. Памятник-урна. В нем хранится горстка пепла из обширных прудов, в которые сваливали пепел из кремационных печей.**

Пройдут века, но вновь и вновь будут обращать люди к этому страшному времени свой взор и внимание, попытаются понять, как, каким образом могла в человеческом обществе родиться идеология фашизма, потрясающее своей античеловечностью учение. «Германский фашизм — это не только буржуазный национализм. Это звериный шовинизм... Это средневековое варварство и зверство...» — так определил идеологию фашизма Георгий Димитров. Но это было сказано еще в 1935 году. Мир еще не знал ни Лидице, ни Бабьего Яра, ни Освенцима...

Сущность и истоки фашизма вскрывали не только историки и политические деятели. Не было, наверно, ни одного современного художника, который бы прошел мимо этой темы. Особенно богато антифашистскими произведениями послевоенное время. Одним из наиболее ярких таких произведений является пьеса крупнейшего немецкого писателя Бертольда Брехта «Страх и отчаяние в Третьей империи».

Ко всем актам этой пьесы Брехт предпослал зонги, своеобразные эпитафии-песни, в которых отражена главная тема действия. Так, действие «Великий немецкий народ» открывается вступлением:

«И мы тогда решили посмотреть,
Какой народ, каких людей,
С какими думами и нравами

он сможет

Объединить под знаменем своим,
И мы тогда построили Германию

к параду».

К фашистскому параду... Эта брехтовская строфа стала темой для центральной гравюры антифашистского триптиха уральского художника Виталия Воловича: средневековый крест с распятой пылающей книгой, обезображенные страхом и отчаянием лица-маски и чудовищная военная машина, поработившая почти всю Европу. Европу, обращенную в сплошной концентрационный лагерь. Таков был «парад» гитлеровской Германии.

Но у этого «парада» было свое начало, свои истоки. Эти истоки Брехт выразил лаконичным эпитафием: «И нет бога, кроме Адольфа Гитлера». И «бог» этот был вознесен. Вознесен над трупами.

«Парад» «третьего рейха» закончился второй мировой войной. Чудовищная химера, убившая в людях все человеческое, обратившая людей в свою противоположность, агонизировала в чаду кремационных печей. Эта агония закончилась 9 мая 1945 года. И только тогда человечество узнало всю правду о тех, кто «построил Германию к параду».

Люди всегда должны помнить о фашизме. Помнить, чтобы не допустить повторения чудовищного «парада».

...И пусть всегда художники беспокоят совесть человечества.

Я. ЮРЬЕВ.

На вкладке:

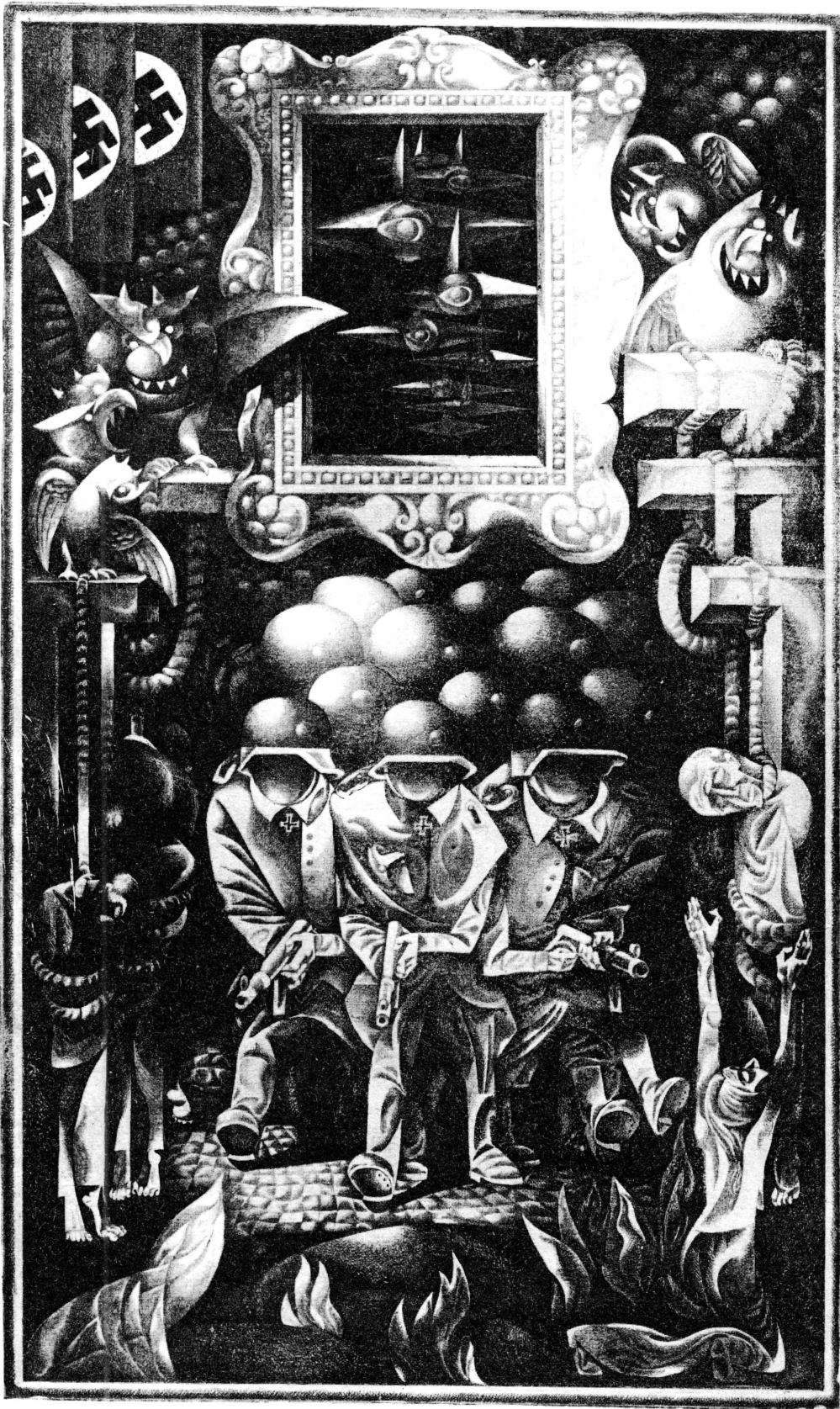
Виталий ВОЛОВИЧ

По мотивам пьесы Бертольда Брехта «Страх и отчаяние в Третьей империи».

Цель — «Адмирал Тирпиц»

П. БАБОЧЕНКО

Итак, снова командировка — на этот раз на Краснознаменный Северный флот. В качестве руководителя делегации воинов-уральцев еду в гости к морякам-землякам.

Пригласили нас на подводную лодку «К-21», которой в годы Великой Отечественной войны командовал Герой Советского Союза капитан II ранга Н. А. Лунин. Навечно застыла она у пирса, как музей-памятник, как напоминание о незабываемых подвигах отцов и старших братьев. Слушаем рассказы о ее прославленном экипаже, о далеких и опасных походах в глубинах северных морей. Акустиком на этой легендарной подлодке был тогда парень с Урала — Александр Сметанин.

— Но где он теперь — нам, к сожалению, неизвестно, — словно бы извинился перед уральцами экскурсовод капитан I ранга Юрий Николаевич Савченко...

Первое время, когда минеры принимались за свою обычную работу, Сметанин замирал в ледяном оцепенении. Это был не страх — просто слух обострился до предела.

Есть выражение — «сидеть на пороховой бочке». В точности оно так и было: втиснутый в свою крохотную акустическую рубку, расположенную как раз над минным отсеком, Сметанин слышал все, до мельчайших подробностей: как движутся к люку по рельсам рогатые мины, как они, одна за другой, шлепаются в воду. Подводная лодка представлялась ему огромной железной рыбиной, мечущей смертоносную икру.

Шлеп!.. «Двенадцатая!», — отмечает про себя Сметанин.

Шлеп!.. «Пятнадцатая...»

Мины погружаются в воду и висают на нужной глубине, а подводная лодка идет дальше.

Шлеп!.. «Двадцатая!» Все, конец! Акустик облегченно вздыхает и вытирает со лба пот. Задание выполнено, теперь самое главное — уйти незамеченными.

Ставить минные заграждения казалось Сметанину неблагоприятной, «черной» работой. Сколько риску, а результатов не видишь. Но однажды —

только кончили минировать подходы к гавани, — Сметанин отчетливо услышал взрыв. Растолкал сменика, который в это время отдыхал:

— Алеша, попался фриц!

— Порядок! — ответил Веселов и перевернулся на другой бок, будто ничего и не случилось.

Скоро Сметанин узнал, что многие звездочки на рубках наших подводных лодок обозначают фашистские корабли, подорвавшиеся на минах, поставленных этими лодками.

Как-то раз, когда подводная лодка, уже закончив минирование, легла на обратный курс, случилась история, после которой даже у многоопытных подводников добавилось седых волос.

То ли штурман просчитался, когда намечал маршрут, то ли течение какое-то не было отмечено на карте — Сметанину откуда знать? — только лодка при возвращении на базу немного сбилось с курса.

Вначале Сметанин не понял, что случилось. Послышался резкий, сильный скрежущий звук. Казалось, какое-то громадное существо, покрытое металлической кольчугой, подплыло к подводной лодке и трется о ее борт. Взволнованный голос вахтенного офицера заставил всех вздрогнуть:

— По правому борту — минреп!

Минреп — это стальной трос, которым подводная мина крепится к якорю. Значит, там, над головой, — минное поле!

— Лево на борт! Внимательно слушать забортные шумы! Приготовить аварийные средства! — властно прозвучал командирский голос. Его разнесли по всем отсекам переговорные трубы.

И тотчас же последовала новая команда:

— Стоп моторы!

Лодка немного проходит вперед по инерции и ложится на грунт, чтобы не намотать трос на винты и не потащить за собой мину. Скрежет минрепа однако усиливается, точно кто-то гигантским ножом скоблит стальной корпус.

Какие-то метры отделяли экипаж подводной лодки от гибели. Весь в холодном поту Сметанин

33

посмотрел на товарищей — они тоже себя не лучше чувствуют. У всех нервы напряжены до предела. Ведь никто не знает, как далеко в ту или другую сторону тянется минное поле. Может, на два, а может, и на три километра.

Скрежет постепенно удаляется. Включаются моторы. Слабый толчок — и сразу: «Стоп моторы!» Подлодка медленно продвигается вперед. И снова заскрежетало. Теперь уже по левому борту. Сметанин считает про себя: первый, второй, третий отсек... Зловещий скрежет понемногу удаляется. Опять заработали двигатели и смолкли.

Так, «на брюхе», ползли почти три часа.

Наконец, опасный пояс был пройден. Лодка всплыла на перископную глубину.

ет, не мечтал он о дальних походах, не грезилось ему во сне белоснежные паруса бригаинт, несущихся по волнам. Может, потому, что у села Мостовая, что недалеко от Егоршино, в Свердловской области, не только моря или озера, но и речушки-то подходящей не было. А может, и потому, что детство босоногое очень скоро кончилось. В четырнадцать лет Саша Сметанин уже работал на лесозаготовках — поливал ледянки.

Потом стал трактористом, а после курсов в Сысерти, куда послал его колхоз, — и комбайнером. В общем, был он обыкновенным уральским парнем, каких сотни и тысячи.

В сентябре сорок первого комбайнер Александр Сметанин был мобилизован в действующую армию. Поначалу удивился, когда узнал, что его эшелон направляют не на запад, где шли самые бои, а на север.

С шумом били о крутые утесы седые волны. Свистел в хмурых скалах ветер. Низкое заполярное солнце медленно, словно нехотя, поднималось на час-другой над горизонтом и опять пряталось. Не было здесь деревьев-богатырей, как на Урале. Лишь серый мох, лишайники да карликовые безрепки покрывали каменистую землю.

Когда курсант школы связистов Сметанин впервые увидел подводную лодку, то все донимал своих товарищей вопросами: как это она — железная, вся в дырах — под водой плавает.

Учеба продолжалась довольно долго. Были тревоги, бессонные наряды, изнурительные тренировки на прием и передачу телеграфным ключом, теоретические занятия по электрорадиотехнике. Учился курсант Сметанин старательно и, хотя имел образование всего пять классов, школу окончил на «хорошо» и «отлично».

Когда он впервые увидел командира «своей» подводной лодки «К-21» капитана II ранга Николая Александровича Лунина, то подумал про себя: таким он и должен быть, настоящий «морской волк». Широкоскулое лицо с крепко сомкнутым упрямым ртом. Веселое лукавство притаилось в мелких морщинках у глаз, но глаза не смеющиеся — зоркие, пристальные, спокойные. И говорить, видно по всему, много не любит. При знакомстве с новым «слушачом» произнес всего несколько слов, но эти слова на всю жизнь врезались Александру в память:

— На подводной лодке либо все побеждают, либо все погибают. Будешь помнить об этом — сплавашься.

Долго не мог привыкнуть Сметанин к тесноте, какая была на лодке. Кругом железо. На палубе, на низком сводчатом подволоке, по бортам — бесчисленное множество кругляшек, вентилях, клапанов, переплетающихся труб, приводов, рукояток, рычагов, циферблатов. «Путался во всей этой механике, как таракан, попавший в стенные часы, — вспоминает он теперь. — Только и оглядывайся, как бы за что-нибудь головой или носом не задеть. Шишек набивал первое время предостаточно».

И к новому ритму, режиму особому, не похожему на береговой, тоже надо было привыкнуть. Весь экипаж был разбит на смены. Занятия — посменно, отдых — посменно, просмотр кинофильмов, различные соревнования — тоже посменно, не говоря о завтраках, обедах и ужинах.

Паек на лодке был хороший, не то, что на берегу. Когда Сметанину первый раз дали на завтрак сразу четыреста граммов белого хлеба, он даже растерялся, не мог поверить, что это ему одному. Подали команду кончать завтрак, а у него еще половина еды на столе. Пришлось оставить все. Хлеб засунул в карман: потом, во время тренировки, доел.

Моряки — народ веселый, новеньких, «салажат», встречали непременно каким-нибудь розыгрышем. Передают как-то из боевой рубки голосом командира:

— Товарищ Сметанин, приготовьте мне чаек на клотике. Погреться бы надо.

Акустик уже было рванулся выполнять приказание, но по искоркам, вспыхнувшим в глазах у напарника Веселова, понял, что это очередная шутка.

— Ответь умнику, что чай холодный, дрова на камбузе кончились, пусть поищет дровяшек побольше и огонь под плитой разведет, — посоветовал Веселов.

Сметанин так и сделал. После этого уже никто не пытался его разыгрывать: почувствовали за его спиной опытного «шефа», который младшего товарища в обиду не даст.

И действительно, старшина второй статьи Веселов старался сделать все, чтобы его новый товарищ быстро освоился.

Позже Сметанин узнал, что на подлодке у всех свои понятия о времени. У электриков и мотористов оно частенько измеряется плотностью электrolита в аккумуляторах. У «королей воздуха и воды» — трюмных — быстротой погружения и всплытия, иногда водой, набравшейся в лодку...

А у акустика — тем объемом информации, которую он в состоянии принять, обработать и передать командиру. И чтобы было «больше» времени в бою, нужно довести свои действия до автоматизма, тренироваться не щадя сил.

Веселов, знакомя Сметанина с аппаратурой, поучал:

— Другой и с наушниками ничего не поймет в голосах моря. А мы с тобой можем. Вот послушай-ка...

И погружился Сметанин в полнозвучный, поющий, стонущий, плещущий, грохочущий подводный мир. Пока в классе, на базе, а потом тренировки начались на подлодке, на боевом рабочем месте. Готовились к выходу в море.

...Тихо в рубке. Мягкий свет плафона освещает смуглое ястребиное лицо Веселова. Он только что уступил свое место Сметанину, но из рубки не уходит. Внимательно следит за действиями новичка.

— Прислушай горизонт сперва,—подсказывает. Сметанин — весь внимание. Тянутся секунды, цели пока нет. Но вот в наушниках раздаются отдаленные удары. Они еще очень слабы, еле прослушиваются на фоне шумов. Акустик определяет дальность, снимает пеленг.

Шумы усиливаются. Это — цель. Сметанин определяет данные и докладывает в боевую рубку:

— Центральный! Шумы винтов. Дистанция... — и через несколько секунд: — Пеленг смещается на корму. Дистанция...

Акустик старается угадать каждый маневр цели. Едва заметив, что цель уклоняется, он тут же информирует командира.

— Молодец, Саша! — хлопает его по плечу Веселов. — На сегодня хватит.

Тренировки, тренировки, тренировки. Изю дня в день. Как потом все это пригодилось во время настоящих боевых атак. Но как хотелось иногда, обалдевши от сумятицы звуков, пройтись, поразмяться. Нельзя! Ходить из отсека в отсек запрещается. Подводник стеснен границами своего боевого поста.

В подлодке холодно, сыро. Есть грелки, но включать их часто тоже запрещается: надо беречь энергию для боя, ибо ток — это кровь, питающая могучий, сильный организм корабля. И кутаются матросы во что только можно.

Через сутки похода все уже грязные. Одежда пропитывается маслом, соляром, тавотом. «Лодочным загаром» забиваются все поры. Но и умыться нельзя. Мало пресной воды.

А как хочется иногда покурить! Нельзя на подлодке курить. Даже лишнего глотка воздуха нельзя получить, обыкновенного воздуха, которого на земле словно бы и не замечаешь.

Даже ярость свою по отношению к врагу показать в полной мере нельзя. В рукопашную не пойдешь, хотя корабль нередко забрасывают сверху глубинными бомбами, не крикнешь матросское: «Полундра!» Терпение и терпение. Сиди, слушай, докладывая, превозмогая адскую боль в ушах...

ашисты хорошо понимали важность для Советского Союза северных морских сообщений и постоянно наращивали здесь свои силы. Северному флоту пришлось иметь дело с основными германскими надводными силами: двумя линейными кораблями, тремя тяжелыми и одним легким крейсерами, четырнадцатью эскадренными миноносцами, тридцатью двумя сторожевыми кораблями и тральщиками, девятнадцатью сторожевыми и десятью торпедными катерами. К этому надо добавить тридцать одну подводную лодку, до пятисот боевых самолетов, базировавшихся на аэродромах в Северной Финляндии и в Северной Норвегии, множество развернутых вдоль побережья береговых батарей и постов наблюдения, огромную массу оборонительных минных заграждений.

На борьбу с нашими подводными лодками гитлеровцы мобилизовали всю мощь своей техники, всю изобретательность своих офицеров. Дороги к вражеским гаваням преграждали магнитные мины и многочисленные коварные ловушки, хитроумные приборы: тотчас же сигнализиро-

3*

вали о появлении советских кораблей. За подводными лодками охотились катера и эсминцы, тральщики и сторожевые корабли. Их забрасывали глубинными бомбами, обстреливали из орудий и торпедных аппаратов. Однако советские подводники не давали врагу ни минуты передышки.

ечером 8 июля 1942 года «Совинформбюро» сообщило: «В Баренцевом море одна из наших подводных лодок атаковала новейший немецкий линкор «Тирпиц».

Этот линейный корабль фашистского флота представлял собою огромную плавучую крепость. Корабль был спущен на воду в 1939 году. Вот его данные: длина корпуса по ватерлинии — 243 метра, ширина — 36 метров, водоизмещение 35 тысяч тонн официально (фактически — 53 тысячи тонн). Линкор имел мощностя машин (паротурбинную установку) — 138 тысяч лошадиных сил, что позволяло развивать скорость хода до тридцати узлов. Дальность плавания линкора составляла 8100 миль. Восемь тяжелых дальнобойных трехсотсорокдвумиллиметровых пушек главного калибра, укрытых в стальных броневых башнях,

35

выше пятидесяти пушек противоминного и зенитного калибра составляли его артиллерийское вооружение. Линкор имел на борту шесть торпедных аппаратов и четыре самолета. Ко всему этому — очень толстая броня и целая система противоминной защиты. Выход из строя такого корабля явился большой потерей для вражеского флота, сравнить которую можно разве с проигрышем крупного морского сражения.

«Адмирал Тирпиц», как и линкор «Адмирал Шеер», выходил в открытое море лишь по особо важным случаям и притом обязательно в сопровождении сильного эскорта. Такой случай особой важности, как полагали фашисты, представился в июле 1942 года.

... 27 июня из Исландии вышел большой союзный конвой под кодовым наименованием ПеКу-17. 37 транспортов эскортировалось двадцатью пятью боевыми кораблями. Помимо того, проводку конвоя обеспечивали две мощные группы прикрытия из состава американского и английского флотов — крейсерами «Лондон», «Норфолк», «Мичиган», «Тулуза», «Кумберленд» и «Нигерия», авианосцем «Виктория», линкорами «Дюк оф Йорк» и «Вашингтон», девятью эсминцами.

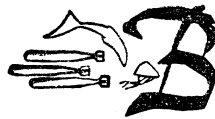
С меридиана острова Медвежьего в охранение вступали корабли нашего Северного флота. Они готовились к этому. Не дремали и фашисты. Уже 4 июля на конвой дважды обрушивались немецкие самолеты-торпедоносцы. Был потерян первый транспорт. Повреждения получили три судна, в их числе и советский танкер «Азербайджан». Союзные суда были добыты своими эскортирующими кораблями после того, как с них сняли команды. Такова была установка британского адмиралтейства, узаконенная инструкциями: считалось правилом добывать поврежденные суда, чтобы не снижать скорости конвоя и не подвергать его излишней опасности. Моряки же советского теплхода поступили иначе: они заделали пробоины, погасили пожар, и «Азербайджан» снова занял место в строю.

В тот же день на перехват конвоя вышла фашистская эскадра в составе линкоров «Адмирал Тирпиц», «Адмирал Шеер» и группы из восьми эскадренных миноносцев. Как отмечают историки, эскадра, созданная для атаки конвоя, была самым большим формированием германских боевых кораблей во второй мировой войне.

Узнав о том, что крупные корабли противника покинули свои норвежские базы, британское адмиралтейство еще до подхода конвоя к нашей операционной зоне отдало пагубный приказ: всем транспортам рассредоточиться и следовать в советские порты самостоятельно, без охранения. Конвой распался. Транспортам предстояло пройти без охранения самый опасный участок пути.

Как и следовало ожидать, за судами беспомощного, беззащитного каравана началась настоящая охота. Фашистские самолеты и подводные лодки даже не погружались, а следовали за безоружными судами «волчьей стаей», до трех лодок за одним судном. Эфир до предела был насыщен призывами о помощи и спасении. Лишь немногие суда из конвоя ПеКу-17 достигли портов назначения.

А боевые корабли эскорта, как им было приказано, полным ходом направлялись для прикрытия крейсеров и авианосной группы. Об этом более чем странном решении командование Северного флота даже в известность не было поставлено.

то время, когда корабли охранения бросили конвой на произвол судьбы, «К-21» находи-

лась в районе острова Игней, у побережья Северной Норвегии. Вышли из Полярного еще 18 июня. Действовали в очень тяжелых условиях: незакатное солнце арктического лета, полный штиль на море. В надводном положении донимали фашистские самолеты, в подводном — почти невозможно было пользоваться перископом: на зеркально спокойной поверхности моря след его был хорошо замечен издали. Поэтому число и быстрота срочных погружений в этом походе были рекордными. Доставалось всем, но особенно трудно приходилось акустикам. Ведь при опущенном перископе они и только они, акустики, связывали командира лодки с внешним миром.

Уже на второй день похода произошел случай, который давал право вернуться на базу. Лодку обнаружил фашистский гидросамолет. Срочно погружаться не успели, и две глубинные бомбы легли метрах в тридцати от борта, а пулеметная очередь прошла легкий корпус. Были повреждены две цистерны — первая уравнивательная и быстрого погружения. Нарушилась дифференровка лодки. Случилось это во время перехода из района Варде к острову Рольвсей.

Командир электромеханической боевой части инженер-капитан В. Ю. Браман и трюмный старшина М. Карасев нашли оригинальный выход: обе поврежденные цистерны заполнили водой, а чтобы добавить воды в носовую дифференциальную систему — осушили один носовой торпедный аппарат. Подлодка продолжала поход. После этого случая она еще около пятидесяти раз обнаруживалась вражескими самолетами, но своевременно уходила на глубину.

Капитан II ранга Лулин знал о том, что для прикрытия союзного конвоя на дальних рубежах находится не одна подводная лодка. 27 июня он получил приказ — занять новую позицию.

Прошли сутки, вторые... На шестые сутки кое-кто стал уже высказывать сомнения в возможности встречи с противником.

5 июля было получено две радиограммы из штаба флота. Они были адресованы всем лодкам, находившимся на позициях. Сообщалось, что воздушная разведка обнаружила выход немецкой эскадры из Альтен-фьорда. Командующий флотом приказывал найти и решительно атаковать эту эскадру.

Вражеские корабли вышли из норвежских шхер в 15 часов. В 16.06 лулинцы, произведя зарядку аккумуляторных батарей, начали поиск. Вахтенным акустиком был Александр Сметанин.

... Эта его вахта началась, как и все другие.

— Время! — разбудил его Веселов и показал на часы.

Сметанин уселся на диванчике и, пока напарник заполнял вахтенный журнал, надел наушники. Вместе прослушали горизонт. Веселов записал в журнале: «Шумов не обнаружено. Вахту сдал...» Поменялись местами. Сметанин сделал свою первую запись: «На вахту заступил...»

— Ну-ка, я чуток вздремну, — сказал Веселов. — В случае чего — буди сразу... — поворочался немного и затих.

Вначале Сметанин слышал мерный шум моря, который, сливаясь с шумами самой подводной лодки, образовывал постоянный фон. К этому шумовому фону Александр уже привык и не замечал его. Но вот в толчею, в разноголосый хаос привычных звуков вплелся слабенький шумок, похожий на жужжание мухи, пойманной в банку. Мгновение — и звук этот исчез. Затем появился снова, уже похожий на какое-то журчание. Акустик плотнее притер к голове наушники. Рука — на штурвале компрессора.

Наконец отчетливо стал прослушиваться совсем новый звук. Он нарастал издали, сначала едва уловимый, а затем заглушил всю шумовую сумятицу. Так звучат винты большого корабля. Не спуская глаз с прибора, Сметанин до предела напряг слух. Басовитый шум винтов стал перемешиваться с тонким зудением. Это уже, вероятно, стал прослушиваться шум от «рыбешки» помельче.

Сметанин доложил вахтенному офицеру:

— Справа по борту... слышу нарастающие шумы!

Стоявший на вахте старший помощник командира корабля капитан III ранга Ф. И. Лукьянов тотчас же отозвался:

— Есть! Наблюдать и докладывать!

В открытую дверь Сметанин увидел, как прошел вестовой. Минуту спустя из своей каюты, застегивая на ходу китель, пробежал в боевую рубку командир корабля Лунин. И тотчас же по отсекам прозвучал сигнал боевой тревоги. Но все и без того находилось на своих местах: мотористы — у машин, торпедисты — у торпедных аппаратов, рулевые — возле пультов управления.

Лодка легла на боевой курс и на перископной глубине шла на сближение с противником. Сметанин постоянно сообщал командиру пеленг. Торпедные аппараты были подготовлены к залпу.

Акустик явственно слышал нарастающий шум винтов и гул работающих машин. Шло не менее десятка кораблей. Подлодка была уже почти на траверсе конвоя, но море было почти пустынным, лишь на самом горизонте виднелись два миноносца.

У акустика в наушниках будто шла молотья.

— Шум винтов усиливается с правого борта... с левого... спереди...

Сметанин все докладывал и докладывал, а командир по-прежнему видел в перископ только миноносцы. Но вот, наконец, появились мачты больших кораблей, а затем — серые стальные громады — «Адмирал Тирпиц»; «Адмирал Шеер»... Лунин решил: атаковать линкор «Тирпиц» шестью носовыми аппаратами.

«К-21» незамеченной прошмыгнула сквозь кольцо мощного охранения линкоров и находилась в центре фашистской эскадры, следовавшей сложным противолодочным зигзагом, когда было замечено, что вражеские корабли повернули влево. Они оказались с нашей подлодкой на расходящихся курсах. Атаковать из носовых торпедных аппаратов теперь было невозможно. Лунин приказал подготовить к атаке два кормовых аппарата.

Сметанин слышал все усиливающийся шум винта фашистского линкора, от которого, кажется, вот-вот лопнут тонкие пленки мембраны. Он будто видел этот винт, вспахивающий соленую морскую пену, и над ним — темный, грузный борт...

До залпа оставалось не более трех минут хода. Командир вновь поднял перископ и заметил, что на «Тирпице» взвились флаги. Это означало, что эскадра готовилась к новому маневру. И действи-

тельно, вскоре она перестроилась поворотом «все вдруг» из строя кильватера в строй фронта, на курс норд-ост. Теперь «Тирпиц» значительно приблизился к лодке и показал свой левый борт. Больше медлить было нельзя.

— Полный ход! — скомандовал Лунин.

Проходят секунды, и вот долгожданное:

— Залп!

— Первая, пли!

— Вторая, пли!

Торпедная атака! Лодку встряхнуло легким толчком отдачи, пробежавшим по всему корпусу. В наушниках послышался шелест, похожий на свист пущенной из лука стрелы. Это, пронизывая волны, понеслись к цели торпеды.

После четвертого выстрела лодка погрузилась на глубину. Через две минуты пятнадцать секунд Сметанин услышал глухой отдаленный взрыв. Потом раздался еще один. Позднее выяснилось, что одна торпеда попала в «Тирпиц», а вторая потопила миноносец.

Через некоторое время на «К-21» было зарегистрировано несколько отдельных взрывов глубинных бомб. Но больше они не повторялись. Сметанин доложил, что шумы винтов эскадры постепенно удаляются. Гитлеровцы, видимо, решили не посылать в преследование свои эскадренные миноносцы, чтобы не оставлять тяжелые корабли в опасный момент без противолодочной обороны. «К-21» ушла из района атаки. Примерно через час лодка всплыла под перископ. Море было пустынно.

...Атака «Тирпица» была самой дерзкой и самой сложной за все время подводной войны, — так утверждают специалисты. Почти час длилась она. Как потом подсчитали, пятнадцать раз Лунин поднимал перископ или, как он любил говорить, — «жонглировал» им, прежде чем отдал команду «Пли!»

По приказу командира мичман Горбунов передал в штаб флота радиограмму о проведенной атаке и курсе следования эскадры. После этого донесения «К-21» была отозвана на базу.

На другие сутки наша разведывательная авиация обнаружила вражеские линкоры и миноносцы у норвежских берегов. Отказавшись от выхода на курс союзного конвоя, они уходили на юг малым ходом. Немецко-фашистское командование считало дальнейшее проведение намеченной операции рискованным и приказало эскадре возвратиться на свою базу. 6 июля в 10 часов утра она вошла в Альтен-фьорд.

Через несколько дней британская миссия в Полярном сообщила, что по данным их разведки «Тирпиц» получил серьезные повреждения, его были вынуждены поставить в док на ремонт. Там он был добит впоследствии союзной авиацией.

Вскоре «К-21» опять ушла в море, потопила минный заградитель, а затем два сторожевых корабля.

ем дальше, тем сложнее становилось нападать на фашистские транспорты. Немцы усилили конвой.

И наши лодки стали менять тактику: они стали уничтожать вражеские корабли прямо в их же бухтах.

В феврале 1943 года «К-21» совершила в надводном положении дерзкий прорыв в бухту Воген и залпом четырех торпед уничтожила три боевых корабля противника вместе с причалом.

Было это так. Вечером подошли к вражескому берегу и стали ожидать темноты, чтобы выполнить несколько необычный для подводников приказ — высадить десант. Лунин долго вертел перископ, осматривая берег. Место гиблое — десанникам здесь на сушу не выбраться: отвесная скала метров двадцать высотой, на которую разве что альпинист взберется со стороны моря. Пока маневрировали, искали подходящего места — рассветло.

Командир отдал приказ: лечь на грунт и переждать светлое время. Притаились. А в это время из штаба уже запрашивали о выполнении задания. По всем расчетам подлодка «К-21» должна была идти обратным курсом. В ответ — полное молчание.

С наступлением темноты подлодка двинулась вдоль берега. Она шла на перископной глубине, под самым носом у противника, по узкому коридору фиорда. На скалах лепились наблюдательные посты. Между ними малым ходом курсировал дозорный катер. Вот лодка прошла фиорд и теперь находилась во вражеской гавани. Впереди, у пирса, притаились легкие катера-охотники.

Надо было всплывать, иначе легко угодить в противолодочные сети. К тому же с наступлением темноты у немцев движение судов оживлялось, и лодка некоторое время могла, не прячась, оставаться незамеченной.

— Прошли входные мысы... Прошли знак... — докладывал между тем вахтенный офицер.

На лодке воцарилась полная тишина. Такого еще никто не видел. Уже потом вахтенный рассказывал, как фрицы запросили позывные, а Лунин скомандовал:

— Давайте открытым текстом: «Смерть Гитлеру!»

Сигнальщики передали ответ, а лодка тем временем шла вперед в надводном положении. Миновала первый, второй пост. Фашисты, видно, не сразу разобрались, что к чему. Охрана базы и предполагать не могла, что в бухте — советский военный корабль.

Подлодка подошла к пологому берегу, застопорила ход. Резиновые шлюпки бесшумно скользили на воду, и десантников скрыла темнота ночи. Главная задача была выполнена, и теперь можно было уходить. Однако Лунин решил иначе. Послышалась его команда:

— Стоп дизеля! Аппараты — товсь!

И немного погодя:

— Аппараты — пли!

Торпеды дошли до причала. Прогрели оглушительные взрывы. У фашистов на берегу начался переполох. На пирсе — пожар, советская подлодка полным ходом уходит в открытое море, а они шарят в небе прожекторами, считая, что их бомбит авиация. Потом заметались по бухте торпедные катера, но «К-21» к этому времени уже вышла из фиорда. Вот над нею сомкнулись волны. Воспользовавшись замешательством врага, маневрируя курсом, советская подводная лодка удалялась в открытое море. Вражеские самолеты беспорядочно бросали глубинные бомбы по всему фарватеру. Взрывы становились все глуше и глуше.

Лодка, которую уже считали погибшей, возвратилась на базу, известив боевых товарищей тремя срудийными выстрелами в честь одержанной победы: не только выполнили задание по высадке десанта, но и потопили три фашистских корабля.

Позже, вспоминая этот поход, матросы шутили:

— Не зря нашу лодочку «кривым ружьем» называют. Мы и из-за угла стрелять умеем.

К концу войны на рубке подводной лодки «К-21» была написана цифра «17». Семнадцать потопленных фашистских кораблей. В этом боевом счете — немалая доля Сметанина.

Демобилизовался старшина второй статьи Александр Сметанин в марте 1948 года. После окончания дорожно-технической школы в Свердловске вот уже двадцать три года работает слесарем в локомотивном депо станции Егоршино.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Она училась в Свердловском театральном училище, мечтала стать актрисой. Но началась Великая Отечественная война.

«Меньшенина Антонина. Дата рождения — 6 июля 1922 года. Место рождения — станция Тайга Томской железной дороги. Ее родители: отец — Меньшенин Филипп Константинович, мать — Александра Ефимовна». Это из биографии.

Чтобы ближе познакомиться с жизнью Тони Меньшениной, мы, следопыты 91-й школы города Челябинска, поехали к ее родителям в Троицк. Задание получили в клубе красных следопытов «Орленок» Челябинского Дворца пионеров имени Н. К. Крупской.

Филипп Константинович и Александра Ефимовна рассказали нам о детстве и юности своей дочери, показали семейные фотографии. И мы узнали о девочке, нежной, ласковой. Когда Тоне было девять лет, отец тяжело заболел. Лечили его в санатории. И туда шли коротенькие письма, написанные детским старательным почерком, стихи собственного сочинения, рисунки. Любовь к родителям Тоня пронесла через всю свою жизнь. В этом мы убедились, читая фронтовые письма девушки.

В 1942 году в Троицком горкоме комсомола появилась хрупкая девушка. Она принесла заявление: «Секретарю Троицкого горкома ВЛКСМ г. Литвиненко от комсомолки (комсомольский билет № 11954825) Меньшениной А. Ф.

Прошу зачислить меня добровольцем в ряды РККА и дать возможность получить военную специальность. Если буду удостоена такого доверия, то постараюсь оправдать его, а когда понадобится, то с честью буду сражаться в передовых рядах лучших защитников моей Родины.

10/X-42 г. А. Меньшенина

Мой адрес: г. Троицк, ул. Володарского, 29».

В ноябре Тоню отправили на фронт.

Уральская комсомолка спасла жизнь многим бойцам. Под огнем врага она вытаскивала их на себе и в зимнюю стужу по глубокому снегу, и в весеннюю слякоть.

О Тоне Меньшениной, ее мужестве и стойкости, ее любви к Родине рассказывают письма. Их сто одиннадцать!

26 ноября 1942 года она писала: «...Сегодня немного грустно, т. к. моя подруга Ремезова уехала в разведроту. Везет же! Я все еще на старом месте работаю. Правда, все время рвусь на передовую, но пока положительного результата нет (хотя разговаривала с полковником)...»

Мечта стать актрисой не угасает даже на фронте: «Работаю круглыми сутками, а если на-

плыв раненых большой, остаюсь еще на двенадцать часов... Обо мне не беспокойтесь, придет время, и вы увидите меня на сцене одного из театров Советского Союза...» И еще: «Милая мама, очень хочется знать, что сейчас идет в театре... Если не затруднит, то вышли мне заказной бандеролью том Чехова и книгу Горького, где есть рассказы «Старуха Изергиль», «Челкаш» и «Песня о Буревестнике».

Во фронтовой газете сержант К. Юрин сообщил: «Сегодня Антонина Меньшенина шла в бой с пулеметчиками. Из-за высоты бил фашистский миномет, строчили пулеметы. Меньшенина лежала в воронке и пристально следила за полем боя... Бой длился весь день. Под сильным огнем противника, рискуя своей жизнью, бесстрашная санитарка вынесла с поля боя 20 раненых бойцов с оружием...»

За спасение раненых санитарка Меньшенина была награждена медалью «За отвагу».

В феврале сорок третьего Тоня принимала участие в разведке боем и открыла свой боевой счет: уничтожила двух фашистов.

После короткой передышки — снова бой. Тоня была ранена. Об этом она писала в Троицк 7 марта.

«...Перевязывала раненых, набивала ленты для пулемета «Максим», заряжала диски. И тут пуля обожгла мне спину, я упала. Только в эту

Фронтовой снимок. Тоня Меньшенина — справа.

минуту я почувствовала, как дорога жизнь, мне сильно захотелось жить!»

Из Ярославля, где девушка лечилась в госпитале, она сообщала родным:

«...Чувствую себя хорошо, бегаю и даже сегодня пыталась сделать акробатический мостик, но ничего не вышло. Волнует одно: смогу ли я попасть к себе в часть, а часть для меня все...»

И еще одно письмо из госпиталя:

«Милые мама и папа! Так надоело, что хочется бежать. Бежать туда, где свистят пули, рвутся снаряды, бежать вперед к любимым бойцам, к своей любимой винтовке-снайперке. Невольно приходят на память слова, прочитанные в одной из книг: «Лучше умереть героем, чем жить рабом!» Я люблю жизнь, но щадить ее не буду. Я люблю жизнь, но смерти не испугаюсь. Жить, как воин, и умереть, как воин,— вот как я понимаю жизнь!»

Летом 43-го года Тоня вернулась на фронт. Она закончила курсы снайперов и в первом же бою уничтожила несколько гитлеровцев.

Об этом майор Воронин рассказал в заметке «Антонина Меньшенина открывает счет»: «Пуля просвистела над ухом. Вторая — щелкнула о дерево, под которым лежал пулеметчик. «Снайпер»,— решил старший сержант Макаров и быстро перетаскил своего «Максима» на позицию. Однако враги обнаружили пулеметчика и открыли огонь. Это заметила девушка — снайпер Антонина Меньшенина. Ей потребовалось всего несколько минут, чтобы обнаружить вражеских стрелков. Ударил один выстрел русской трехлинейки, второй... Оба были убиты наповал. Комсомолка А. Меньшенина прибыла в батальон три месяца назад». За мужество, проявленное в боях с захватчиками, Тоня была награждена второй медалью «За отвагу».

1944 год был знаменательным в жизни Тони.

В январе она вступила в Коммунистическую партию: «Сегодня 14 января ночью или завтра днем снова ухаживаю в бой. В этот бой я иду членом партии. В левом кармане лежит маленькая красная книжечка члена Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. Маленькая, но дорогая!»

В письме от 9 февраля 1944 года читаем: «Дорогой папочка! Получаю твои письма, полные беспокойства и тревоги обо мне. Не надо, родной мой! Милый папа, можешь быть спокойным за меня. Антонина в январских боях оправдала высокое звание члена ВКП(б). В дни боев с 29 декабря 1943 года по 7 января 1944 года и с 16 января 1944 года по 25 января 1944 года я вынесла с поля боя 70 раненых товарищей с оружием...»

За бесстрашие и стойкость ее наградили орденом Славы 3-й степени.

Последнее письмо Тони боевые друзья нашли в ее санитарной сумке. «Милая моя, родная мама! Не очень давно получила от вас с папой поздравительное письмо, очень рада и благодарна за внимание... Скоро уже месяц, как наша часть вступила в бой. Очень, очень много пережито и пройдено с боями за такой короткий промежуток времени. И в этом бою твоя Антонина впереди, участвовала в уличных боях в городе Могилеве. Только сейчас рядом разорвался снаряд, было два раненых — перевязала.

Много писать не буду, завязался бой...

Если этот бой выдержу, то обязательно буду жить...

17 июля 1944 года.

19 июля Тоня была убита осколком вражеского снаряда. Орден Отечественной войны II степени — посмертная награда девушки.

Наша землячка похоронена в белорусской земле. На ее могиле посажены уральские березки.

Красные следопыты школы № 91

С Л Е Д О П Ы Т С К И Е Д Е Л А

Наступает июль — первый месяц летних походов. Подготовились к новой экспедиции участники Операции «Ч» — следопыты общества «Глобус» Свердловского Дворца пионеров. Зимой и весной они разрабатывали маршрут похода. Он будет проходить по притоку Чусовой реке Серебрянке, протяженность пути — 80 километров.

Серебрянка берет начало у главного уральского водораздела. У села Серебрянки, откуда начнется маршрут похода, ширина реки 30—60 метров, глубина на суженных местах метр, на расширенных — полметра. Свой путь следопыты закончат в деревне Усть-Серебрянка, где река впадает в Чусовую.

40

Вместе с руководителем похода Люцией Михайловной

Лукиной ребята изучили рельеф местности, чтобы знать, по какому берегу лучше идти, где удобней и безопасней организовать переправу. Следопыты составили карту растительности района похода. Теперь им известно, где находятся выруб-ки, где на них образовались луга, где осталась елово-пихтовая тайга, где сосновые боры.

Итак, 5 июня следопыты выходят по маршрутам Операции «Ч» Все собранные материалы они передадут в штаб по охране Чусовой и ее притоков.

Жаркие бои шли в октябре 1943 года у села Бородаевка Днепропетровской области. Более полутора тысяч советских воинов пали здесь смертью храбрых. Юные следопыты Бородаевской школы

собрали большой материал о защитниках их края от немецко-фашистских захватчиков.

Двадцать семь лет числился в списке погибших героев житель села Козырь Ростовской области А. И. Петрухин. Ребятам удалось установить, что он жив.

По приглашению следопытов гвардии старший сержант запаса, кавалер ордена Красной Звезды и ордена Славы 3-й степени А. И. Петрухин приехал в Бородаевку. Он не узнал село, которое гитлеровцы почти полностью сожгли. Сейчас здесь красивые дома, асфальтированные тротуары, сады. А. И. Петрухин рассказал ребятам, что под Бородаевкой был тяжело ранен и попал в плен. Смелый побег из концлагеря вернул его в ряды Советской Армии, и войну он

В МОСКВУ! В МОСКВУ!

Б. Коробейников (г. Магадан)

ПЕСНЯ.

Ю. Илек (г. Вологда)

закончил, сражаясь в Австрии.

Следопыты продолжают разыскивать героев боев за их село.

В 1944 году 354-я стрелковая дивизия сражалась у латышского селения Пампали. После гибели командира дивизии командование принял майор Поздеев, уроженец Удмуртии. Советские воины выбили фашистов из Пампали, сам Поздеев пал смертью храбрых.

Следопыты клуба «Данко» Кировского района города Риги решили узнать все, что возможно, о жизни майора Поздеева, установить место его гибели. В зимние и летние каникулы уходили ребята в походы по окрестностям Пампали, расспрашивали старожилов, показывали им фотографии Поздеева. Так была найдена могила героя.

Связались следопыты и с родными майора, побывали в Удмуртии, на родине Поздеева.

Пятый год юные рижане проводят походы по местам боев в годы Великой Отечественной войны 43-й стрелковой дивизии и 1-го Режицкого авиаполка.

Восемнадцать тысяч представителей малых народностей проживает сейчас на Дальнем Востоке. Красные следопыты Нанайского, Ульчского, Тугуро-Чумиканского районов составляют летопись Хабаровского края. Царский строй обрекал коренные народности на вымирание. Жестокая эксплуатация, голод, болезни, нищета и безграмотность — таков был печальный жизненный путь эвенка и нанайца, ульчи и чукчи. Страницу за страницей запол-

няют юные краеведы историю достижений родного края за годы Советской власти.

«Ныне,— читаем мы в ней,— все дети учатся в школах-интернатах на полном государственном обеспечении. Выросла своя интеллигенция: 198 врачей, 253 учителя, 90 культпросветработников. Из среды малых народностей выдвинулось немало талантливых литераторов. Среди них — удэгейский писатель Джанси Кимонко, нанайский — Григорий Ходжер. Произведения их издаются в нашей стране и за рубежом».

Юные краеведы села Александровское Боханского района Иркутской области в походах и экскурсиях собрали материалы о жизни политических ссыльных, заключенных в Александровском центральном, находившемся на территории

ПЕРВЫЙ ХЛЕБОПАШЕЦ БЕРЕЗОВА

«Благонамеренный березовец»

ЗИМА в 1827 году пришла в Тобольск рано. Уже в начале октября Иртыш сковало и установился санный путь. С севера потянулись в город обозы, почтовые тройки. Одним из первых приехал в сибирскую столицу березовский купец Нижегородцев. Он вез с собой странный груз — два продолговатых предмета, завернутых в холстину.

Березовец побывал у своего старого знакомого ученого-тоболяка П. А. Словцова, поделился с ним новостями. Словцов новостями заинтересовался и рекомендовал Нижегородцеву обратиться с ними к губернатору Д. Н. Бантыш-Каменскому, человеку, по его мнению, умному и доброму.

Нижегородцев так и сделал. И вот, когда в губернском правлении он распаковал свой груз, чиновники увидели два снопа — ячменный и овсяный. Нижегородцев рассказал, что 4 июня, «из любопытства», — как сам он выразился, — он посеял в Березове ячмень, овес и коноплю. 23 августа собрал первый урожай—12 суслонов ячменя, а 5 сентября снял 7 суслонов овса. Овса можно было бы снять и больше, до 20 суслонов, однако по недосмотру посев был вытопан скотом. Беда постигла и коноплю — ее выкосили по ошибке вместо травы...

Все это было поразительно, а для тобольских чиновников даже невероятно—они привыкли видеть в севере безжизненную пустыню, где живут «дикари», самим богом предназначенные для того, чтобы отдавать за бесценнок дорогую пушнину. Однако сам губернатор

отнесся к снопам с большим интересом и приказал внимательно рассмотреть предложения Нижегородцева.

Казенная палата, ознакомившись с опытами березовца, ответила:

«...предположение купца Нижегородцева развесть хлебопашество в толь суровом краю общепольное и заслуживает уважения тем более, что тамошние жители, смотря на действие и успех его в сем занятии, вероятно обратятся и сами к возделыванию полей, могущих со временем обеспечить их нужды в необходимом пропитании, почему Палата и полагает отвести Нижегородцеву для сего предприятия из пустопорожных мест удобной земли около Березова 50 десятин...»

Однако к этому времени должность губернатора стал исполнять Н. Жуковский, человек весьма натерелый в бюрократических тонкостях и осторожный. Он послал дело Нижегородцева вместе с образцами урожая в столицу. И покапилось дело по канцелярской дорожке, от бумажки к бумажке, от стола к столу...

Но кто же был Нижегородцев, сей, по выражению П. А. Словцова, «благонамеренный березовец»?

В «Письмах из Сибири» П. Словцова, напечатанных в «Московском телеграфе» за 1828 год, промелькнуло известие о находке огромного кита на северном побережье. Словцов указывал, что описание кита, его размеры, положение на берегу, сообщены березовским жителем Нижегородцевым, который к тому же производит «опыты по земледелию в северных широтах». Далее говорилось об успешных посевах им ячменя и овса.

Свидетельство это — не единственное. В 1828 году по обскому и уральскому северу путешествовал член Тобольской

врачебной управы Фр. Белявский. О своей поездке он издал книгу. Среди различного рода сведений о народах севера, их быте, болезнях, Белявский пишет и о суровости климата, о том, что в Березове почти нет овощей, их запасают в Тобольске. «Однако, — добавляет он, — в 1826 году березовский купец Нижегородцев посеял несколько десятин хлебом разного рода и по случившемуся тогда жаркому лету... имел совершенный успех — семена взошли и жатва созрела. Несколько колосьев, представленных им бывшему тогда Тобольскому губернатору г. Бантыш-Каменскому, были препровождены к г. Министру внутренних дел».

Сведения Белявского не во всем точны. Однако нам важно другое — Белявский говорит об опытах 1826 года. Под этим же годом мы находим сведения о попытке Нижегородцева и в «Хронологическом перечне важнейших данных из истории Сибири» И. Щеглова.

Так или иначе, но даже из скупых свидетельств современников видно, что Нижегородцев был человеком незаурядным, ума пытливого. Однако сведений о нем было очень мало, неизвестно даже его имя...

«Дело» Нижегородцева

После поисков в архивах Сибири, мне удалось, наконец, в 1963 году обнаружить в Омске «Дело» о Нижегородцеве, которое разрешило многие вопросы.

Вот что выяснилось из него. Как мы уже знаем, прошение Нижегородцева встретило в Тобольске сочувственное внимание. А ровно через два месяца после того, как Жуковский по-

слал свое отношение в столицу, — 4 января 1828 года, — в Тобольск пришел ответ. Министр финансов Канкрин писал, что по поводу выделения Нижегородцеву участка для опытного посева, он «вносил представление в Комитет гг. Министров и в 29 день минувшего декабря, последовало Высочайшее его императорского величества соизволение: отвести означенному купцу Нижегородцеву для хлебопашества из пустопорожных около г. Березова казенных дач, кои для местных поселян не нужны, просимое количество земли 50 десятин в собственность, но с таким условием, чтобы он, Нижегородцев, предложение свое непременно исполнил, для чего назначить ему срок 8 лет; если же в продолжении сего срока никакого хлебопашества заведено там не будет, то землю у него отобрать и обратит в казенное ведомство без всякого взыскания»¹.

Земли свободной вокруг Березова было предостаточно. Нижегородцев мог спокойно готовиться к весеннему посеву 1828 года. Словцов в «Письмах из Сибири» говорит, что Нижегородцев «выписывает домой сохи и другие орудия, дабы в будущем году превратить пробу земледелия в нарочитую попытку».

Но не тут-то было! Канцелярская волокита только началась.

Документы «Дела» состоят из сплошных запросов. Канцелярия Канкриня запрашивает Тобольск о плане выделенного Нижегородцеву участка в течение всего 1828 года — 30 мая, 29 августа, 31 октября, 28 ноября. Запросы идут генерал-губернатору, тот пересылает запрос губернатору, а губернатор пишет в Казенную палату...

Вот как оправдывался в задержке с выделением участка Жуковский перед генерал-губернатором: «Предписание сие осталось без исполнения единственно от долговременной зимы и продолжительного

большеводия, простиравшегося по течению реки Иртыш к г. Березову. По наступлении же возможного и удобного к таковому производству времени, по распоряжению Палаты назначен к таковому исполнению весьма способный и благонадежный окружной землемер Флоров, которому даны о сем настоятельные предписания».

Это было писано 4 августа 1828 года, но только в начале сентября Флоров выезжает в Березов, а межевание состоит лишь 22 сентября, то есть в самом преддверии северной зимы! Нижегородцеву, как показывают документы, был выделен не совсем удобный для хлебопашества участок земли. «порослой мелким дровяным лесом кедровым, сосновым, пихтовым, еловым и кустарником можжевеловым».

Год для Нижегородцева был потерян. Оставалось готовиться к следующему — 1829 году.

Однако начать обработку участка можно было только после утверждения плана в столице. А тут снова потянулась канцелярская волокита. План послан в столицу только 8 декабря. В полном неведении о его судьбе проходит зима, весна 1829 года, и лишь в мае получено от Канкриня извещение о том, что 10 мая правительствующий сенат утвердил план участка. Через месяц — 17 июня, из канцелярии генерал-губернатора Западной Сибири идет распоряжение тобольскому губернатору, в котором пересказывается содержание письма Канкриня и предписывается «объявить об оном купцу Нижегородцеву и подтвердить ему о неременном употреблении означенной земли под хлебопашество».

Когда получил это уведомление Нижегородцев — неизвестно. Но это уже не имело значения — начинать посев на выделенном участке было и в этот год поздно...

Два года прошли в бесплодной канцелярской волоките. Мы не знаем, как дальше повернулась судьба Нижегородцева, какие новые препятствия поставила на его пути чиновная бюрократия. Сведения об этом пока не удалось отыскать.

Дальнейшие поиски материалов о Нижегородцеве получили несколько неожиданное направление,

Потомки

В одной из своих книг я рассказал об А. И. Нижегородцеве, о его опытах в Березове, находке кита. А через некоторое время пришло письмо из Новосибирска от профессора Нижегородцева Константина Александровича. Познакомившись с моей книгой, он писал: «Мне интересно было прочитать о жителе Березова Нижегородцеве А. И., который мог быть моим предком... У моего прадеда было четыре сына, и один из них — мой дед Николай Александрович, — переселился из Березова в Обдорск».

Начались новые поиски, в итоге которых удалось проследить путь фамилии Нижегородцевых до наших дней. Профессор Нижегородцев К. А. действительно оказался прямым потомком березовского опытника.

В XVIII веке в Березове поселился выходец из Нижнего Новгорода Иван Степанович. Фамилии он не имел и звался по отчеству — Степанов. Но вскоре его стали звать Нижегородцевым, а затем это прозвище закрепилось как фамилия. Его сын Александр, родившийся около 1780 года, и приобрел известность своими сельскохозяйственными опытами. Один из четырех сыновей Александра Ивановича, как мы уже знаем — Николай, — переселился в Обдорск (ныне Салехард), а его сын — Александр Николаевич стал в 1883 году отцом будущего профессора медицины, нашего современника К. А. Нижегородцева.

Как же получилось, что Константин, сын мелкого северного торговца, выбыл из традиционного круга и, разорвав семейные связи, шагнул далеко за их пределы?

Возможно, его судьба сложилась бы неприметно, если бы не бабушка Евгения Павловна, урожденная Полуянова. В ее лице мы сталкиваемся с одним из характернейших явлений прошлого сибирского Приуралья — благотворным влиянием передовых ссыльных на местное население.

Евгения Павловна родилась и выросла в Ялutorовске, училась в школе у декабриста И. Д. Якушкина, общалась с его товарищами по ссылке. Искра, зароненная декабриста-

¹ Государственный архив Омской области. Фонд 3, д. № 768. Письмо Департамента государственных имуществ Генерал-губернатору Западной Сибири от 4 января 1828 г. «Об отводе купцу Нижегородцеву земли 50 десятин для хлебопашества в Тобольской губернии». Л. 1.

ФОТОКОНКУРС

А. Нагибин (г. Свердловск)

РУССКАЯ СТАРИНА.

ми в сердце девушки, не погасла с годами — именно Евгения Павловна и настояла, чтобы Константин и его брат Александр получили хорошее образование. Она приехала с внуками в Тобольск, где они стали учиться в гимназии, привила им любовь к знаниям, а главное — передала им вольнолюбивые и гуманные идеи своих учителей. Это и вывело Нижегородцев на новые дороги.

Константин Нижегородцев в 1902 году поступил в Военно-медицинскую академию в Петербурге, а через год перевелся в Томский университет.

В «сибирских Афинах», как звали в то время Томск, судьба юного медика сделала крутой поворот. Нижегородцев

сблизился с кружком социал-демократов, активно работал в нем. За участие в январской политической демонстрации 1905 года попал в тюрьму и под суд. Только через три года ему удалось вернуться в университет, а диплом врача он получил лишь в 1913 году. В годы гражданской войны он служит в Красной Армии, а с 1922 года целиком отдался преподаванию в медицинских вузах. За самоотверженную работу в годы войны он был награжден орденом Ленина.

Интересно сложилась судьба и его брата — Александра. Он был одним из вожаков забастовки учеников Тобольской гимназии в октябре 1905 года, входил в тобольскую социал-демократическую организацию,

большевистскую по своему составу. За распространение листовок он был арестован и отдан под суд. Аттестат зрелости А. Нижегородцев получил экстерном. Потом он окончил юридический факультет Томского университета и в годы Советской власти работал народным следователем в Сибири.

В наши дни растет новое поколение Нижегородцевых — сын К. А. Нижегородцева Валерий, демобилизованный офицер, кавалер ордена Красной Звезды, старший научный сотрудник; внук — Андрей — студент Электротехнического института в Новосибирске.

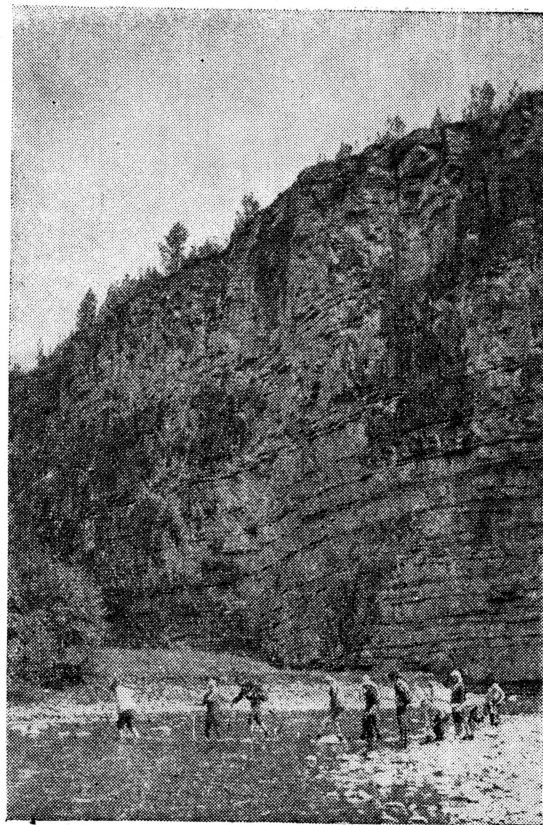
В. УТКОВ

В СОЛОМЕННУЮ ПЕЩЕРУ

Летом прошлого года по заданию областного совета по туризму мы, студенты Челябинского и Сахалинского пединститутов, исследовали Ашинские и Катав-Ивановские пещеры на Южном Урале.

Десятого июня наша группа вышла из электрички на станции Кропачево. Сначала шли гуськом, нога в ногу, но вскоре внезапный снег и сильный ветер разъединили нас. С каждым километром рюкзаки становились тяжелее, мы с трудом передвигались. Выбываясь из сил, взобрались наконец на вершину горы в надежде увидеть деревню Серпиевку, вблизи которой нам предстояло жить. Но вместо нее сквозь снежный занавес маячила еще одна гора.

В селе Аратском строители из Азербайджана приютили нас на несколько часов в своем общежитии. Немного передохнув и обогревшись, мы отправились дальше. И вот она, долгожданная

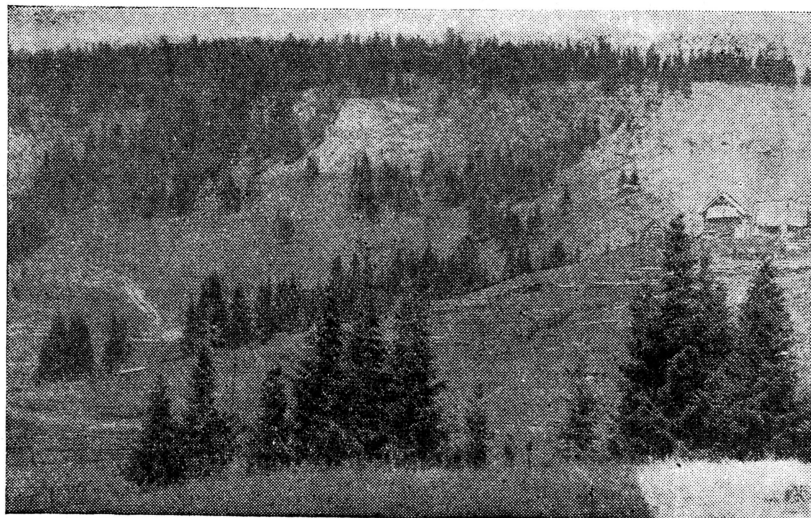

Экспедиция переходит один из притоков реки Сима.

Серпиевка. Вечерняя мгла уже покрывала землю, когда наша группа разбила лагерь.

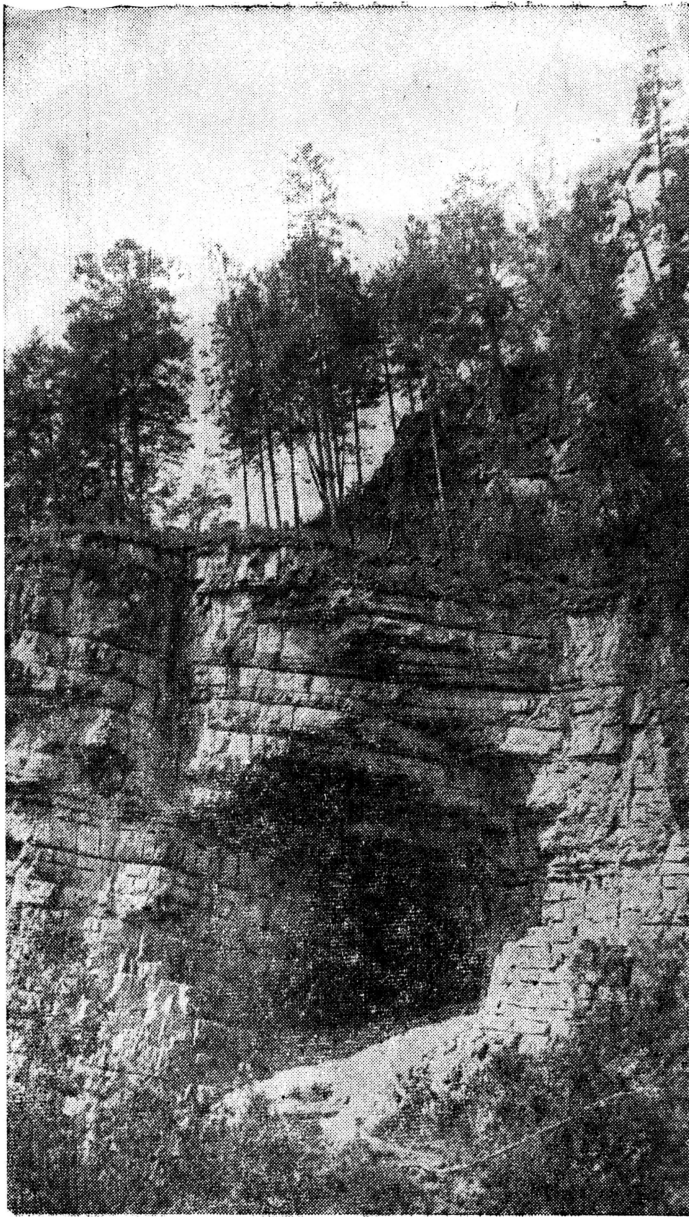
Утром часть ребят отправилась на топографическую съемку берегов Сима, а трое студентов из Сахалинского пединститута и пятеро наших, челя-

бинцев, — в Соломенную пещеру. Интересна история этой пещеры. Ее обнаружили зимой 1967 года во время дорожных работ¹. Первыми побывали в пещере вездущие местные мальчишки, а позднее — студенты Свердловского горного института. Горняки составили план, геологическую и минералогическую характеристики. В пещере оказалось много довольно редких для Урала сталактитов — «соломинок». В 1968 году при строительстве проселочной дороги часть пещеры была взорвана. Погибли очень редкие натёки и большая часть «соломинок».

Окрестности Сима

¹ См. «Уральский следопыт» № 4, 1969 год.

Игнатовская пещера

В белых шлемах, брезентовых брюках и куртках, с фонарями и веревками в руках мы подошли к пещере. У входа толпилось человек сорок туристов. Они заглядывали в узкий черный лаз, но спускаться не решались. Признаться, и я немного струхнул — первый раз жутковато, — но отступать было поздно. Вот и горизонтальный ход. Холодная липкая грязь неприятно чавкает под ногами. Пробирается приходится ногами впе-

ред, лежа на спине. Ощущение далеко не из приятных. Наконец горизонтальный ход кончился, и мы очутились в первом гроте. Восемь фонарей выхватывают из темноты низкий потолок, усеянный обломками «соломинок», какие-то надписи на стенах, обрывки бумаги под ногами. Ясно, здесь уже побывали «туристы».

Из грота два хода. Лезем в правый. Он постепенно сужается, и приходится ложиться на живот. В какой-то момент кажется, что дальше проникнуть невозможно, но я делаю последние усилия и буквально вываливаюсь в новый грот. Здесь наша группа нашла несколько целых «соломинок». Отлично! Значит, не все еще сокровища Соломенной погибли! А в самом дальнем конце мы увидели подземное озеро. Его глубина полтора метра, вода прозрачная. Температура ее плюс четыре градуса.

Проходим по узким ходам еще метров пятьдесят и поворачиваем назад. Вот и выход. Ребята один за другим выбирают наверх. Я лезу последним.

Соломенная пещера была первая. В последующие дни мы побывали вместе с нашим руководителем Верой Николаевной Дубовик в Колокольной, Майской, Водяной, Сухотинской, Шемахинской, Икеньской и других. Очень понравилась нам Игнатовская пещера. В крутом известняковом берегу Сима огромная дыра метров шесть в диаметре. Цепочкой двинулись внутрь. Дышать трудно. Свет фонарей с трудом пробивает серую пелену дыма. До нас в пещере побывали симские школьники с факелами. Они пробыли здесь недолго, но напакостили изрядно. Мало того, что дышать совершенно нечем, — все стены и потолок в копоти. Замечательные натечные образования скрыты под слоем сажи.

Наша экспедиция открыла десять новых пещер. У нас есть их описания и адреса. Конечно же, мы не будем держать этого в тайне, но как хочется, чтобы первозданная красота подземных дворцов оставалась неприкосновенной, чтобы туристы бездумно не ломали «соломинок», не писали на стенах и не превращали пещеры в мусорный ящик.

А. БУТАЛОВ,
студент

ПАМЯТНИК „СОБАКЕВИЧУ“

В одном из экспозиционных залов Пермского областного краеведческого музея внимание зрителей привлекает памятник из серого камня с высеченной краткой надписью: «Другу нашему собакевичу».

Майя 4 1873 года».

Не подумайте, что это надгробие на могиле литературного героя «Мертвых душ». Камень привезен в музей из усадьбы владельцев старого уральского завода Пожвы, где под сенью столетних кедров погребен был четырехногий любимец заводчика.

Всеволожские, считавшие себя прогрессивными людьми своего времени, увековечили память своего любимца-пса, зато имена талантливых умельцев, чьим умом и руками создавались первые паровые суда в Волжско-Камском бассейне, первый отечественный паровоз широкой колес, предали забвению.

Да и при жизни крепостные

мастеровые могли лишь завидовать собачьему житю. Тяжелый подневольный труд, унижение человеческого достоинства, произвол приказчиков и заводовладельца, нищенское существование — таков был нелегкий удел крепостного рабочего люда.

Потускневшие от времени документы архивохранилищ — эти беспристрастные свидетели далекого прошлого — раскрывают факты, полные драматизма. Вот эти документы и высечь бы на камне!

Осип Ульянов и Савва Казанцев в июле 1818 года, работая под водой, спасли машины с паровых судов, затонувших у села Тихие Горы. Но вместо благодарности при возвращении в Пожву были «оштрафованы кричной работой» — «за медленность и нестарание в ходу».

Николай Осипович Беспалов — первый волжский капитан, водивший в 1821 году пароход «Всеволод» до Рыбинска, четыре года спустя, будучи приказчиком Никитинского (Майкорского) завода, за мелкие упущения по службе был выслан в Верхотурский край на самые тяжелые работы — простым рудокопом на золотые прииски, а семья его была доведена до нищенства.

Вопиющий случай произошел в декабре 1833 года. На следующий день после большого пожара, когда фабричные стены были еще раскалены, а внутри в мастерских рушились перекрытия, помощник приказчика Постников приказал группе рабочих и учеников идти в помещения, чтобы собрать и вынести уцелевшие

материалы. Взрослые наотрез отказались выполнять это сумасбродное приказание, а семеро мальчишек устрашились приказчиных угроз, более, чем огнедышащих стен. Но не успели они еще углубиться в здание, как одна из стен «механического заведения» обрушилась. Трех учеников, получивших сильные увечья, удалось спасти, а изуродованные и полуобгоревшие тела остальных извлекли лишь через сутки. Вот имена этих заживо погребенных: Федор Долгополов — 10 лет, Алексей Неволин — 9½ лет, Ефим Денисов — 10 лет и Лука Веревкин — 15 лет.

О бедственном положении мастеровых завода красноречиво свидетельствует прошение Семена Петровича Истомина, поданное в заводское правление в мае 1822 года. Первоклассный слесарь, признанный специалист по изготовлению паровых машин, участник постройки и испытания пароходов в 1817 году, он просил спасти его от угрожающей нищеты.

Нетрудно представить, какое нищенское существование владели рядовые работники, если один из ведущих мастеров довольствовался лишь — как он пишет — «самыми умеренными выдачами хлеба» и не имел «возможности к необходимо нужному содержанию себя с семейством».

Вот что читается между строк, высеченных на могильном камне.

П. КАЗАНЦЕВ

Юмористическая фантастика

Михаил НЕМЧЕНКО

Рисунки Е. Стерлиговой

Объект для наблюдения

«Глаза разбегаются...» — с улыбкой радостной и чуть растерянной думал разведчик. Он парил в управляемом мыслью биолете над неведомой планетой, на которую первым из землян ему предстояло сейчас опуститься.

В этом первозданном мире все так необычно, что просто не знаешь, с чего начать... Сесть вон там, на холме, возле этих странных красных деревьев, похожих на огромные тюльпаны? Или опуститься левее, у того удивительного озера, ежеминутно меняющего свой цвет, — от оранжевого до черного? А может, обследовать полупрозрачную, точно хрустальную, гору, там, за озером?..

Да, конечно, разведчик знал, что все это никуда не уйдет. В ближайшие же дни весь район будет исследован и нанесен на карту. Но сейчас, в момент первой посадки, ему хотелось выбрать для наблюдения особенно интересный объект. Чтобы пославшие его на разведку люди, нетерпеливо ожидающие новостей там, в оставшемся на орбите звездолете, — уви-

дели на экранах нечто действительно чудесное и захватывающее.

«Ладно, приземлюсь сначала у этих деревьев-цветов», — решил, наконец, разведчик. И едва он это подумал, биолет плавно устремился вниз, к мысленно указанной точке.

Но когда до алой рощи оставалось каких-то метров двести, разведчик неожиданно передумал. «Странно, но мне почему-то расхотелось к этим древо-тюльпанам, — с некоторым удивлением констатировал он. — А хочется мне сейчас вон к тем большим бурым валунам у подножья холма. Не знаю, почему меня туда вдруг так потянуло, но чувствую: приземлиться надо именно там»... И биолет послушно выполнил мыслеприказание.

«Уф, наконец-то... — Большие добродушные «валуны» издали нечто вроде коллективного облегченного вздоха: они все делали коллективно, — даже думали. — ...Право, мы чуть не треснули от натуги, пока удалось внушить ему это желание. Но зато теперь его можно как следует разглядеть, этот интереснейший объект для наблюдения...»

Инспектор водоемов

Инспектор водоемов Кульков лежал на траве в одних плавках, доверив спину припекающему июльскому солнышку, и разговаривал по наручной видеорации со своей женой, находившейся в данный момент в командировке на одном из рудников Антарктиды. В эту самую минуту в берег озера ткнулась лодка, и выскочившие из нее двое мальчишек бросились к инспектору.

— Корабль с Сириуса! — закричали они, перебивая друг друга.— Вон там, за островком!.. Мы только червяков насадили, хотели закидывать... Смотрим, а у самой лодки — они!..

— Да вам, может, показалось? — молвил Кульков, очень неохотно приподнимаясь.

— Чего там — показалось! — возмутились мальчишки.— Своими глазами видели! Сидят на листе кувшинки,— точь-в-точь такие, как на прошлой неделе... И корабль тут же...

— Увы, Катюша, служебные обязанности,— сказал Кульков жене и выразительно посмотрел на крошечный экран.— Договорим через полчаса...

Он приладил к загорелой спине киберкрылья и, повесив на грудь транслейтер, взмыл в воздух. Через пять минут он был над указанным мальчишками местом и, снизившись к самой воде, сразу же увидел нарушителей. Да, юные рыбаки не

ошиблись: это опять были отчаянные голубушки с Карлиты, микропланеты на периферии Сириуса.

«Хоть кол им на голове теши!» — со злостью подумал инспектор водоемов.— С других планет экскурсанты как экскурсанты, соблюдают все правила, а с этими — никакого сладу...»

Но вслух Кульков, разумеется, выразился гораздо дипломатичней.

— Ай-яй-яй, товарищи! — прошептал он в транслейтер, повиснув над кувшинкой.— Ну что это за несознательность такая! Буквально рядом, на соседнем озере, специально для вас создана безопасная экскурсионная зона,— а вы, простите за выражение, лезете в самое пекло! Вам что, не терпится оказаться в лапах хищной стрекозы? Или вас ничему не научили факты склевывания отдельных экскурсантов-нарушителей птицами?!

Инспекторская речь возымела действие. Столпившиеся на листе кувшинки розовые бусинки-экскурсанты гуськом потянулись к своему покачивающемуся на воде звездолету, похожему на карманный фонарик.

Кульков подождал, пока корабль взлетит, и, взмахнув крыльями, направился к берегу. «Шестой случай за месяц!.. — раздраженно думал он, по привычке внимательно оглядывая все встречные кувшинки.— Просто уже надоело жаловаться на этих лихачей в их посольство. Для них это вместо альпинизма, опасности,

Н О В И Н К И

МОИ ДРУГ- ФАН- ТАС- ТИКА

Генрих АЛЬТОВ.
Создан для бури.

М., Изд-во «Детская литература», 1970. 287 стр.

Герои одного из рассказов, вошедших в книгу,— космонавт Зорох, побывавший на странной планете Химере и уже не вернувшийся на Землю, и дешифровщик, идущий по его следам, разбирающий его искаженное помехами сообщение. Оба они приходят к удивительному открытию. Шаровые скопления звезд в центральной части Галактики—

это колоссальные звездные «города», сюда «переводят» свои солнца высокоразвитые человечества. И не дожидаться сигналов, не посылать их должны земляне, а изыскивать возможности для управления движением своего солнца. Ведь только живя бок о бок, инопланетные цивилизации могут действительно, своевременно помогать друг другу...

В книгу включены также и печатавшиеся в нашем журнале рассказы «Клиника «Сапан» и «Девять минут».

видите ли, учатся презирать,— а инспектор за все отвечаю...»

Улегшись на траву, Кульков тотчас же связался с Антарктидой.

— ...Так вот, слушай, я тебе не досказал самое главное,— заговорил он, когда на экранчике видеорации появилось лицо супруги.— Представляешь: наш Вовка тут без тебя тайком научился сам синтезировать земляничное варенье. Вчера так обьелся, что пришлось лететь к доктору. Я уже сегодня строго-настроено наказал домашнему роботу, чтоб не подпускал его, сорванца, к синтезатору...

Даешь первое место!

«Выкопали, подняли и понесли!» — эта мгновенно разнесенная лучевыми оповещателями весть вызвала величайшее волнение на всех двенадцати материках планеты Аюй. Еще бы! Вот уже семнадцать световых циклов аюйцы всех возрастов и профессий со жгучим интересом следили за информацией, поступающей от автомата-разведчика, совершившего посадку на далекой планете, где существовала любопытнейшая форма разумной жизни.

Соблюдая все требования конспирации, автомат облюбовал себе местечко на пустыре у окраины большого города и при посадке так старательно зарылся в грунт, что на поверхности остался лишь самый кончик коротенького корпуса. А если еще учесть, что для маскировки

автомат принял форму валявшегося рядом ржавого металлического предмета,— не приходится удивляться, что это чудо аюйской цивилизации беспрепятственно впитывало и передавало на Аюй интереснейшую информацию о проходивших и проезжавших мимо аборигенах планеты, ничем не привлекая их внимания.

Так продолжалось семнадцать световых циклов. И аюйцы были уверены, что их звездный лазутчик будет функционировать еще долго-долго. Как вдруг...

«Несут к большому зданию,— пунктуально докладывал автомат, подтаявшие энергоресурсы которого уже не давали возможности вырваться из державших его рук.— Вижу массу металлических предметов. Меня подносят к ним. Вероятно, эти двуногие существа догадались, кто я,— и хотят вступить в контакт...»

Тут аюйцы услышали громкий треск, и передача оборвалась...

— Веревкин, ну что ты стоишь! — нетерпеливо воскликнула классная руководительница.— Если все так будем стоять — не видать нам первого места, как своих ушей! А ну, быстро...

«Странный какой-то был этот обломок рельса,— размышлял Толя Веревкин, бросая последний взгляд на выезжавший из школьных ворот грузовик с металлоломом.— Оставить бы его себе да хорошенько рассмотреть. Да уж ладно. Главное, чтоб наш класс собрал больше всех!»

И он пошел собирать дальше.

Сергей ЖЕМАЙТИС.
Вечный ветер.

М., Изд-во «Детская литература», 1970. 287 стр.

Действие повести происходит в недалеком будущем на плавающем острове, герои ее — молодежь, студенты. Они раскрывают тайны океана, осваивают его несметные богатства; их жизнь полна романтики, опасностей и приключений.

Н. Ф. Альманах научной фантастики.

М., Изд-во «Знание», вып. 9, 1970. 136 стр.

50

...Почему-то все встречные были на редкость разговорчи-

вы сегодня. Глянув на нее, парни тут же высказывались о ее внешности. Озабоченная хозяйка с тяжелыми сумками поделилась своими заботами: «Что же я забыла? Муку взяла, макароны взяла, масло растительное взяла...» И даже пожилой рабочий, такой углубленный в себя, кинул Юле на ходу: «Цапфа шпиндель не держит, все дело в колодке. Колодка зажимает и тормозит...» Читатель, конечно, догадался: у девушки — чудодейственный прибор, позволяющий читать мысли! Но... хорошо это или плохо? Нужен такой прибор или не нужен и даже вреден?

Помимо рассказа Г. Гуревича «Опрятность ума», в очередной выпуск альманаха вошли другие произведения со-

ветских и зарубежных фантастов.

Роман ПОДОЛЬНЫЙ.
Четверть гения.

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1970. 208 стр.

Что такое гений? Можно ли его воспитать? Или решение задачи — в создании коллектива людей, оптимально выполняющих роль одного гения? Если это так, то в чем особенности такого коллектива?

В повести, давшей название всему сборнику, Р. Подольный попытался дать ответы на эти вопросы.

НЕАКАДЕМИЧЕСКАЯ РОДОСЛОВНАЯ

В 1964 году журнал «Вопросы психологии» опубликовал две статьи о гипнопедии. Как водится, изложение начиналось с истории вопроса. В одной статье летоисчисление велось с исследований О. Хаксли, выполненных в 1932 году, и последующих опытов М. Шировера. Вторая статья указывала, что опыты ставились еще за десять лет до О. Хаксли — в морской школе во Флориде. Так или иначе, все выглядело вполне солидно: никакой фантастики, гипнопедия начинается с научных исследований.

Однако очень скоро журналу пришлось выступить с уточнением. Оказалось, что О. Хаксли исследований не вел, а описал гипнопедию... в романе «Прекрасный новый мир». Шировер же создал гипнопедические приборы... в научно-фантастической новелле «Цереброфон». Лишь в 1947 году

инженер Э. Браун по заданию Шировера сконструировал аппарат «дормифон» — комбинацию патефона с электрическими часами и наушниками, и год спустя Р. Элиот применил этот аппарат для обучения студентов во время сна. Что же касается экспериментов в морской школе, то их просто-напросто не было: это отголоски эпизода из фантастического романа Хьюго Гернсбека «Ральф 124С41+», опубликованного еще в 1911 году.

Такая вот совсем неакадемическая родословная обнаружилась у гипнопедии: сначала идеи в романах, потом неказистый прибор, сооруженный по подсказке фантаста, и, наконец, первые реальные опыты...

Г. АЛЬТОВ.

Кирилл БУЛЫЧЕВ.
Последняя война.

М., Изд-во «Детская литература», 1970. 287 стр.

Космический корабль «Сегежа» летит к Синей планете. Автоматы обнаружили на ее поверхности многочисленные следы Разума: города, гидротехнические сооружения, дороги. Но только следы. Живых существ на планете не оказалось. Впрочем, они и не могли уцелеть: планета отравлена радиацией... Экипажу «Сегежи» предстоит разгадать тайну погибшего мира.

Анатолий ЖАРЕНОВ.
Парадокс великого Пта.

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1970. 256 стр.

Давно, невероятно давно существовала на Земле цивилизация, достигшая высокого уровня в техническом и социальном развитии. Но Земле грозит катаклизм, который должен уничтожить все живое, и

население покидает планету. Однако находятся энтузиасты, решившие передать эстафету знаний грядущим цивилизациям...

ПОЛЮС РИСКА. Сборник.

Баку. Изд-во «Гянджлик», 1970. 240 стр.

«Когда писал «Гиперболоид инженера Гарина», — вспоминал Алексей Толстой, — старый знакомый, Оленин, рассказал мне действительную историю постройки такого двойного гиперболоида; инженер, сделавший это открытие, погиб в 1918 году в Сибири...» Поразительно: Сибирь, гражданская война — и кто-то пытается создать гиперболоид... Кто же этот инженер? При каких обстоятельствах он погиб?

В. Журавлева написала об этом рассказ «Тост за Архимеда».

В сборнике опубликованы произведения и других бакинских фантастов, в том числе — рассказы П. Амнуэля и Р. Лео-

нидова «Третья сторона медали» и «Танец века», печатавшиеся ранее в нашем журнале. Заключает сборник очерк Г. Альтова «Гадкие утята фантастики» — об удивительной прозорливости Александра Беляева, родоначальника советской фантастики.

Александр ШАЛИМОВ.
Цена бессмертия.

Л., Изд-во «Детская литература», 1970. 240 стр.

Новая книга А. Шалимова открывается повестью «Тихоокеанский кратер».

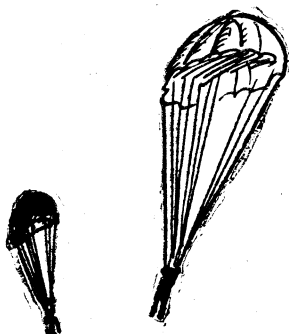
На одном из островков Тихого океана счастливой жизнью, никому не ведомое, живет маленькое полинезийское племя. Во главе его — белокожий ученый, разочаровавшийся в мире денег, в мире, где человеческие существа живут, как волки в свирепой дикой стае. Но зловещие щупальца капиталистической цивилизации тянутся и к этому клочку земли...

Блуждающие души

Е. ОВСЯНКИН

Рисунки С. Киприна

Документальное повествование

В ночь на 31 августа 1942 года, в разгар напряженных боев на фронте, в двадцати километрах от станции Коноша — важного узла на Северной железной дороге — высадилась группа фашистских разведчиков. На следующую ночь вражеский самолет снова кружил над тем же районом.

Высадка гитлеровских разведчиков в глубоком советском тылу произошла в тяжелые для нашей Родины дни, когда фашистские полчища прорвались к Сталинграду.

К осени 1942 года, благодаря активным действиям воинов Карельского фронта и Северного флота, было сорвано наступление врага на Мурманском направлении. Положение на северном участке советско-германского фронта временно стабилизировалось. Однако гитлеровское командование активизировало действия на северных морских коммуникациях. Всеми мерами оно стремилось сорвать военные и народно-хозяйственные перевозки в Арктике. По северным путям в Советский Союз в то время доставлялись стратегические грузы из США и Англии.

Для действий на этих путях немецкое командование сосредоточило в портах Северной Норвегии десятки крупных надводных кораблей. В конце августа 1942 года в Карском море начал пиратские действия немецкий тяжелый крейсер «Адмирал Шеер». 25 августа он напал на ледокольный пароход «Сибиряков». Героический экипаж советского судна во главе с капитаном А. А. Качаровой и помполитом З. А. Элиммеланом смело вступил в неравное единоборство с крейсером и сопротивлялся до последней возможности.

27 августа «Адмирал Шеер» приблизился к острову Диксон и обстрелял из орудий корабли, стоявшие на рейде и у причалов.

В эти же дни фашистская авиация нанесла удар по исходному пункту Арктического маршрута — Архангельску. Бомбардировки производились перед приходом конвоев морских судов и во время выгрузки транспортов. Вызванные бомбардировками пожары причинили городу большой ущерб.

Как выяснилось позднее, гитлеровское командование замышляло осуществить в то время и более серьезную военную акцию на Севере. Первой частью этой операции и явилась высадка в конце августа — начале сентября тридцати разведчиков в районе Коноши.

Один из них регулярно вел дневник, первые страницы которого заполнил еще во время пребывания в шпионской школе.

ИЗ ДНЕВНИКА НЕМЕЦКОГО РАЗВЕДЧИКА¹

2.II.42 г. нас отправили самолетом в Хельсинки, где мы должны находиться несколько дней, а оттуда поехать на место тренировки, недалеко от Восточного фронта.

В понедельник делали закупки и вечером выехали на Восточный фронт. Двое суток езды в переполненном вагоне, и мы прибыли в назначенное место — Суваро, 15 км от фронта. Здесь должны пройти последнюю подготовку, а также экипироваться перед «выброской в неизвестность».

Первая ночь в вагоне прошла тихо, зато днем началась сплошная игра в карты. Даже Полло играл, только Таст не присутствовал в компании: он спал все время. По пути кушали взятые с собой запасы. В Маткасельке пересели и попали в лучшую компанию. Тогда началась общая выпивка и пение, где блистал Петер. И это продолжалось до Вувари, откуда дальше ехали на грузовой машине. В пути потеряли пару пакетов — сахар и кофе, о чем мы очень сожалели. Других неприятностей у нас не было. В Ваасене принял нас фельдфебель Парвал, он является и нашим тренером, вместе с одним молодым курсантом. Кроме них, имели мы дело еще с одним лейтенантом, по-видимому, старый вояка, участвует в четвертой войне, низкий, коренастый, сморщенное лицо. Лектором еще один летчик, высокий, серьезный, обыкновенно шутить не любит, но на лыжных прогулках преобразается, бывает очень веселым.

Сделали первую вылазку на лыжах, на 2—3 км, демонстрировали свое умение кататься. После прогулки стали кушать и играть в карты. Со всех сторон летели ругательства.

Лыжи плохие. Лист часто падает, так, что на снегу виднеется только одна лыжа. Иногда 3—4 человека ему помогают выбраться из сугроба. Финны, конечно, смеются, что, мол, гор нет, а ребята падают. Правда, горы невысокие, но обросшие лесом и кустарником, весьма крутые. Снег очень плохой, большие сугробы. Половина из наших ребят в лыжном деле новички. Лучшие из них Таст, Теер, Харри, Бенс и я. Больше всех падает Лист. Сделали уже несколько прыжков. Благодаря ежедневной усиленной тренировке число падений уменьшается. Классные занятия не так интересны, хотя они весьма нужны. Теперь мы проходим теоретическую и практическую подготовку и сможем отправиться в путь с надеждой на успех. Так, например, 2—3 раза разводили костры, пересекали шоссе на дорогах, ходим в разведку, собираем сведения и ориентируемся по карте и компасу. Некоторые проходили тренировку по стрельбе в закрытом помещении. Для мишени использовали крышку банки из-под лыжной мази. Кроме лыжного спорта, стрельба является наиболее интересным занятием, хотя стрелять в закрытом помещении запрещено. Наши вечеринки проводятся весело. У каждого из нас уже имеется своя кличка:

¹ Текст дневника подлинный, изменены лишь имена фашистских разведчиков.

Старик имеет титул «Серангольский губернатор», Бенс — «Спис», Лист — «Разунин Орбусович», Полло — «Тсур», я — «Разбойник Виленских высот» и т. д.

После лыжной прогулки весьма приятно было попариться в бане. В маленькой бане помещается 5 человек. Парились и умывались на славу, а потом выбежали на улицу, повалились в снег и опять на полочку. После нас пришли финны. Фельдфебель Парвали ходил в баню вместе с нами. Он опять говорил, что хочет вместе с нами идти в разведку. Было бы неплохо, если бы нашим руководителем оказался такой опытный человек.

Уже теперь чувствуется отсутствие «твердой руки», нигде нет порядка, часто возникают разные ссоры, которые идут не на пользу нашей предстоящей работе: некоторые парни — Бенс и Вольт — очень нервничают, первый — из-за отсутствия водки, а второй — по неизвестным причинам. Оба не обращают внимания на чистоту и на соблюдение вежливости, часто слышны грубые выражения, ругаются из-за каждой мелочи. Необходима твердая рука для наведения порядка. Самые тихие ребята — Теер, телеграфист Полло и я. «Губернатор» также часто бывает тихим и задумчивым, из-за пустяков не скандалит. Если в России положение не поправится, может случиться, что некоторые из ребят в будущем от нас уйдут...

Большие затруднения с установлением связи. Это весьма случайная вещь и зависит от счастливого случая, так же, как и игра в покер, в который играют у нас каждый вечер. Только один вечер не играли, так как очень устали от езды на лыжах. Пять-шесть часов пройти на лыжах с полной выкладкой непривычному не так-то легко...

...Ночевали в лесу, в палатке, на 36-градусном морозе. Выехали в обеденный перерыв в обычном лыжном снаряжении — палатка и финский пакет («сиси»). Некоторые имели при себе шубы. Топтались около 2-х часов в рыхлом снегу толщиной в 1 метр, в непроходимом девственном лесу, — передние потели, а задние мерзли. Искали подходящее место. Пошла ругань. Петер, «спец» по этой части, обзывал всех свиньями, Вольт спорил с Петером, а Теер старался вразумить Вольта. Во всяком случае, 5—6 наших ребят на эту работу затратили в два раза больше времени, чем четыре финна. Между пнями мы устроили что-то наподобие палатки и даже развели грандиозный костер, который нас всех чуть не превратил в копченые окорока...

...Тревожит меня стрельба. У нас в помещении иногда происходит настоящий бой. Зачинщиком этого оказался Каур, ему последовал Таст, и теперь стрельба ведется каждый день. Мне кажется, что это добром не кончится, а, кроме всего, — завтра пятница и 13-е число. Будет подстрелен еще не один человек, но, как у нас принято говорить, «впоследствии выяснится»...

...Получил выстрел прямо в живот, в результате пряжка от пояса расколослась. 23 дырки в кишках, месячным отпуском я обеспечен. Веселое путешествие в Россию отпадает, зато нахожусь в Финляндии в больнице. После 3-часовой

операции я, будучи под влиянием наркоза, спросил у врача, достали ли пулю. «Вынули 4 штуки», — сказал врач. Я сказал: «Думал, что это от пистолета, но, выходит, что-то другое». — «Это и был пистолет», — сказал врач, объяснив, что пуля, ударившись о пряжку, разлетелась на кусочки, и пять осколков остались в животе...

На четвертый-пятый день начал оживать. Потом явился Таст с раной в руке. Пустынная рана, но человек стонал ночь напролет...

...Живу как в гостинице. Близкое знакомство с Антонеттой...

...Выпиваю. Предстоит возможность поездки на отдых...

2 августа — отъезд из Ваазена в СССР. Подготовка к прыжку. Пакеты и снаряжение в порядке. Пробный полет.

29 августа начинаем.

30 августа, в 23.30, вылетели, фронт перелетели на высоте 3500 метров.

...Наш хозяин летит с нами. Нас всего 7+7, семь парашютистов и семь ящиков с грузом на парашютах. Была прекрасная осенняя светлая ночь. Луна улыбалась нам подбадривающе, и Старик покачивал головой.

Летим на восток, навстречу солнцу и опасности. Одно мы любим, второе принимаем, как необходимый элемент жизни. Внизу бесконечная лесная панорама, одинокие деревушки, поля, дороги. И опять эта громадная пустыня. Уже свылись с шумом машины и разговариваем с Тастом, за нами сидят Петер и Бенс, в темноте видны их силуэты. Другие впереди, в кабине. Кажется, кроме Каура, никто не нервничает. Ста-

рик временами успокаивает его властным голо- сом. Ждем, когда покажется озеро Л., оттуда уже недалеко. Там уже будет изученная в тео- рии местность...

После двухчасового полета над облаками пилот дал сигнал быть готовыми для прыжка. Я схватился за автоматический замок парашюта. Пощупал в потемках, правильно ли закрепил. Все было в порядке.

Приготавливаем свои пакеты и ждем у откры- того люка. Холодно, ветер продувает жутко, внизу быстро движется ковром земля. Уже пе- релетели реку В. Вот сигнал: «Тин-тит-тин-тит...» Мне представилась возможность видеть, как ре- бята пропадают в воздухе. Потом наступила моя очередь. Момент, и я прыгнул в разинутую безд- ну. Воздух меня подхватил, самолет прожужжал надо мной. В ушах свистело, немного спустя по- чувствовал толчок — парашют раскрылся. Теперь я глазами искал спускавшихся приятелей. При- землились в мягкое и мокрое болото. Почувст- вовал сразу, что промок. Быстро встал и огля- делся вокруг. Оказалось, что я опустился у большого дерева, и парашют запутался в ветвях. Освободился от парашюта и начал ори- ентироваться. Тем временем самолет уже дел- лал новый заход. Я схватил лампу и включил свет...

Самолет сделал 7 кругов над нами, сбросил продукты и оружие. Откуда-то слышались вос- кликания и шум. Должно быть, мы приземли- лись недалеко от русского поселка. Я не пони- мал, в чем дело. Если русские заметили наше приземление — дело плохо. При помощи огней и условных звуков мы собрались в середине бо- лота и обсудили, что делать. Каждый из нас думал, что мы попались. Началось разыскивание ящиков, мы торопились добыть оружие и пита- ние, чтобы быть готовыми на всякий случай. К тому же, стало светать. Чтобы отыскать ящики, потратили много усилий. Раз провалился в тря-

сину. Нашли всего четыре ящика, остальные че- тыре не успели разыскать потому, что стало уже совсем светло. Теперь у нас несколько вещевых мешков и боеприпасы. Дело обстоит не так страшно. Очевидно, нас все же не заметили. Однако рано утром опять слышались голоса рус- ских.

Больше на открытое болото выходить нель- зя. Теперь ждем ночи, чтобы найти остальные ящики, а найти их мы должны, иначе их могут найти местные жители, и им будет понятно, что за самолет прилетал ночью. О первой группе ни слуху, ни духу, а ведь они должны были нас внизу принять. Очевидно, пилот сбросил нас не там, где надо: принял русские огни за сигналы. Но до сих пор все в порядке, аппарат работа- ет — утром в 09.00 часов была установлена связь с Центром. Если ночью найдем остальное снаряжение, тогда все в порядке, и можем на- чать действовать. Бенс 2 часа тому назад пошел в разведку и уже должен был бы вернуться. Чертовски холодно здесь. На мне 2 блузки, 2 фуфайки, 2 рубашки, но все-таки холодно, по- тому что земля уже настывшая. Надеемся, что бог нам поможет, и все будет хорошо. Времени 4.45, и скоро опять начнется страшная суеда в боло- те. К завтрашнему дню ящики должны быть в порядке, потому что мы здесь не можем долго оставаться. С высокой горы, прямо перед нами, время от времени доносятся восклицания и рус- ская речь. Смотрю на парабеллум, лежащий возле меня, и думаю, что это мой хороший друг. Да, на 400 км, в тыл врага еще никто не летал, думаю, что все кончится хорошо. Это моя первая заметка на вражеской территории. Место нахождения пока не знаю, по-видимому, где-то поблизости от того места, где нас хотели сбро- сить.

Начинается большое приключение не на жизнь, а на смерть. Как оно окончится — не знаю.

2.

Всю ночь телефон молчал, и дежурный рай- кома партии, дождавшись прихода на рабо- ту первого секретаря, собрался уже ухо- дить домой. Он раскрыл толстую тетрадь, слу- жившую журналом регистрации дежурств, сде- лал короткую запись:

«1 сентября 1942 года. Директиву об уско- рении сева озимых передав вечером во все сельсоветы. Особых сообщений с мест не по- ступало».

Это означало, что в районе не было никаких чрезвычайных происшествий. На полях без ава- рий работали тракторы, а по железной дороге бесперебойно шли составы с военной техникой и боеприпасами, с северным лесом и печорским углем.

И вдруг, часов около восьми, раздался те- лefonный звонок. Дежурный взял трубку. Да- лекий голос непрерывно повторял два слова:

— Коноша, райком!.. Коноша, райком!..

— Райком слушает!

— Говорит начальник лесопункта «16-й ки-

лометр» Кокарев. Сегодня ночью над лесом кружил большой самолет. Недалеко от избуш- ки, где живут рабочие, упали парашюты с каким-то грузом. Мы поставили возле них скрытую охрану. Что делать дальше — не знаем...

Из дальнейшего разговора выяснилось, что парашюты приземлились возле горящего кост- ра, вдали от деревень, на сенокосных угодьях, где в тот момент находились рабочие лесопун- та.

После короткого раздумья секретарь райко- ма Николай Александрович Германов, включив- шийся в разговор, приказал:

— Парашюты пока не трогайте. Продол- жайте вести скрытное наблюдение. Немедленно вышлем к вам людей для расследования. Одно- временно организуйте тщательную охрану всех ценностей лесопункта, в особенности электро- станции, механизмов, продовольственного скла- да, магазина и других объектов.

...Во дворе райисполкома выстроилась груп-

па людей. Начальник районного отдела НКВД М. А. Жигарев, кратко доложив обстановку, отдал приказ:

— Срочно получить оружие. Во главе со старшим оперуполномоченным Моисеевым вам поручается обследовать парашюты и ближайшую местность.

Во второй половине дня отряд прибыл на место. Рассыпавшись цепью, сотрудники отдела НКВД и бойцы истребительного батальона начали прочесывать лес.

Недалеко от лесной избушки удалось разыскать еще несколько парашютов и разбитых ящиков. Однако в самом начале операции нашими бойцами была допущена ошибка. Вскрыв ящики с оружием, они открыли огонь из немецких автоматов. Как впоследствии выяснилось, эти выстрелы помогли диверсантам скрыться.

Вечером в Архангельск ушло донесение:

«...в 20 километрах от Коноши оперативная группа выявила 13 вражеских парашютов, семь больших ящиков, наполовину освобожденных от груза. Есть основание полагать, что с самолета сброшена на длительный срок группа диверсантов. Ждем немедленной помощи».

А 1 сентября советская радиоразведка зафиксировала выход в эфир двух ранее неизвестных радиций. Опытные специалисты определили местонахождение этих передатчиков.

Радисты З. И. Шапенков, Л. А. Лукин и В. Д. Прошкин срочно прибыли в Коношский район. Однако на низкой болотистой местности, с изобилием «мертвых зон», радицы часто не прощивались. К тому же, после каждого выхода в эфир вражеские разведчики, физически хорошо подготовленные, делали стремительные бро-

ски на большие расстояния. И когда к месту, указанному радистами, стягивались поисковые группы, шпионов там уже и духу не было. И вновь радисты шарили в эфире...

Между тем, появились новые факты, свидетельствовавшие об активизации гитлеровской агентуры.

Подробная информация о событиях на Севере содержалась в письменном донесении, направленном Архангельским обкомом партии в Наркомат Внутренних дел СССР.

«В последнее время, — говорилось в этом донесении, — в четырех районах области противником сброшены парашютные группы для проведения шпионской и диверсионной работы... Наиболее значительной является группа, выброшенная в Коношском районе, по линии железной дороги Архангельск — Москва. В этом районе обнаружено 13 парашютов, 7 ящиков с продовольствием, боеприпасами, радицей и одеждой. Часть ящиков оказалась раскрытой и содержимое их унесено... Вчера в пять часов утра на участке железной дороги между разъездом Тимме и станцией Шелекса был произведен диверсионный акт. В результате взрыва сошел с рельс и стал поперек пути паровоз и четыре вагона, 5 вагонов загорелось. Огнем из автомата убит машинист М. А. Маклаков со станции Няндомы. Взрывом мины ранен один боец. Место вокруг аварии оказалось заминированным. Южнее взрыва в 10 километрах диверсанты убили стрелочницу и взорвали стрелку...»

С каждым часом становилось яснее, что в глубоком советском тылу появился опасный враг и надо было как можно быстрее ликвидировать его.

ИЗ ДНЕВНИКА НЕМЕЦКОГО РАЗВЕДЧИКА

...Так, теперь этот хомут начался. Пишу эти строки в далеком русском тылу, у одного почти что непроходимого болота, где нахожусь на страже и наблюдаю за болотом. Другие ребята отдыхают от ночной усталости.

Старик нам преподнес маленькое представление. Дело состоялось в следующем. Каур, Бенс и Петер пошли на разведку местности, мы остались. В 1—1,5 км от нас находилась русская деревня. Моя очередь была отдыхать, когда меня разбудил Старик криком: «Собаки!» Быстро собрали вещи и отошли на 400—500 метров дальше. С той стороны, откуда мы ушли, слышалось время от времени потрескивание сучьев и свист. Вскоре услышали и с другой стороны потрескивание. Хотели пойти посмотреть, но Старик не велел ничего предпринимать до темноты. Мерзли около часа и только когда стемнело — решили осмотреть местность. Через полчаса были и остальные на месте. Мы остались на ночлег там же. И так же, как и в предыдущую ночь, не явился самолет.

Рано утром я отошел по нужде в сторонку, и это было к нашему счастью. Иначе явно мы засыпались бы. Я пошел по дорожке, которая проходила с северной стороны болота и увидел, как группа людей (мужчин) двигалась в мою сторону. Я отвернул в сторону от дороги, лег за кочки и проследил за ними. Скоро прошли мимо меня вооруженные люди, у четверых оружие — русский полуавтомат и винтовки. За этими четверыми — кучка штатских людей, очевидно, местные жители. Сильно сжал в руках свое оружие и был ко всему готов, но они прошли мимо меня. Выждав, когда голоса были уже далеко, я начал осторожно пробираться по лесу к нашему лагерю. Скоро прибыл к ребятам весь в поту, те ничего еще не знали. Началась работа: спрятали все свои пакеты и замели следы. Эти чертовски большие ящики будут нашей гибелью. Оказывается, ночью, во время спуска, один ящик попал на делянку к косарям, потому там и был большой шум и крик. Теперь мы находимся в 4,5 км от того места, в густом лесу. До слуха доносятся пулеметные очереди, что каждый раз вызывает дрожь.

Двигаемся в неизвестном направлении. Страшно устали.

...Ура! Железная дорога найдена и наше местонахождение установлено. Начали продвигаться в восточном направлении с мешками по 25—30 кг каждый. Сравнительно большая тяжесть для путешествия со скоростью в 4—5 км в час. Двигались вперед через болота и леса, пока не вышли случайно на большую поляну, которую пересекала высокая железнодорожная насыпь.

...Все шагаем и шагаем. Издалека слышится лай собак, птицы летают по своим неведомым путям, и мы, блуждающие души, чего-то ищем в этой обширной России...

...Переменили расположение лагеря в направлении 015. Ознакомились с местностью, разведали находящийся впереди лес и большую просеку. Все в порядке. О другой группе нет

известий. Преследуют ли их? Ничего мы не знаем. Вечером передаем в Центр метеорологические данные. Так что понемногу выполняем задание. Ночью своими телами нагрели палатку. Нас настигла гроза, палатка выдержала воду хорошо.

...Пасмурное дождливое утро. Полло держит связь с Центром, остальные в палатке совещаются. Центр дал распоряжение двигаться в назначенное место, где обязательно должны встретиться с другой группой и от них получить задание.

Днем над нами пролетел самолет-разведчик. Начали 35-километровый поход через дремучий лес и болота, направление — 52°. Остановились на полянке в лесу, где разбирали карту, взяли новое направление — 46°, и пошли дальше. Тяжелая лесная дорога, люди все устали. На берегу реки Коноша увидели косарей. Около полудня, прячась, наблюдали за ними. Приблизительно 20 мужчин и женщин, все в темных ватниках. Потом Таст разделся и пошел первым разведать брод. Река, к счастью, не глубокая, пришлось снять только брюки. Счастливо перебрались все.

Настроение у ребят хорошее, только Петер сильно устал и пал духом, а за ним и Каур, потому что дорога и мешки тяжелые. Более натренированные люди выдержали. Поужинали, приготовили палатку. Ребята докуривают последние папиросы. Смотрю в небо, там мерцают звезды. Еще одна ночь в дремучих русских лесах и болотах. Прежде чем натянуть одеяло на голову, смотрю еще раз на небо и звезды. Это сверкающее небо никогда не забудется. Все тихо кругом, только жужжат комары. Посмотрим, что будет завтра.

...Ночь прошла спокойно, только один самолет пролетел утром. Дежурил два часа, закутавшись в одеяло и пристально вслушиваясь. Ничего не было слышно, кроме лесного шума. В половине седьмого разбудил Каура и сам лег на его место. Меня разбудили в 11 часов на завтрак. Был комбинированный вкусный шоколадный напиток. Связи с Центром Полло не добился.

Вокруг чудесный лес, на горе — развалившаяся постройка. Продолжаем поход. Часто попадаем на дорожки, вытопанные оленями, и не встречаем ни одной человеческой души. Просеки царского времени с завалами из деревьев.

Полло установил связь с Центром. Получена телеграмма о сброске продовольствия. Это около реки Коноша. Майор думает, что мы не переправились через реку и посылает провиант туда. Но река уже позади — на расстоянии 20 км. Ребята из второй группы еще долго не увидим, они далеко, ежедневно меняем свое местонахождение, так как ГПУ напало на их след. Бедным ребятам теперь забота. Благодаря бога, у нас все спокойно. Сейчас сидим и отдыхаем, и каждый рассказывает, как он прыгал.

Все ничего, вот только потеряли из виду озеро, по которому надо было ориентироваться. Каур и Бенс залезли на деревья, чтобы отыскать это озеро, но водного пространства нигде не видно. Погода довольно солнечная и теплая, осенний ветер шелестит листьями, временами осыпая ими нас. Петер совершенно изнемог и устал. Старик поправился, собирает кислую

бруснику и чернику — ягод здесь очень много. Сам я также сильно устал, при ходьбе с носу капает пот. По возвращении от меня, наверное, останется один скелет. Ноги у большинства ребят плохие, все потеряны, но у меня, Бенса и Каура — в порядке.

...Бенс ушел далеко вперед и выстрелил 2 раза из пистолета, чтобы мы знали, где он находится. Половину дня мы разыскивали озеро, но безрезультатно. Насквозь промокли. Прибыв в лагерь, стали сушить одежду. Я разделся догола и через некоторое время оделся во все сухое, теперь то же самое проделывает и Петер. Погода испортилась, целый день идет дождь. Если будет так продолжаться, то наше положение станет невыносимым. Самолет при такой погоде не сможет нам сбросить продукты. Сегодня у меня, а также и у других, не хватило продуктов. Надеемся, что завтра дождь перестанет, и прилетит самолет. Петер сожалеет, что нет поблизости деревни, пошел бы и нагребил там продовольствия. Сейчас в лагерь прибыл Бенс. Озера нет. Костер еще тлеет, и при его свете пишу. Полло держит связь с другой группой, она движется в нашем направлении. Голод. Иду к рюкзаку, беру последний кусок сыра и ем. Бог завтра нас спасет.

...Сплю в палатке, времени не знаю, слышу потрескивание костра и тихий разговор. Погода по-прежнему пасмурная, с деревьев капает, Бе-

резовые сучья подо мною мокрые, сквозь одежду пробивается холод, все на мне мокрое. Настроение у ребят еще хорошее, некоторые «нежности» были произнесены, но до резкости еще не дошли. Ребята рассматривают карту, чтобы определить местонахождение. Чертовски тяжело ходить опять в поисках озера, а тут еще забота о продуктах. Сварили последний свой гороховый суп. Если завтра доставят, тогда все в порядке, но если нет — будет тяжело.

В 16.45 с запада на восток пролетел самолет, сделал над нами круг и на знаки Бенса и Петра сбросил 7 ящиков, 4 из них мы нашли. Было много трудов, пока доставили их в лагерь. Теперь у нас продуктов достаточно.

...Сегодня будет сильная суета, потому что надо найти оставшиеся 3 ящика. В этих джунглях не найдешь того, что однажды потерял. Погода очень холодная, настоящая осень. Береза и другие лиственные деревья совершенно желтые. Над головой быстро несутся тучи. Можно принять их за снеговые. Другая группа движется в нашу сторону. Все в порядке. Настроение у ребят хорошее.

...Бенс залез на дерево посмотреть, нет ли где белых ящиков. Первая половина дня прошла хорошо, сидели у костра все грязные и закоптелые. Мечтаем о теплой бане. Каждое утро ребята в зеркало смотрят на свои бороды, Бенс слез с дерева — нового ничего нет.

...Наконец вышли к озеру. Маленькое лесное озеро, с болотистым берегом в сосновом лесу. На железной дороге видели 29 поездов в течение суток, все паровозы новейших образцов, некоторые выпуска 42 года. Поезда с военным грузом и живой силой, с хорошим вооружением. По железной дороге двигаются патрули.

...Немного отдохнем, и тогда опять — в опасную зону. Сейчас часть играет в карты, а другая готовит пищу. Ну, теперь ребятам и делов. Таст подстрелил по дороге сюда большого лося и принес много мяса, которое теперь жарят повсякому, также и сырое очень вкусное. Я ем в сыром виде с солью и очень вкусно. Сегодня здоровье неважное, с утра болит голова и не проходит. Холодно. Беспокоимся, что может выпасть снег, тогда будет скверно. Вчера шел

град и ночью было 1° мороза... Нос всегда мокрый от погоды. Вечером в палатке перед сном воздух очень скверный, закрывай скорее нос и — под одеяло.

...Ночь провели где-то в болоте. Больше мучались, чем спали. Если получим ревматизм, то это неудивительно. Утром следовали дальше без чаю, ночью опять 3—4° мороза. Земля оказалась замерзшей.

В 7 часов варим чай, чтобы согреться и раньше отправиться в поход. Ночью было холодно, на деревьях иней. Отдых, ребята разговаривают. Местность очень тяжелая. Болотистые леса, ноги проваливаются местами по колено. Люди устали, отдыхают. Падают легкие снежинки. Второй день уже на марше сквозь вечную глухую чащу. Надоело все.

4.

Коноша переживала тревожные дни. В райцентр срочно прибыл второй секретарь Архангельского обкома партии А. Г. Федоров. В райкоме партии собрались командиры истребительных батальонов, железнодорожной охраны, чекисты.

Сюда же было доставлено содержимое захваченных ящиков: рация, фотоаппараты, резиновая лодка, галеты, шоколад, сухой спирт, медикаменты, аппарат для подслушивания телефонных разговоров, три тысячи патронов...

— Хорошо помню, что наше особое внимание привлекла часть аэрофотокарты, — вспоминает Николай Александрович Германов, в то время первый секретарь Коношского райкома партии. — Бросались в глаза многочисленные пометки, сделанные красным карандашом. Четко выделялись озера, реки, линия железнодорожного полотна, здание вокзала. Карта охватывала территорию от озера Лача до Коноши и вдоль железной дороги. С учетом этой карты был разработан первоначальный план действия поисковых групп. После короткого совещания были отданы приказы:

«...Коношскому истребительному батальону, во главе с Высокковым прочесать лесные массивы 7, 8, 12 и 19 квадратов...

...Отряду рабочих лесопункта 16-го километра под командованием Кокарева прочесать 9 и 16 квадраты и выйти к реке Волошке...

...Усилить охрану железной дороги, мостов, станций и других важных объектов. Установить круглосуточное дежурство у телефонов...

...Ввести строгий режим и проверку пассажиров на железной дороге и во всех населенных пунктах, примыкающих к дороге...

...Привести в состояние боевой готовности истребительные батальоны в Вельском, Приозерном, Няндомском, Плесецеком, Онежском и Каргопольском районах...

...На перекрестках лесных просек, у лесных речушек поставить скрытые посты наблюдения...

...В местах возможного появления шпионов и диверсантов создать маршрутные группы, в состав которых включить опытных проводников из лесников, охотников и рыбаков...

...Усилить радиоразведку. Немедленно направить на места обнаружения раций нужное число бойцов. При появлении вражеских самолетов следить за их полетами и попытками оказать помощь диверсантам. На местах сброса грузов устраивать постоянные засады...

— Для организации совершенно новой для нас работы, — вспоминает М. П. Орлов, бывший второй секретарь Коношского райкома партии, — мы привлекли партийно-советский актив Коноши и всего района. В каждый сельсовет, во многие лесопункты мы направили специальных представителей. Активно включились в поиски коношские чекисты А. М. Червин, А. Смирнов, А. Еремин, Н. П. Серов, П. М. Моисеев, а также работники райкома партии и райисполкома. Они на местах подбирали людей, хорошо знающих окрестные леса. Тщательно отработались наилучшие способы обнаружения агентов, связи между группами. И сотни людей с винтовками, охотничьими ружьями, а иногда и безоружные, рискуя жизнью, вышли на поиски врага. Наряду с поисковыми были созданы группы содействия...

А вот что рассказывает один из участников операции Николай Васильевич Семин, ныне пенсионер, житель Вадынского сельсовета Коношского района:

— Меня, как местного жителя, уроженца Вады, послали в распоряжение штаба поисковой группы при Вадынском сельсовете. Вести поединок с вражескими разведчиками было очень трудно. Сносных дорог, считай, не было, связь между группами поддерживалась только при помощи нарочных. Мне поручили ежедневно обследовать все леса и пустыющие постройки на большой территории сельсовета. Под видом местного охотника я ходил по своим маршрутам с дробовиком. А маршруты были неблизкие — от 10 до 20 километров. Стояла уже осень. Дождь, слякоть, грязь. Все тропы залиты водой. И очень короткий день. А докладывать необходимо было ежедневно.

Еще один участник событий, бывший начальник Волошского лесопункта Иона Васильевич Кокарев, первым сообщивший в Коношу о высадке десанта, пишет:

«Получив задание сформировать отряд, я, после возвращения из райкома партии, отобрал сорок рабочих лесопункта и провел инструктаж. Вооружены мы были ружьями и пятью винтовками, которые были выданы коммунистам. В течение первого дня отряд прочесал лес вплоть до реки Коноши. Переночевав в шалашах, продолжили поиски. Мы полагали, что диверсанты сразу же двинулись в направлении железной дороги к станциям Фоминская или Коноша. Но ошиблись. То ли они сбились с пути, то ли сознательно путали следы, но вскоре были замечены в другой стороне, в районе Синцибино. Наш отряд в первый же день обнаружил в шалаше брошенные врагом батареи для рации. А в тот момент любая находка имела важное значение».

О вражеском десанте были осведомлены все, от мала до велика. Учителя предупредили об опасности школьников. Сотни пар внимательных глаз наблюдали за происходившим вокруг.

Уже вскоре в райком партии, в райотдел НКВД, командирам отдельных групп стали поступать самые различные сведения: в одном месте школьники нашли обрывки бумаги с иностранными буквами, в другом — следы свежего костра, в третьем — издали, через озеро, видели группу вооруженных людей. Все эти сообщения помогали вести поиск вражеских агентов.

Пребывание в русском лесу оказалось намного тяжелее и опаснее, чем представлялось гитлеровцам до вылета на задание. На каждом шагу непрошенных гостей подстерегала опасность.

Однажды на берегу реки Осиновка, около мельницы, они повстречали подростка лет пятнадцати. Это случилось так неожиданно, что гитлеровцы растерялись, но отступить было поздно, и Рибберг, владевший русским языком, вступил в разговор.

— Ты что здесь делаешь? — спросил он юношу.

— Ловлю рыбу. У меня в реке сетки заброшены.

— Ты хорошо знаешь эти места?

— Знаю.

Расспросив паренька о том, далеко ли от реки железная дорога и как лучше пройти к ней, Рибберг сказал:

— Мы выполняем спецзадание НКВД. Ты никому не говори о нашей встрече... Это большой секрет!

Едва они скрылись за деревьями, подросток поспешил домой. Это был Коля Соловьев из деревни Ануфриево Кивикского сельсовета. От его внимания не ускользнуло ничто: ни ломаный русский язык незнакомца, ни автоматы необычной формы. Прибыв в деревню, он разыскал председателя колхоза Ивана Васильевича Малышева, рассказал о встрече, показал папиросу и шоколад, которыми угостил его незнакомец. В штаб поисковой группы поступил еще один, очень важный сигнал.

В другом месте, возле деревни Карасово, гитлеровских разведчиков заметил школьник Коля Дианов. Глубокой ночью мальчик прибежал в сельсовет, чтобы сообщить об этом.

Но вражеские рации по-прежнему выходили в эфир...

5.

ИЗ ДНЕВНИКА НЕМЕЦКОГО РАЗВЕДЧИКА

Очень далеко слышны гудки паровозов. Чертовски холодно, во время писанья накрылся одеялом, иначе невозможно, дрожу. Двое пошли в разведку, ждем их возвращения, чтобы начать сооружать палатку. Сегодня опять шел снег.

В пути встретили большого оленя, но он, увидев, что перед ним люди, быстро скрылся. Большое животное, выше лошади, но немного короче. Бенс под моими ногами развел костер, теперь хорошо и приятно, большой недостаток в часах — мои испортились.

Миновали заросшую реку. Чертовски тяжело ребятам, ноги мокрые, мокрая земля — только болота. Местность для военных операций непригодная. Центр требует известий о железной дороге. Откуда этого добьешься, когда в день успеваешь делать только 7—8 километров.

...Ночью перебрались через реку К. на пароме, на котором русские перевозили сено. Продвигаемся теперь по краю большого болота в направлении, откуда слышен шум поездов, отсюда примерно 6—7 километров. Находимся почти у цели своего задания. Холодно, ноги мокрые, а также и сверху поливает, но это хорошо, потому что смывает следы. Залез на дерево, чтобы уточнить видимость поезда. Должно

быть, частое движение, потому что слышен бесперебойный шум впереди.

...Нашим ребятам повезло: сидим уже на железной дороге, которая следует с юга на север. Два человека, Каур и Петер, уже на посту. Пока пробирались через лес, от нашей одежды осталось только тряпье. В особенности у Петера, в каждом лагере он чинит одежду. Сейчас вижу, как Таст шьет себе блузу. Бенс делает то же самое, что и я. П. устраивает палатку. Дай бог, чтобы нам дали спокойно работать на месте, и тогда — скорее к дому. Ветер шелестит пожелтевшими листьями и засыпает ими нас. Ребята все приумолкли, только шепчутся, не разберешь даже слова. Полло осматривает карту и размышляет: сколько еще надо топтать по этой чертовской России. Половину уже миновали. Пальцы мерзнут. Натягиваю на себя покрепче одеяло и на этом сегодня заканчиваю.

...Направление 15°. Как можно осторожней пробирались через мокрый лес к железной дороге. Время от времени шум поезда и голоса дорожных рабочих указывали нам направление. Остановились около маленького кустарника, откуда была возможность вести наблюдение за железной дорогой. 2 поезда, следующие в обоих направлениях — с севера на юг и обратно, — уже записаны. Переменили место наблюдения, так как прямо перед нами остановился поезд и высадил женщин и детей. Выбрали более безопасное место. Сегодня опять начнется поход.

...Настроение более скверное, чем когда-либо ранее. Началось это так: от последнего лагеря двинулись с Тастом на 25°. У озера решили искать подходящее для нового лагеря и выброски продуктов место. Погода была хорошая. Настроение — оптимистическое. Расположение духа — веселое. Позднее все же установили, что мы ошиблись в определении местонахождения и что перед нами еще одна река. Она таинственно чернела в вечерних сумерках. Сквозь деревья виднелась луна. Нам ничего не оставалось, как снять рюкзаки и одежду и, держа их над головами, лезть в ледяную воду. И опять лес захватил нас, как голодная горилла, в свои черные объятия...

...Утром, с половины пятого, начался дождь, который продолжался до следующего утра.

Промокли насквозь, голодные, усталые. Все же нашли озеро. Маленькая хатка на берегу и пара паромов. Двинулись сразу же дальше — к другому озеру, но в пути передумали и повернули обратно, иначе мы не успели бы к вечеру вернуться обратно в лагерь. Железную дорогу обошли на 0,75 км. Вероятно нас заметили: в стороне озера слышались голоса, совсем поблизости, и с просеки Таст заметил всадника, мчавшегося вдоль дороги. Вечером нашли всех в лагере — наблюдение за железной дорогой уже не велось, так как стража там была удвоена: русские выставили новый патруль с собаками и еще один патруль ходит по рельсам. Мокрые, всю ночь дрожали в палатках, а рано утром — опять в путь. Ссоримся.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ЗАПУТАННАЯ БИОГРАФИЯ

Т. ЕФИМОВА

Это не статья о науке, хотя, наверное, нет более сложной, более запутанной, а значит и более интересной науки, чем климатология.

Это и не очерк об ученых, хотя трудно, наверное, найти более интересного героя даже для детективной повести, чем палеоклиматолог.

Это странички из записной книжки, сохранившие удивительные истории, рассказанные учеными о своей науке.

ТАЙНА ДЖАКЕНТА

Джакент был расположен когда-то в дельте Сыр-Дарьи. В XIII веке этот город посетил среднеазиатский ученый Джемаль Кариш и отметил: «Население занято земледелием, ремеслом и торговлей. Но есть и умственная жизнь...» Джемаль Кариш слушал в Джакенте лекции местного ученого, писавшего стихи по-арабски, по-персидски, по-турецки...

Но уже в XV веке город не упоминается в исторических документах. Это тем более странно, что военных столкновений, связанных с походами Тимура, здесь не произошло. Город был оставлен жителями неразрушенным. Даже время очень милостиво обошлось с ним. Археологи обнаружили хорошо сохранившиеся улицы, склепы с куполами, узорчатые оконные рамы, остатки гончарного завода...

Что же случилось с Джакентом? Потеряв надежду разгадать тайну этого города по археологическим находкам, ученые обратились к книгам и рукописям.

Внимательно еще раз прочитали книгу старейшего русского археолога Бартольда, который, хоть и не оставил своей гипотезы о причине гибели Джакента, но скрупулезно собрал археологические свидетельства его былого, блестящего по тем временам существования. Бартольд же сообщил и предание, оставшееся жить в народе. Правитель города Джанжархам отличался жестокостью и несправедливостью. За это он, якобы, был наказан змеями, изгнавшими все население из города.

Невероятно, но именно это предание послужило ключом к разгадке тайны Джакента. И разгадали ее уже не археологи, а климатологи. «Да, нашествие змей — не выдумка, — сделали они вывод, тщательно изучив все архивные документы, рукописи и топографию древнего города. — Город лежал на низменных участках дельты Сыр-Дарьи. С увеличением влажности уровень Аральского моря повышался, дельта Сыр-Дарьи при этом постепенно затопливалась, воды подходили к городу. И змеи в конце концов выгнали людей из домов».

МОРСКОЕ ЛЕГКОЕ

Был в античном мире полулегендарный географ и путешественник Пифей. Он оставил много своих заметок, которые впоследствии с упоением высмеивал знаменитый историк Древнего Рима Полибий.

Пифей (он жил в IV веке до нашей эры) рассказывает, что однажды, когда он плыл на корабле от Эльбы до полуострова Ютландия, между Данией и Скандинавским полуостровом путь им преградило «морское легкое». «Нет больше земли, моря или воздуха, а вместо них смесь всего этого, похожая на морское легкое, где земля, море и вообще все висит в воздухе, и эта масса служит как бы связью всего мира, по которой невозможно ни ходить пешком, ни плыть на корабле».

Две тысячи лет, вслед за Полибием, недоумевали по поводу этого рассказа историка. Что за морское легкое? И только современные климатологи поняли, что описал в своих записках знаменитый путешественник. Вот как объяснил поэтическую запись Пифея известный советский ученый профессор А. Шнитников: «В канун новой эры началось в северном полушарии нашей планеты сильное повышение влажности. Прекратилось на время общее потепление климата, льды стали спускаться с гор в долины, расплозились по морям. У выхода из Балтийского моря Пифея встретили туманы, никогда прежде невиданной им густоты. Остановившая корабль ледяная каша виднелась в разрывах этого тумана, проглядывали полузалитые приливом низкие берега... Пожалуй, «морское легкое» несколько необычное, но точное определение картины».

СЛЕДЫ ДОЖДЯ

Итак, по поэтическому свидетельству Пифея в канун новой эры с севера начали надвигаться льды. Начиналось оледенение. Но как это доказать? Как, и можно ли вообще ответить на такой вопрос: «В каком направлении дул ветер над Европой весной, в мае, четыреста миллионов лет назад?»

Или: «Какой была температура воды в древнем море Тесис?»

Как, в самом деле, измерить температуру воды, если это море Тесис перестало существовать миллионы лет назад?

На столе палеоклиматолога образец из древних осадочных пород. Один из слоев образца, как установили геологи, — глина. А в этой глине, очевидно, отложившейся весной, так как в ней палеоклиматолог нашел отпечатки цветов клена и орешника, довольно много окаменелых сломанных веточек. Откуда они взялись? Палеоклиматолог делает первый вывод: веточки сломал и бросил на землю ветер, гулявший по лесу миллионы лет назад.

Затем ученый берет тонкий срез окаменевшего песка и кладет его под микроскоп. Через объектив отчетливо видны какие-то рябинки, вмятины. Они не круглые, а овальные, углубляются в песок под небольшим углом. Следы дождя, который шел в один из дней палеозойской эры, четыреста миллионов лет назад!

И палеоклиматолог, оторвавшись от микроскопа, делает запись: «Ветер был северо-восточный, сильный, так как капли упали не отвесно, а под углом. Их отклонил ветер».

Шел дождь, дул ветер, но климат, приходит к выводу ученый, очевидно, был тогда засушливым: капли редкие, и падали они на красноватый песчаник. А эта горная порода характерна именно для засушливых пород...

ЛЕГЕНДА О САХАРЕ

В недоумение приводил историков не только Пифей своими рассказами о «морском легком». Сохранились записи древних римлян о войнах с Карфагеном, в которых рассказывается, что римские легионеры не раз пересекали на своих боевых колесницах богатейшую саванну, населенную жирафами, носорогами, антилопами, страусами. Эта саванна, цветущий зеленый край, по свидетельству древнеримских историков, была расположена в... Сахаре.

Ошибка? Разгадать эту тайну взялся археолог француз Анри Лот. Путь его экспедиции пролегал по маршрутам древнеримских легионов. И здесь, в самом центре раскаленной безжизненной пустыни, Анри Лот обнаружил наскальные рисунки, изображавшие и римские колесницы, и животных, упоминавшихся в рассказах легионеров. Более того, на древних фресках изображены люди: одни стреляют по дичи из лука, другие сражаются за обладание стадами или собираются в группы для участия в танцах. Одна из фресок — целая картина: люди в пирогах охотятся на трех гиппопотамов.

Открытие Анри Лота помогло палеоклиматологам расшифровать еще одну страничку в запутанной биографии нашей планеты. Оказывается, Сахара и в самом деле была некогда цветущим краем, но человек был изгнан оттуда солнцем, как были изгнаны начавшимся наводнением и нашествием змей жители Джакента.

МАГНОЛИИ В... АНТАРКТИДЕ

Сейчас эта удивительная биография описана учеными довольно подробно. Началась она в самую древнюю геологическую эпоху, которую геологи называют архейской эрой. Тогда наша планета была молода и пустынна, а жизнь пряталась в океанах — тонкие ниточки водорослей, простейшие животные...

Но что удивительно! По свидетельству ученых, климат в ту неимоверно далекую от нас эпоху был почти такой же, как теперь, разве что чуточку холоднее.

Следующая эра — палеозойская, которая началась примерно пятьсот миллионов лет назад, дала жизнь чудовищным рептилиям. Даже их названия звучат угрожающе: диетродон, параезавр...

У рептилий холодная кровь — они могли выжить только в оранжейном, влажном тепле каменноугольных лесов. Таким климат и был: теплым, влажным.

Но именно в палеозое началось и гигантское оледенение Земли. Ледники покрыли равнины современной Индии, оставили глубокие шрамы на скалах Южной Африки. Их следы не обнаружены только в Южной Америке и в... Антарктиде. В Антарктиде, этом ледяном континенте, цвели в это время магнолии.

Не менее удивительной была и следующая, мезозойская эра. В Арктике в мезозое росли пальмы, цвели магнолии, но на равнинах Европы и Северной Америки образовались огромные пустыни. Зато животный мир в лесах был сказочен: бродили, объедая верхушки деревьев, тридцатиметровые динозавры, ящеры птераноданы махали крыльями, не меньшими, чем у самолета «ПО-2», а с ветки на ветку, ловя насекомых, прыгали маленькие тупайи, — предки будущих обезьян.

ВИНОВАТ ОКУРОК?

Почему же климат менялся? Чем больше ученые узнают о «биографии» планеты, тем больше ответов на этот вопрос.

Более того, ледниковые эпохи, эти удивительные страницы биографии Земли, находят не только разные, но порой просто противоположные толкования. Так по Кроллу и Пильгриму появлению ледяных щитов благоприятствует суровая зима, а по Кеннену — мягкая. Фрез утверждает, что извержения вулканов являются причиной теплых периодов, а Хантингтон — холодных; по Дюбуа, оледенения вызываются ослаблением солнечной радиации, а по Симпсону — ее усилением...

Диапазон догадок, версий, гипотез огромен: от космических катастроф до... окурка, брошенного в лесах Сибири или Канады. Да, окурки! Окурки поджег лес. Тучи дыма разрастающегося пожара могли уменьшить поступление солнечной радиации на поверхность Земли, в том числе и на поверхность Полярного бассейна. Не получив должного тепла от Солнца, почва начала терять тепло, температура упала, а затем — замерзание, и наконец, через механизм самоохлаждения и произошло оледенение континента.

В 1912 году на Аляске «проснулся» дотолем никому, кроме географов, не известный вулкан Катмай. Ветер подхватил тучи вулканической пыли и понес их на восток. Через пятнадцать дней эти тучи затмили солнце над Европой. Вулканическая пыль летала над Землей два года. И в самом деле погода эти два года в Европе была более прохладной, чем обычно.

Ученые пытались по отложениям древних вулканических пород определить, в какие эпохи происходило больше извержений. Самые мощные пласты таких отложений относятся к концу палеозойской эры. А ведь именно тогда наступали ледники в Африке и Южной Америке. Значит в оледенениях виноваты все-таки вулканы?

О ЛУНЕ И СОЛНЦЕ

А может быть, дело в космических ритмах?

День — ночь. Зима — лето. Приливы — отливы. Это повседневное вмешательство космоса в нашу жизнь. Но есть и другие, более тонкие ритмы. Оказывается, взаимодействие трех космических тел — Солнца, Земли, Луны — может проявить себя не только в полусуточном приливном дыхании нашей планеты.

В течение месяца Земля со своим спутником и Солнце дважды оказываются примерно на одной линии. Такое положение тел астрономы именуют «сизигиями». Именно в сизигии наблюдаются самые большие приливы.

И дважды за месяц Солнце и Луна действуют на Землю под прямым углом — это моменты квадратур, во время которых гравитационное действие Солнца вычитается из лунного. В такие дни приливы в океанах бывают наименьшие.

Но и это не все. Еще у древних был выделен «сверхгод», период Сарос, равный 18,6 календарным годам. Через такой промежуток времени плоскости орбиты Луны вокруг Земли и Земли вокруг Солнца совпадают на некоторый срок, и на Земле происходит сразу несколько затмений, то есть полных сизигий, — приливы в это время особенно сильны.

Но и это еще не все. Раз в 1800—1900 лет Земля, Луна и Солнце входят в полосу «сверхсароса». В это время все три тела не только часто попадают в точное «сизигийное положение», но одновременно и Земля оказывается ближе к Солнцу, а Луна к Земле.

Вот тогда и приходит, возможно, время «страшных зим».

Механизм действия лунного и солнечного приливов на погоду и климат первым нащупал Ф. Нансен на своем знаменитом «Фраме». Обнаружил и правильно объяснил внутренние холодные волны в океане.

ПЛАВАЮЩИЕ МАТЕРИКИ

Итак, значит океан? Возможно. Во всяком случае, в последнее время ученые все чаще обращают к нему взгляд и мысль. Но до наших дней не умирает и первая гипотеза самого первого палеоклиматолога Роберта Гука: «Наклон земной оси был не всегда одинаков. Север не всегда оставался севером. Может быть, 200 миллионов лет назад земная ось имела совсем иной наклон, чем теперь. Северный полюс тогда находился, возможно, где-то на месте нынешней Индии...»

Как ни фантастична эта гипотеза, она увлекает многих ученых тем, что легко объясняет основную загадку: почему следы палеозойского оледенения находят почти на всех материках, в то время как в Арктике и Антарктиде росли тропические деревья?

Но тогда загадочным становится другое: какая сила меняет наклон оси, заставляя блуждать полюсы?

Немецкий ученый Альфред Вегенер в двадцатых годах нашего века выступил с другим предположением: не полюсы и экватор меняют свое положение, а сами материки «плавают, сходятся и расходятся словно корабли».

Оболочка Земли состоит из нескольких слоев. Под легкими и рыхлыми осадочными породами залегают граниты. Ниже располагаются базальты. Вегенер считал, что гранитные материки могут двигаться по базальтовому ложу, словно куски дерева в луже асфальта.

«А если это не так, — восклицал ученый, — то почему так удивительно сходны очертания Южной Америки и Африки? Почему выступающей в океан западной части Африки соответствует глубокая выемка Карибского моря? А Бразилия аккуратно уместается во впадину Гвинейского залива?..»

Вегенер заставил задуматься и палеонтологов, изучающих древний живой и растительный мир. На берегах Америки и Европы они находили в земле остатки одних и тех же животных: мамонтов, диких лошадей, мускусных быков. Как они могли перебраться через океан?

Зато все становилось понятно тем, кто поверил в гипотезу Вегенера: исполинская глыба суши, огромный материк Гондвана, окруженный со всех сторон Мировым океаном, когда-то раскололся на несколько отдельных кусков, со временем удалившихся друг от друга на громадные расстояния.

Самым бесспорным доказательством быди бы, конечно, точные геодезические измерения. Если материки плавают, то этот процесс должен продолжаться и дальше — не встали же они на якоря!

Но какой «аршин» перебросить через Атлантику, чтобы подметить столь ничтожные изменения — сантиметры в год?

Сам Вегенер доспорить не успел. В 1930 году он умер во время путешествия по ледникам Гренландии.

О БУДУЩЕМ

Для чего же ученые всех стран и многих поколений так настойчиво и самоотверженно ищут причины изменения климата Земли, странствуют по ледникам Антарктиды, прикипают к микроскопам, запускают в небо ракеты и спутники? Для того, чтобы когда-нибудь научиться климатом управлять: разогреть океаны, поворачивать течения, может быть, даже менять в нужном направлении положение земной оси...

Фантастично? Но ведь такие проекты уже существуют. И не в мыслях фантастов, а в чертежах инженеров. Многие из них, возможно, преждевременны, потому что далеко еще не все «темные места» в запутанной биографии климата стали ясны ученым. А управлять ими вслепую, наугад — невозможно.

Пока нет в руках ученых уравнения, которое свело бы обилие фактов к единой математической формуле. И все-таки учение о климате нашей планеты уже начало обретать черты строгой науки со своими законами. А это значит, что недалек тот день, когда ученые научатся климат Земли не только разгадывать и предугадывать, но и рассчитывать, как рассчитывают сейчас инженеры любую сложную машину.

**АЗЪ
ВУКИ
ВЪДИ**

ОТЧЕГО

«ЗАПЛЕТЫК ЯЗЫКАЕТСЯ»

жатоум? «Вагоноуважаемый глубоководный! Во что бы то ни стало, мне надо выходить. Нельзя ли у трамвала вокзай остановить?».

У таких обмолвок — две причины: спешка при разговоре и невнимательное отношение к своей речи. Есть анекдот о начинающем актере, который, имея роль лишь в два слова: «Там труп!», от растерянности на сцене выпалил: «Трам пуп!» Но надо отметить, впрочем, что искажения слов чаще всего допускают люди малограмотные, с небольшим словарным запасом.

Ученые делят звуковые изменения на несколько разрядов, в зависимости от их характера.

Во-первых, это приспособление одних звуков к другим, гласных к согласным. Попробуйте произнести два слова: **воля** и **Оля**. В первом из них **о** имеет чуть заметный оттенок **у**, которого нет во втором слове. Почему это происходит? Звук **о** приспособляется к **в**, произносимому с помощью нижней губы и верхних зубов; когда вслед за **в** произносим **о**, губы несколько более продвигаются вперед и округляются, как при **у**. В некоторых говорах так и произносят: **вуоля**, **вуот** и так далее.

Вследствие приспособления согласных к гласным произносим **кричишь** вместо **крикись**, **можешь** вместо **могешь**.

Когда мы говорим, наша речь стремится поспевать за мыслью, но это ей не всегда удается. Наш «речевой аппарат» несколько ленив, нерасторопен. От этого происходят разного рода обмолвки, замены одного звука или целого слога другим, «глотание» окончаний слов. Например, при беглом обращении вместо «Анна Ивановна» слышится: «Анныванна!». Вместо «здравствуйте» — «здрасьте!» А помните, как у С. Я. Маршака обращается человек рассеянный к вагоново-

ПОЭТ КОМИ

В июле 1969 года в Сыктывкаре открылся литературно-мемориальный музей первого коми поэта — Ивана Алексеевича Куратова.

Начинается музей с хроники. Зырянская летопись 1839 года повествует: «...Возвратился в Москву после 3-летней ссылки в г. Усть-Сысольске Н. И. Надеждин — бывший редактор журнала «Телескоп». Он первым открыл «волшебную, очаровательную прелесть» народной поэзии зырян. «Какая красота! Какая живость!.. В зырянской поэзии соединяется и восточная антифония, и классический ритм, и романтическая рифма!» — с восторгом пишет он в статье «Народная поэзия зырян», напечатанной в альманахе «Утренняя заря». Но тщетны были его попытки найти произведение оригинального творчества. «Ужели же ничего нет на родном зырянском языке, который так сладкозвучен, так богат, так живописен?» — с сожалением вопрошал Надеждин.

Но именно в 1839 году в одном из глухих уголков края — в селе Кибре (ныне Куратово) — родился первый поэт Коми Иван Алексеевич Куратов. Небольшой интерьер в музее рассказывает о его детстве. Здесь светец, скамейка, деревянная посуда. В рукописях поэта сохранилась автобио-

¹ А. И. Гугов — псевдоним И. А. Куратова

И. А. Куратов (1839—1875 гг.)

графическая заметка: «А. И. Гугов¹ начал писать с 13 лет, т. е. тогда, когда с трудом еще мог славать простейшие уроки на русском языке, но он

Вс-вторых, взаимодействие звуков одного типа — или только согласных, или только гласных. Такова ассимиляция, или уподобление. Мы пишем **лодка**, а произносим **лотка**. **Д** потеряло звонкость, уподобилось глухому **к**. Ассимиляция здесь не полная, а частичная. Бывает и полная: сравним слова **шить** и **изжить**. Мы их произносим, как **шшить**, **ижжить**. С полностью уподобилось **ш**, а **з** перешло в **ж**.

Процесс, противоположный ассимиляции, называется диссимиляцией, или расподоблением: звуки одинаковые становятся различными. Например, слово **февраль** должно бы звучать **феврарь**, так как восходит к латинскому **февруариус**; точно так же из **вельблюд** получилось **верблюд**. В говорах вместо **прорубь** говорят **пролубь**, вместо **бомба** — **бонба**, вместо **трамвай** — **транвай**, вместо **коридор** — **колидор**, вместо **кто** — **хто**. Есть также **дилехтор**, **дохтор** и **секлетарь**.

Все это случаи диссимиляции, которая чаще распространена в живых народных говорах и в просторечии.

Существуют и другие изменения. Таковы, например, перестановки, или метатезы: вместо **бухгалтер** произносят **булгактер**, вместо **ларек** — **ралек**, вместо **медведь** — **ведьмедь**. Известны также вставки и добавки звуков. Если звук добавляется к началу слова, это называется протезой, например: «**Я** ишла, ишла...» «Здравствуйте, **Софья Ильвовна!**» Сравним также **аржаной** и **ржаной**, **артуть** и **ртуть**. Так говорят в диалектах. Но и в литературном языке тоже есть протезы: русское **иголка**, а украинское — **голка**; русское **играть**, а украинское **грати**, белорусское **граць**. Если звук вставляется в середину слова, то это называется эпентезой. Так в глаголе **терпеть** (**терпим**, **терпишь**) вдруг появляется — **терплю!** Откуда здесь л? Это вставка, вместо исчезнувшего звука

йот. В древности было **терпйон**, затем стало — **терплю**. Точно так же — **люблю**, **ловлю**, **ломлю**, **графлю**. В просторечии говорят **идрав** вместо **нрав**, **здря** вместо **зря**, **какаво** вместо **какао**, **радиво** вместо **радио**. Иногда звуки не добавляются, а, наоборот, исчезают. Вместо **солнце** мы произносим **сонце**, вместо **капустный** — **капусный**. Это дизереза или выкидка, выброс звука. Иногда выкидываются целые слоги, например, из **знаменосец** получилось **знаменосец**, **табакокур** получилось **табакур**, вместо **минералогия** получилась **минералогия**. Такое явление называется гаплогогия, упрощение. Кстати, сам этот термин не выдерживает критики: должно быть **гаплогогия**. Забавно, но это так.

Все эти изменения совершаются бессознательно, не контролируются нашей волей. Они не регулярны, не повторяются в других словах. Так, человек произносящий вместо **про-**

писал по-зырянски, чтобы... не подвели его под розги, вычитавши воспеваемую им любовь».

Здесь же стихи поэта — воспоминания о тяжёлом детстве:

Март на улице ненастный.
Я иду дрожа, несчастный,
в школу босиком.
А вернувшись в дом,
с голодухи пропадая,
хлеба нет — слюну глотаю.

В экспозиции — аттестат Ивана Куратова, окончившего Вологодскую духовную семинарию (он был сыном дьякона) «при способностях очень хороших и прилежании очень ревностном».

В «семинарских тетрадах» мы слышим голос Куратова-аттестата:

Если из меня
не получится поэт,
пусть не будет и пономарь,
зачно брешущий и ярый.

На одной из страниц тетради — заключительная строфа из пушкинского «Памятника». Рядом нарисовано солнце, а ниже — перевод на язык коми «Утопленника» Пушкина. Делал он переводы из Жуковского, Крылова, Лермонтова, Кольцова, Шиллера, Гете, Гейне, Горация, Бернса, Беранже.

В музее хранится прошение Куратова на имя ректора семинарии о выезде в Москву держать экзамены в Московскую духовную академию. Но академического курса Иван Алексеевич не закончил из-за возникших в начале 60-х годов волнений в высших учебных заведениях. Товарищи помогли деньгами. Он возвратился в Усть-

Сысольск (ныне Сыктывкар) и поступил учителем духовного приходского училища на грошовое жалованье.

В интерьерах рабочей комнаты поэта — мебель середины 19 века. Здесь же — его книги, фотографии родственников, часы, принадлежавшие брату. И опять архивные документы. Вот Аттестация начальства, в которой дается неудовлетворительная оценка работы учителя Куратова. Да иначе и быть не могло. «Заходил я в школу, — писал Куратов, — и находил там любознательных школьников. Говорил: «Ищите — найдете!» Я не мог быть сумасшедшим, чтобы учить их по старому». В тетрадях поэта — страстные политические стихи. В них мятежный протест против зла, насилия и вера в будущее. И отдельные мысли: «Человек родится на свет свободным. Природа не предстает раба, только человеку удается эта мерзость».

Близость И. А. Куратова к простому народу, дружба с политическими ссыльными поляками Журавским, Оскерко, его резкие политические стихи «Тьма», «Самсон», «Сны» и другие, стремление пропагандировать передовые идеи в педагогической деятельности насторожили усть-сысольское чиновничество. Поэт прослыл опасным вольнодумцем. Смотритель духовного училища протоиерей Кокшаров в конце 1864 года пишет доклад в святейший синод. Из синода пришел ответ:

«Апреля 15 дня 1866 г.

Докладывано.

Предписание Правления Московской Духовной Академии от 8 апреля 1866 г. за № 54, коим вследствие определения святейшего Правительст-

рубь — пролубь, в то же время говорит **прорубить**, а не **пролубить**, так как он осознает связь его с глаголом **рубить**. Они не приводят к появлению новых звуков в языке, а только «перетасовывают» наличный звуковой состав, как колоду карт, и затемняют морфологический состав слова. Если бы в литературном языке закрепилось слово **пролубь**, трудно было бы найти его корень и связать с другими словами. Словом, комбинаторные изменения — это «вредитель» для истории языка.

Совсем иной характер носят изменения спонтанные или произвольные. Именно они приводят к созданию новых звуковых единиц. Как и комбинаторные изменения, они бессознательны и происходят при передаче речи от одного поколения к другому. Когда ребенок учится говорить, он стремится произносить слова точно так же, как их произносят взрослые. Но в результате несовершенства нашего слуха и органов речи каждое новое поколе-

ние говорит немножко не так, как отцы и деды. Полной точности не получается. Незаметные, неуловимые слухом отклонения со временем разрастаются и на месте одних звуков возникают другие.

Так, был когда-то в русском языке звук **о носовое**, как бы **о** с призвуком **н**: слово **рука** произносили **ронка**, **пуд** — **пюнд**. Постепенно этот звук потерял носовой характер и несколько сузился, превратившись в **у**: теперь мы вместо **онгъль** произносим **угол**, вместо **водон** — **воду**, вместо **ронка** — **рука**. При этом изменение происходило регулярно, — в каждом слове, в котором встречался этот звук: **зонб** стал **зубом**, **пюнь** — **путем**, **онтка** — **уткой**. Такая регулярность — великая находка для историков языка.

На основании спонтанных изменений формулируются звуковые законы, отражающие прошлое состояние языка.

Образцом живого, действующего фонетического закона является закон перехода **е в о**.

Он осуществляется после мягкого согласного, перед твердым, под ударением. Например: **весна**, но **вёсны**, **село**, но **сёла**. Значит, закон ограничен условиями своего действия. Если какое-либо условие отсутствует, закон не действует. Так, в слове **весна** ударение на **а**, а не на **е**; значит, это **е** не переходит в **о**. А в слове **вёсны** ударение на **е**, значит, оно переходит в **о**. Недаром говорят, что буква **ё** всегда ударная.

Звуковой закон имеет твердые рамки условий. Он ограничен также рамками времени и местом распространения, так как осуществляется не на всей территории, занятой русским языком. Есть говоры, где вместо **котёнок** говорят **котенок**, вместо **шёл** — **шел**. Благодаря своей исторической ограниченности каждый звуковой закон — это историческая веха, памятный столб истории.

В. ЖИТНИКОВ

вующего Синода от 9 минувшего марта, предписывается Семинарскому Правлению учителей Усть-Сысольского Духовного приходского училища Куратова и Попова отдать под особый надзор местного смотрителя с тем, чтобы он доносил обо пополуодному Семинарскому Правлению».

К следственному делу о ссыльных поляках приобщена короткая записка: «Полицейскому надзирателю г. Усть-Сысольска. Представленные Вами при регистре от 2 июня, № 391, деньги 6 коп.—мировые пошлины, взысканные с дьячка Александра Павлушкова по делу о буйных поступках учителя Куратова в полицейском управлении получены, и на приход по книге суммы, казне принадлежащие, в статье № 522 записаны. Исправник Кульчинский».

Само «Дело о буйных поступках учителя Куратова» в архиве найти не удалось, но упомянутая выше записка свидетельствует о том, что дьяк Павлушков сделал донос на И. А. Куратова в полицию, и вызванный для допроса учитель не удержался от резкостей по поводу несправедливого отношения местных властей и полицейских чинов к политическим ссыльным.

Обстановка слежки и преследования становится для поэта невыносимой.

Земля, носящая меня,
мне тяжела, как будто я
ее ношу на слабых плечах,—

пишет он в стихотворении «Опять в душе моей темно».

Иван Алексеевич был вынужден уехать из Усть-Сысольска. В это время шел набор в школы полковых аудиторов¹. И. А. Куратов подает прошение на имя епископа. Правление Вологодской духовной семинарии вынесло решение освободить его от должности учителя. 11 июля 1865 года последовал приказ о назначении И. А. Куратова на службу «в штаб Казанского военного округа для приготовления его в аудиторы».

В 1866 году он получил назначение на службу в 7-й Западно-Сибирский линейный батальон в Семипалатинске. А через год его перевели в 10-й Туркестанский линейный батальон при штабе войск Семиреченской области в городе Верный (ныне Алма-Ата). В 1871 году Куратова направили в Семиреченское областное управление, где он исполнял обязанности то письмоводителя суда, то судьи, то младшего чиновника по особым поручениям.

Когда к Семиреченской области была присоединена территория по реке Или-Кульджа, Иван Алексеевич в канцелярии губернатора по кульджинским делам стал исполнять обязанности помощника начальника 1-го участка Кульджинского района. Ему приходилось вести расследование сложных и запутанных дел, регулировать взаимоотношения между различными народностями, населявшими этот край.

В недоконченном письме к брату Куратов сообщал: «Во время командировки в Кульджу, назад тому года три, я простудился, и с тех пор лихорадка изнурила меня, действуя летом и зимою. Следствием столь продолжительной лихорадки была чахотка. Не по своей воле человек начинает жить и умереть должен по неволе. А между тем как я устал жить».

¹ Аудитор — чиновник для военного судопроизводства: прокурор, следователь.

В музее первого поэта Коми.

Умер поэт 30 ноября 1875 года в Верном (Алма-Ата) в возрасте 36 лет. «Туркестанские ведомости» писали: «С ранней молодости... Куратов посвятил себя служению своему родному народу. В каждой строке заметок покойного проглядывает необыкновенная привязанность его к зырянскому племени... За несколько месяцев до смерти Иван Алексеевич собирался испросить разрешение у главного начальника края на отпечатание в местной типографии зырянской грамматики, и только поход в Коканд и усилившиеся страдания помешали Ивану Алексеевичу осуществить задуманное намерение».

В лице Ивана Алексеевича наша местная администрация лишилась способного, неуспяного и честного деятеля, а общество — истинного гражданина».

И. А. Куратов проявлял большой научный интерес к лингвистике. Еще в 1865—1866 годах на страницах газеты «Вологодские губернские ведомости» печатались его статьи «Зырянский язык». В них встречаются имена крупных исследователей угро-финских языков: Шегрена, Кастрена, Видемана. Знаком Иван Алексеевич был и с трудами основоположника сравнительно-исторического языкознания Гумбольдта.

Сохранились наброски его работ по другим угро-финским языкам: удмуртскому, марийскому, чувашскому. Куратов намеревался написать их грамматику.

«Когда есть народ, то ему нужно образование, познания же можно передать ему через его же язык», — писал он.

И. А. Куратов первый запел на языке коми, первый поднял свой голос в защиту интересов бесправного зырянского народа. Но песни его так и не увидели света при жизни самого поэта. Только пять его стихотворений были напечатаны в газете «Вологодские губернские ведомости» в 1866 году без имени автора, как народные. Полстолетия пролежали его произведения, не известные никому. И лишь в 1923 году рукописи Куратова были найдены в селе Визинге на чердаке дома, принадлежавшего священнику — племяннику поэта.

Т. ШЕРОМОВА,
сотрудник музея

ТЕМ, КТО СОБИРАЕТСЯ В ПУТЬ

Родная природа... Забота о ней, о разумном, хозяйском использовании наших естественных богатств, беспокойство о том, что мы оставим после себя на Земле будущим поколениям, все более входит в сознание каждого советского человека. Директивы XXIV съезда КПСС предусматривают:

«Обеспечить в новом пятилетии: ...разработку научных основ охраны и преобразования природы в целях улучшения естественной среды, окружающей человека, и лучшего использования природных ресурсов».

Операция «Ч», проведенная нашими читателями в 1969—1970 годах, — скромный, но важный вклад в это общее дело.

В этом году операция «Ч» продолжается. Наши читатели уже знают (см. журнал № 2 за этот год), что коллегия Министерства мелиорации и водного хозяйства РСФСР, одоблив почин «Уральского следопыта», просила продолжить операцию и в этом году. Результаты предыдущих лет показали ее полезность делу охраны природы в бассейне реки Чусовой. Река стала чище, многие беды ее устранены, многие — на пути к устранению. Но утешаться рано — до полной победы еще далеко, и нужна неослабная помощь и забота общественности, чтобы добиться ее.

Это поняли и наши активисты — участники операции. Еще не зная о решении продолжать операцию, они сами стали готовиться к походам нынешним летом. От верховьев Чусовой до устья реки Ревды, а затем вверх по ней собирается проплыть на лодках следопытский отряд Полдневской средней школы. Юные следопыты школ Свердловска и общества «Глобус» готовятся к походу по крупным

притокам Чусовой — Межевой Утке и Серебрянке. Активизируются комсомольские посты охраны природы на предприятиях Причусовья. У некоторых отрядов уже намечена четкая программа действий, и они готовятся к ее выполнению, а другие горят желанием отправиться в поход, но не знают, что делать в походе, какие задачи ставить перед собой, и запрашивают об этом штаб операции.

Задачи остаются прежними:

выявить состояние реки Чусовой и ее притоков (русла и берегов);

оказать помощь реке в ее бедах, чем можно, на месте.

Опишите в дневнике похода подробно состояние реки и берегов на каждом километре — какова чистота воды¹, каково дно, есть ли бревна-топляки, захламлены или нет берега. Если встретился памятник природы — величественный и красивый утес, например, то опишите его состояние, установите, не разрушается ли он кем-нибудь.

Подошли к деревне, поселку, осмотрите — не сбрасывают ли в реку хозяйственные и бытовые стоки и мусор фермы, гаражи, мелкие предприятия;

расспросите жителей — есть ли в реке рыба (какая), кто и когда портит реку неочищенными стоками, молевым сплавом, рубит прибрежные леса, разрушает камни-бойцы;

побеседуйте с молодежью села, объясните ей задачи охраны бассейна Чусовой, узнайте — как заботятся о реке школа, комсомольская организация, постарайтесь создать здесь постоянный пост охра-

¹ Практика показала, что пробы воды брать не надо — чтобы сделать это по всем правилам, требуется много хлопот. Этим займутся специальные отряды.

ны реки из молодежи и местных природолюбив.

Ну, и все остальное, что вам подскажут обстоятельства на месте, может быть, где-то придется сразу принимать решительные меры — сообщить местным Советам и организациям Общества охраны природы о безобразиях, которые вы заметили.

И — не забудьте! — шлите, не задерживая, отчеты о походе в штаб операции при «Уральском следопыте». В прошлом году некоторые отряды так и не прислали свои материалы, и те беды, которые можно было устранить, так и остались известными только самим участникам похода и цели не достигли.

И еще об одном хочется сказать всем «болеельщикам» операции «Ч». Наш юный читатель Гера Степанов из поселка, расположенного на берегу реки Тавды, пишет нам: *«Я тоже хотел бы принять участие в операции «Ч». Но жаль, что я жи-*

ву далеко от Чусовой — трудно да и дорого добираться туда. Вот если бы объявили операцию «Т», чтобы проявить заботу о нашей реке Тавде (она тоже терпит много бед), то мы с товарищами приняли бы в ней самое горячее участие...»

А при чем тут, собственно говоря, буква Ч? Давайте условимся. Пусть буква Ч относится не только к Чусовой. Операцию «Ч» можно ведь считать также и операцией «Чистота» всех рек Урала, а все мы можем считать себя Часовыми Чистоты.

И если Гера Степанов с товарищами встанут на борьбу за чистоту родной реки Тавды, они также внесут свою долю усилий в наше общее государственное дело.

В добрый путь, следопыты! Желаем успеха!

ШТАБ ОПЕРАЦИИ «Ч»

Гравюра Е. Вагина

РЕКА ЧУСОВАЯ.
СТОЛБЫ.

ЖИЗНЬ НА ТЕРРИТОРИИ ТАЙГА

ТЫРГАН, ЖАРКИ, КОНДОР

Человек, видно, так устроен, что всю жизнь помнит детство. Вот я, брат Паша и его приятель — соседский Федя — пробираемся еле заметной тропинкой на пасеку к деду Панкрату, которого за глаза называют «челдоном». Стеной стоит вековой лес. Тайга не любит праздных людей, и мы это хорошо знаем, несмотря на свою молодость. Идешь в тайгу на день, бери продуктов на неделю.

К походу готовились солидно: в котомке за плечами хлеб, соль, несколько луковиц, котелок, спички. В руках удилища с толстой прочной леской, свитой из конского волоса специально для ловли хариуса, водящегося в холодных и быстрых ручьях недалеко от пасеки. На поясе у меня в брезентовом чехле заржавленный японский штык.

Федина мать долго не хотела отпускать своего сына с нами в такую дадь, да еще с ночевкой. Но под конец согласилась. Раздобрившись, накормила нас творожными шаньгами и пирожками с молотой черемухой и завернула в чистую холстину гостинцы для дедушки Панкрата.

Дорога сначала шла по открытому месту, и только на подходе к Тыргану — возвышенности, покрытой лесом, тянущейся на многие километры к Ново-Кузнецку, мы вступили в таинственный полумрак больших деревьев, где шорох наших шагов тонул в плотной, как ковер, хвойной подстилке.

Стараясь не сбиться с пути, придерживаемся тропинки. Идем ходко, через несколько часов лес начал расступаться, и мы вышли на большую поляну, покрытую крупными, напоминающими тюльпаны, оранжевыми цветами купальницы. Этот сибирский цветок любим в народе и имеет много других нежных названий — огонек, искорка, пламенница, жарок.

Как лесной пожар перекинулось пламя жарков на соседние поляны, потом перемахнуло речушку, взобралось на косогор, а там дальше, набрав неумную силу, пошло гулять по всей бескрайней тайге. Старые замшелые деревья словно отступают перед буйным цветением купальницы.

Суровая тайга, пробудившись от долгой зимней спячки, преобразается, цветет, звенит, полнится пением птиц.

Приближение пасеки мы почувствовали по едкому дыму. И правда, вскоре среди деревьев разглядели площадку, заставленную пчелиными домиками.

Дедушка Панкрат — высокий, жилистый, в легком домотканом рыжего цвета зипуне с полукруглым воротом, — стоя к нам боком, раздувал дымарь.

Увидев нас, он не торопясь отставил дымарь в сторону, приподнял с лица сетку из конского волоса и подошел к нам.

Мы с ним несмело и вразнобой поздоровались. Уж больно с виду был суров и могуч старик.

— Чо, паря, поди устали? — пророкотал он раскатистым голосом.

И это «чо» можно было принять как приветствие и как одобрение, что мы пришли его попроведать. В деревне он никого не звал по имени и ко всем обращался — «паря». Это мы тоже знали.

— Нет, дедушка, не устали, — в один голос ответили мы.

— Ну, коли не устали, то молодцы. Сейчас попьем чайку и пойдем на перекаты. Нынче рыба хорошо клюет.

В небольшом домике с маленьким оконцем стоял до блеска выскобленный стол, широкая лавка и нары, покрытые овчинами. По стенам развешаны пучки душистых трав, от запаха их с непривычки начинает щекотать в носу.

Дедушка Панкрат, продолжая разговаривать, расшевелил тлеющие в печурке угли и положил на них сухую растопку. Вскоре закопченный железный чайник уже сердито бурлил.

Пили чай, настоенный на душистых травах, с сотовым медом и принесенными гостинцами.

За столом Федя поинтересовался, где же щенок Колчак (распространенная в наших местах кличка собак в честь незадачливого белого адмирала, принесшего много горя и страданий), почему нас не встретил?

— Эх, паря, Колчака больше нет, — вздохнув, сказал дед.

И рассказал, как на прошлой неделе около пасеки стали появляться два огромных беркута-кондора. Покружат над поляной и опять улетят куда-то.

Колчак их невзлюбил сразу и всегда встречал громким лаем.

— Мне бы, старому, нужно было догадаться и привязать собаку, а я этого не сделал. Вот и поплатился.

В тот роковой для Колчака день кондор опустился на прошлогодний стожок сена посреди поляны, отвлекая собаку на себя. Колчак с остервенением бросился облаивать нахальную птицу. А в это время откуда-то сверху упал другой крылатый разбойник и вцепился железными когтями в загривок щенка.

Услышав жалобный визг, дедушка бросился в дом за ружьем, но было уже поздно. Кондор успел набрать высоту. Так и утащили «разбойники» собачонку...

Клев рыбы в тот вечер и на утренней заре был хороший, и мы вернулись с богатой добычей...

Много времени прошло с тех пор, но стоит только произнести слова: Тырган, жарки, кондор — и явятся живые картины той таежной весны.

НЕОЖИДАННАЯ СОПЕРНИЦА

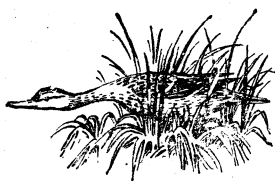
Шорох. Я замер. Между кочками, покрытыми бурой прошлогодней осокой, что-то ползет, извиваясь, как уж. Длинная шея высунулась из-за кочки...

Утка, вот это кто. Кряква. И хитрущая же. Ну, меня не проведешь. Ползет, а где-нибудь в сторонке вспорхнет и улетит. Значит, от гнезда отводит, оно где-то близко.

Не двигаясь, я осмотрелся. Так и есть.

Рядом, на небольшой кочке, в углублении гнездо, заботли-

во высланное пером. В нем малоприметные, утонувшие в мягком и теплом пуху голубоватые яйца — целых двенадцать штук. Не прикоснувшись к ним, я отошел в сторону. Тронешь — утка может бросить яйца.

Над небольшим, с пологими берегами озером нависла прозрачная дымка, от нагретой солнцем пашни струится легкий пар. Зима была затяжная, холодная, и теперь все живое радовалось наступившему теплу. Высоко в небе неумолчно звенели жаворонки, будто опасались, что если затихнут хоть на минуту, опять вернутся холода.

Я заметил: утка отползла на некоторое расстояние, решила, должно быть, что ловко меня обманула, вспорхнула и опустилась на воду тут же, недалеко от меня. Очень хотелось мне сфотографировать ее на гнезде.

В то время никаких телеобъективов не было, к объекту съемки нужно было подходить близко, а это не просто. Пробую отойти, словно не заметил гнезда. Удалось. Утка еще поплавала, успокоилась. Вот летит, ближе... Села, осмотрелась, незваный гость ушел. А я стал со всеми предосторожностями опять подходить. Место было открытое, и последние два десятка шагов я чуть дыша полз на животе, останавливаясь и замирая. Удача. Утка и не смотрит в мою сторону. Я осмелел, приподнял голову и... обомлел — в осоке чуть шевелится что-то рыжее: кумушка-лиса! И охотимся мы с ней за одной дичью. Она тоже ползет к моей утке, с другой стороны, да так увлеклась, что меня не замечает.

Ползет бесшумно, морду между передними лапами держит, желтые с узким зрачком глаза с утки не сводит.

Вот-вот прыгнет! Мне от этих глаз не по себе стало. Позабыл я о фотоаппарате и снимке. Нужно утку спасать.

Я приподнялся, и наши взгляды встретились. Лиса от удивления растерялась, плотнее прижалась к земле, затаилась и вдруг не выдержала: сморщила верхнюю губу — так и сверкнули белые острые зубы, и угрожающе зарычала, точь-в-точь облезлая собака. Добыча-то ведь какая лакомая!

Так мы с ней и сидели друг против друга, а между нами в нескольких шагах утка, обалдела что ли от страха — не улетает, или тоже надеется, что мы двое ее не замечаем, так просто ползаем. Склонив голову набок, она смотрела то на меня, то на лису. Однако на лисе взгляд останавливался дольше: видно ее острых зубов, бедная, опасалась больше, чем меня.

Раздумывая, я поднялся на ноги, встала нехотя и лиса, следя за каждым моим движением! Я замахнулся на нее, попытался отогнать от гнезда. Не тут-то было! Отскочила, оскандилась — моя, мол, добыча. Поднял хвостинку, опять замахнулся, отскочила подальше и снова стоит.

Пошарил я в карманах, положил недалеко от гнезда ключ, носовой платок. Стреляные гильзы, которые случайно оказались в кармане, чуть ли не под самый нос лисе бросил. Вспомнилось, как говорил отец: лиса особенно боится незнакомых запахов. Если около гнезда положить стреляную гильзу, лиса никогда не подойдет.

Действительно, фыркнула лиса, попятилась.

Я так обрадовался, что и о фотоаппарате забыл. Главное — утка теперь не попадет на завтрак лисе, сможет спокойно вывести свое пушистое потомство и уплыть с ним на озеро.

Николай ГРЕБНЕВ

Рисунки Н. Бойченко

ПЕСЕЦ — ШАХТЕР

В суровую полярную ночь на острове Шпицберген трудно приходится песцам. Им не страшны лютые морозы и сильные бураны: шубы у обитателей тундры теплые. А вот с пищей — беда! Где ее достать, когда все покрыто толстым слоем снега и льда?

В поисках пропитания песцы бродят по горам, долинам, каньонам. Но поживиться чем-либо зверькам удается редко. Разве повезет схватить зазевавшуюся куропатку или подобрать погибшую еще при осеннем отлете птицу, найти на морском берегу выброшенных приливом краба или рыбку. И вот те, что похитрее, становятся постоянными спутниками белого медведя. Когда косялапый выходит на ледяную поверхность залива промышлять ластроногих, песцы тянутся за ним. Завтраки из свежего нерпичьего мяса у мишки бывают частые, — он промысловик опытный. Песцы охотно довольствуются остатками с его стола. Когда же добывать еду становится совсем трудно, песцы жмутся к человеческому жилью.

Пять лет я работал на советских рудниках треста «Арктикуголь» и видел, как доверчиво тянулись к людям в зимнюю стужу эти шустрые, подвижные зверьки.

Заведующий продовольственным складом Александр Ходоков стал подмечать зимой, что кто-то по ночам разбрасывает по полу свежемороженую рыбу. Но как можно проникнуть в помещение, если окна и двери плотно закрыты?

Как-то Ходоков дольше обычного задержался на работе и вдруг почувствовал, что какая-то легкая тень промелькнула между ящиками. За штабелем кладовщик увидел белого зверька, который держал в зубах большую рыбку и с настороженностью смотрел на человека. Так вот кто воришка! Ходоков схватил рыбу, силясь вырвать ее, но песец не отпустил добычу. Единоборство длилось несколько минут. И лишь когда полярник вместе с рыбой поднял в воздух и песца, зверек раскрыл пасть, и, мягко шлепнувшись, стремглав юркнул в небольшую щель дощатого настила, и был таков.

...Здание рудничного радиоузла находилось на окраине шахтерского поселка, за домом раскинулась тундровая долина Мимердаль. Один пе-

сец отважился поселиться под полом радиоузла, проникнув туда через отверстие в цоколе. Заметив стежку, Геннадий Семенов решил помочь голодающему зверьку. Случалось, что Геннадий забывал подбросить корм своему квартиранту, и тогда тот тоскливо лаял, требуя обеда.

Так белый иждивенец пережил тяжелое время, а с наступлением полярного дня снова возвратился в долину. Теперь подкормка ему была не нужна. Зверек направился к птичьим базарам. Там он найдет обилие пищи: будет таскать из гнезда яйца, ловить еще не окрепших птенцов.

Правда, не всегда такая охота кончается удачно. Ловкий и легкий на подъем разбойник иногда забирается высоко в скалы к гнездовьям кайр, чистиков, туликов. Недоброго пришельца опознают, и тогда в птичьем царстве возникает тревога. Вся многочисленная колония поднимается на крыло, и решительное нападение пернатого населения заставляет песца ретироваться.

Много зверьков в полярную ночь шныряет вокруг помещения горноспасателей, которое находится у входа в штольню угольной шахты. Однажды рабочим удалось поймать одного белого песца. Двое суток они продержали зверька у себя, кормили его, а потом выпустили на волю. И что же? Песец снова пришел к своим друзьям, шнырял возле ног человека в надежде получить кусочек лакомого. Так и пасся он вокруг служебного помещения. На кормежку мохнатый иждивенец приходил часто не один, а со своими сородичами. Из общей стайки песец, побывавший в гостях у людей, выделялся: смелее других подходил к дому, будто желая показать, что он здесь свой.

...Как-то после выходного дня горняки зашли в вентиляционный штрек. У решетчатых входных дверей в подземную выработку было много следов. Ребята подкинули сюда кусочки сыра. Через полчаса проверили: все было съедено. Шахтеры решили принять представителей островной фауны на свое довольствие. На другой день «тормозки» (так называют горняки завтрак, который берут они с собой в шахту) у рабочих были больше обычного.

Белые песцы настолько осмелели, что просто осаждали устье штрека, дожидаясь пищи. Здесь нередко завязывались яростные бои из-за еды.

Схватить кусочек рыбы или хлеба — еще не значит съесть: нужно увернуться, чтобы добычу не отнял другой.

Среди шпицбергенских песцов нашелся смельчак, который пробрался в шахту «Пирамида». Это высокогорное предприятие. Оно находится внутри горы-великана, под куполом каменной вершины, на высоте более одного километра над уровнем моря. Проникнуть туда зверьку не составляло особой трудности. В шахте вечная мерзлота, минусовая температура и подземелье пришлось жителю тундры по нутру. Рабочие стали подбрасывать зверьку пищу. Первое время, схватив еду, песец скрывался. Вскоре он обжился и настолько привязался к людям, что пищу брал прямо из рук. Когда шахтеры приходили в выработку, песец встречал их, а если его не было видно, ребята кричали: «Песя! песя!» И из глубины штрека на зов выбегал юркий зверек. Он был настоящим гурманом. Брать хлеб или картошку не хотел. Фыркал, скалил зубы, когда ему подсовы-

вали питание не по вкусу. Лакомством для песца была рыба.

— Песя, рыба, рыба! — говорил кто-нибудь из горняков, держа над его головой кусочек. Он настораживался и, почуяв съестное, хитровато поглядывал своими живыми глазами.

— На лапки! — Он вставал на лапки и получал за усердие награду.

Оттого, что белому песцу приходилось разгуливать по шахтным штрекам и лавам, устраиваясь на лежку под деревянными креплениями, к концу полярной зимы он от угольной пыли стал темно-серый. Весной песец вернулся в родную стихию. А с наступлением суровых арктических холодов наверняка снова придет зимовать в шахту. И не один. Он приведет свое потомство, выращенное в течение короткого шпицбергенского лета.

Н. ЗАЙЦЕВ

ИЛАН — ЗМЕЯ

Время от времени в Репетекском заповеднике в Каракумах распространялся слух, что около железнодорожного семафора видели огромную змею «толщиной в ногу верблюда». Я не раз осматривал саксаульник у семафора, но никаких змей не встречал. Как и везде, суетились у нор песчанки; чернотелки и ящерики вязали на песке узоры; перекликались потревоженные птицы.

Однажды я, как обычно, работал в лаборатории. Вдруг раздался стук. За окном виднелась черная папаха Равшана, работавшего в заповеднике лесником.

— Снова большой илан-змея у семафора! — сообщал он.

Я схватил брезентовый мешок для змей и выбежал на улицу. Равшан ждал меня у дверей с ружьем.

Чем ближе мы подходили к семафору, тем чаще останавливался Равшан.

— Боюсь вспугнуть, — бросал он.

— Да опусти ты ружье, — умолял я спутника.

— Оно не заряжено... А дальше не пойду.

Вон в кусте шевелится.

Я осторожно приблизился к саксаулу, обошел его, как вдруг услышал над собой шипение. Подняв голову, я увидел на вершине дерева большого пятнистого полоза. Сможем ли мы его поймать? Ведь полозы злы, раздражительны и часто сами переходят в нападение. Хотя они и не ядовиты, но укусы их болезненны.

Вдруг рядом щелкнул курок, в стволе зашипело, и как бы нехотя раздался продолжительный выстрел. Все заволочло дымом.

Когда дым рассеялся, я увидел у своих ног полоза. С большим трудом удалось посадить его в мешок: в темноте даже самые агрессивные змеи успокаиваются. Я поправил рюкзак, Равшан перезарядил ружье, и мы отправились домой.

Неожиданно за моей спиной послышалось знакомое шипение и вслед за этим я почувствовал боль в локте. Полоз при малейшем моем дви-

жении кусал шею, шапку, уши. Пришлось сбросить рюкзак. Змея выползла и, укусив меня в ногу, скрылась в чьей-то норе.

— Ну и шайтан! — выругался Равшан.

Пока Магарам, жена Равшана, заливала мои раны йодом, он оживленно комментировал нашу охоту. По мере рассказов размеры полоза все возрастали. А через день за чаем Равшан искренне убеждал меня в том, что если бы не он, вряд бы мне пришлось сейчас пить чай. Я не хотел огорчать доверчивых слушателей и не возражал рассказчику.

Вскоре из Ашхабада на практику в заповедник приехали студенты. Как-то возвращаясь с экскурсии, мы у семафора увидели пятнистого полоза. Те же размеры, необычайная злобность навели на мысль, что это старый знакомый. Мы поймали его и посадили в ведро, где находился пустынный тушканчик. Уже у самого поселка одна любопытная студентка открыла крышку, и полоз пружиной метнулся прочь. Никто и опомниться не успел, как он скрылся в кустах. Тушканчика в ведре не оказалось: обжора слопал редкую добычу!

Неумеренный аппетит полоза был причиной нашей последней встречи с ним в курятнике Равшана. Курятник находился под сенью огромного карагача и был огорожен со всех сторон сеткой. Куры изредка несли маленькие, словно голубиные, яйца, а одна несушка вывела даже цыплят. Однажды в курятнике начался переполох. Прибывшая Магарам увидела полоза, который безуспешно пытался пролезть через сетку. Разбухший желудок мешал ему выбраться из клетки. Когда я подошел к курятнику, здесь уже стоял с ружьем Равшан, однако стрелять не решался.

— Двух цыплят проглотил, шайтан!

— За то сам попался, — утешал я хозяйку.

Поймать отяжелевшего полоза не составило большого труда.

Ю. САПОЖЕНКОВ, доцент

И БОГИ СПУСКАЮТСЯ НА ЗЕМЛЮ...

А. Нагибин (г. Свердловск)

ЗАБАВА БОГАТЫРСКАЯ

Веками славилась Русь богатырскими забавами. Исстари ходили люди с рогатиной на медведя, купались после парной в ледяных прорубях, устраивали кулачные бои и штурмы потешных снежных крепостей. Но полюбоваться борьбой человека с матерым медведем, увидеть джигитовку на косялапом в наши дни доведется не каждому. Этот репортаж сделан в таежной геологической партии.

С медведем Рэмом искателей более двух лет связывает настоящая дружба. Совсем маленьким медвежонком сопровождал Рэм вместе с ездовыми собаками отряды геологов. А после работы на снежной поляне часто устраивались веселые игрища, проводились матчи вольной борьбы.

Рабочий геологической партии Владимир Иванович Сербокрыл — достойный противник Рэма. Матч идет по всем правилам спортивной борьбы. Бросок и... Тут уж лучше выкинуть белый флаг и бежать со снежного ковра.

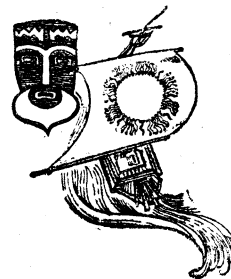
Рефери вполне справедливо объявляет: за мастерство и техничность, а также истинно спортивное поведение Рэм награждается ценным призом. Вручает его повар, ибо в данном случае сгущенка — самая высокая награда победителю.

Фоторепортаж Юрия Муравина

ДВОЙНИК «КОН-ТИКИ»

История повторяется...
Через 23 года после легендарного плавания «Кон-Тики» от берегов Южной Америки отплыл новый бальсовый плот, над которым реял огромный квадратный парус с изображением солнца. Однако на этот раз плот был назван не по имени древнеинкского бога солнца, а более прозаически: «Ла бальса». И экипаж «Ла бальсы» был более интернациональным: испанец Витал Алзар, француз Марсель Модена, чилиец Габриэль Гарцес и канадец Норман Тетроль. Да и сам переход «Ла бальсы» через Тихий океан продолжался почти в полтора раза дольше. Берегов Австралии двойник «Кон-Тики» достиг через пять месяцев и семь дней.

КАЗУС БЕЛЛИ

Одно из самых курьезных и вместе с тем драматичных путешествий совершил в начале первой мировой войны итальянский морской офицер Беллони. Страстный патриот, Беллони жаждал часа, когда Италия объявит войну Германии, а, не дождавись, сам стал искать казус белли¹. Он похитил с верфи подводную лодку, которая была построена для Румынии, решив любой ценой, даже ценой жизни рабочих, которых он обманным путем превратил в экипаж лодки, заставить Италию вступить в войну.

Путешествие Беллони по Средиземному морю продолжалось сутки, пока лодка не была захвачена французским десантом.

¹ Казус Белли (лат.) — формальный повод для объявления войны.

СЕЛ НА... ГОРУ

На Северном Урале, на одной из вершин хребта Ошеньер, можно увидеть удивительный «памятник» — самолет Як-12.

Несколько лет назад во время полета над горами с двумя работниками метеослужбы летчик Юрий Архипов попал в «объятия» мощного горного ветра фена, вырваться из которых ему, несмотря на отчаянные попытки, так и не удалось. С величайшим трудом летчик сумел посадить свою машину на крошечную площадку по соседству с каменным пиком.

Снять пострадавших с вершины вертолетами не успели — весь хребет Ошеньер затянуло плотными снежными тучами. Успели только сбросить на гору теплую одежду и продовольствие. Летчик и его спутники решили спуститься с горы и пробиваться к людям самостоятельно. Спасатели нашли их в тайге только на четвертые сутки.

А самолет так и остался на вершине горы.

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова.

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон 51-22-40.

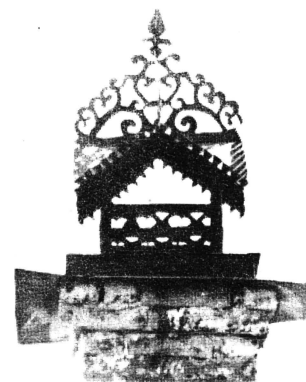
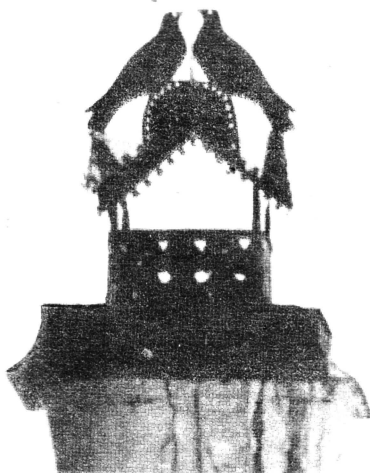
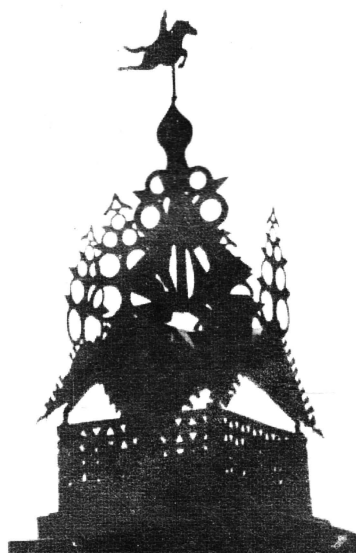
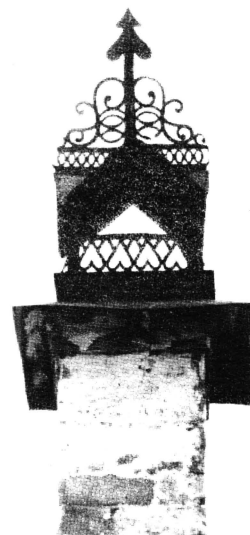
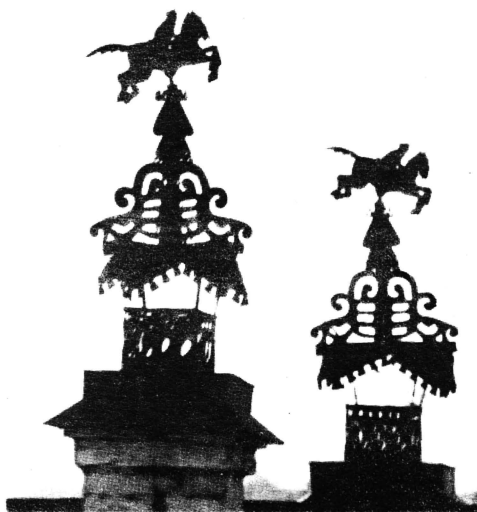
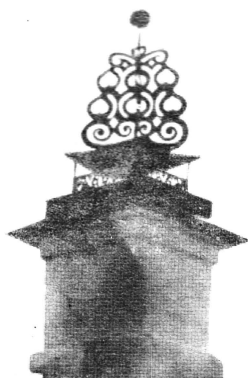
Средне-Уральское Книжное Издательство

Корректор В. Бурангулова.

НС 18081. Подписано к печати 12/IV 1971 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62 бум. л.—8,82 печ. л.
Уч.-изд. л. 9,85. Тираж 155 000. Цена 30 коп. Заказ 114.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

КАК ПАРУСА НАД КРЫШЕЙ

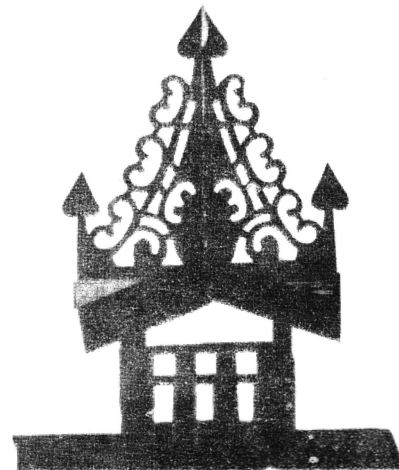

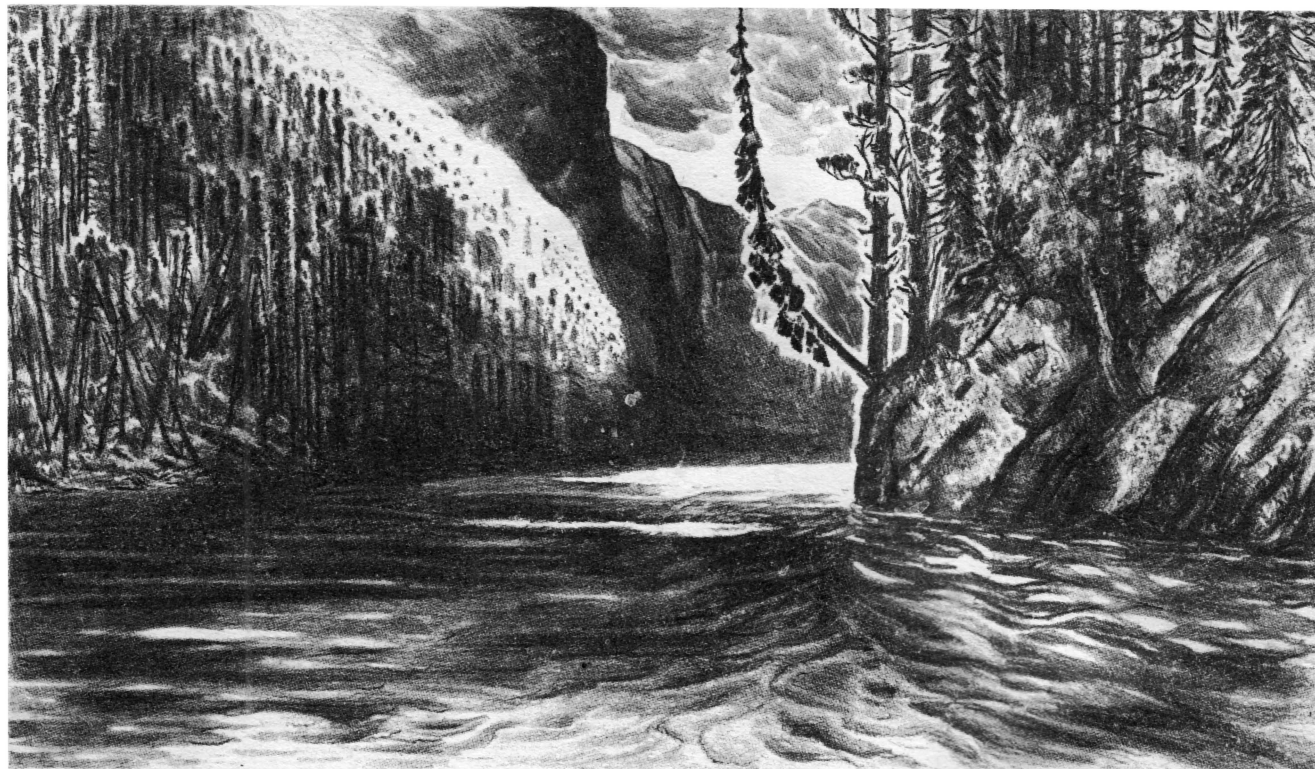
В Тюмени, в «старом» городке, куда еще не шагнули новостройки, в тихих улочках приютились бревенчатые дома. Наличники этих домов украшены деревянной резьбой, а над печными трубами высятся ажурные навершия, которые старые мастера-жестянщики изготовили из просечного железа. В народе называли их «дымники».

Казалось бы, чего проще: чтобы искры не разносились ветром и не наделали беды, чтобы дождь и снег не попадали в трубы, поставь в виде колпака старый чугунок или ведро с изрезанным дном — и цель достигнута. Но стремление людей к красоте родило на свет «беседочки» с восьмикатной кровлей, с узорной решеткой, с четырех столбиками опорных, с пятью главками, как у русских церквей. Со шпилей дымников рвутся вскачь ретивые кони; встречая зорю, поют петухи или мирно воркуют голуби, охраняя «совет да любовь» у семейного очага. Цветами и птицами украшено это маленькое чудо.

Мастера-умельцы придали дымникам такую легкость и изящество, что кажется, вот-вот они сорвутся и поплывут над крышами, как маленькие паруса.

Н. ШАЙХДИНОВА,
сотрудник Тюменской картинной галереи.

М. ГЛАДУНОВ

ВЕРХНИЙ ЕНИСЕЙ (автолитография).

30 коп.

73413

Главный редактор С. МЕШАВКИН

**Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора),
М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, Г. МАШКИН, МУСА
ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный
секретарь), В. ШУСТОВ**